

АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ И ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ «ПОЗИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ»

**ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

**социальная интеграция и развитие
этнокультур Большого Алтая и
Центральной Азии**

2021

УДК 658.1
ББК 65.203
М45

Авторский коллектив:

Максимова С.Г., д.соц.н.
Омельченко Д.А., к.соц.н.

Ноянзина О.Е., к.соц.н.
Суртаева О.В., к.соц.н.

М45 Аналитические материалы: социальная интеграция и развитие этнокультур Большого Алтая и Центральной Азии / под общ. ред. С.Г. Максимовой – Барнаул: Изд-во, 2021. –143 с.

В аналитических материалах на основе социологических исследований представлен анализ информации о развитии Алтайского региона (Большого Алтая), социальной интеграции и развитии этнокультур в странах, расположенных на территории Большого Алтая: Россия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия: выявлены и описаны формальные и неформальные общественные и государственные структуры, определяющие социальную интеграцию; их взаимодействие и влияние на формирование механизма межэтнического взаимодействия на основе онлайн-опроса 339 гражданских активистов (из России – 115 чел.; Казахстана – 121 чел., Кыргызстана – 69 чел., Монголии – 22 чел.).

В аналитических материалах представлена комплексная и дифференцированная оценка процессов формирования гражданских инициатив в области межэтнического взаимодействия; роли национально-культурных объединений, этнических диаспор и земляческих групп в формировании межэтнического и межконфессионального взаимодействия; определении эффективных направлений и технологий регулирования механизма межэтнического взаимодействия в регионе Большого Алтая и стран Центральной Азии.

Аналитические материалы подготовлены с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов по проекту по проекту «Международная школа «Большой Алтай: форсайт-2050» № 20-1-040125 от 20.03.2020 г.

© АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2021

Оглавление

Введение	4
Раздел 1. «Большой Алтай» как модель социальной интеграции и трансграничного сотрудничества	7
Раздел 2. Социально-демографические и профессиональные характеристики представителей экспертного сообщества, принявших участие в социологическом исследовании Большого Алтая	16
Раздел 3. Трансграничные взаимодействия между организациями стран Большого Алтая и основные формы сотрудничества	24
Раздел 4. Оценки гражданского участия и состояния этноконфессиональных отношений в странах Большого Алтая и Центральной Азии	32
Раздел 5. Развитие сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии	93
Раздел 6. Институциональные условия развития трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии	106
Раздел 7. Роль гражданского общества в интеграции стран Большого Алтая и Центральной Азии	113
Заключение	132
Библиографический список	139

Введение

Большой Алтай с точки зрения пространственно-географического положения представляет собой обширный приграничный регион, находящихся на перекрестье границ четырех стран – России (Алтайский край и Республика Алтай), Казахстана (Восточный Казахстан), Монголии (Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки) и Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район), границы которого не являются строгими и однозначно определяемыми на основе одноименного проекта международного сотрудничества. Формирование Большого Алтая как особого региона, своеобразной «буферной зоны» и «зоны конвергенции», плодотворного взаимодействия соседствующих стран, особенно тесно соприкасающихся погранично-периферийных территорий, характеризовалось спецификой протекающих в ней экономических и социокультурных процессов.

Становление этой особой территории и ее ассоциация с конкретным названием происходило длительное время, по меньшей мере начиная со второй половины XIX века и обуславливалось совокупностью географических, политических экономических и других факторов (Старцев, 2016¹). Одна из первых попыток обозначения приграничных территорий как «Большого Алтая» датируется 1934 годом, когда этим термином стали называть не только сам Алтай, но и другие советские территории – Южный Алтай, Калбу, Саур, Монрак и Тарбагатай, затем терминологические инновации были внедрены в конце 1990-х гг., уже после возникновения новых суверенных государств и реанимации и оживления межрегионального взаимодействия (Мушникова, 2018²). В активный научно-практический оборот понятие «Большой Алтай» впервые было введено в ходе научных конференций, происходящих в 2000-е гг. (Бойко, Кожирова, 2014³).

К началу XXI столетия между представителями сопредельных стран достигнуто понимание необходимости социальной и экономической интеграции и объединения усилий в целях устойчивого развития региона, что нашло отражение в создании «Алтайской декларации», проведении цикла конференций и дискуссионных встреч с участием представителей органов власти, ученых и общественности, в ходе которых была выдвинута политико-идеологическая концепция «Большого Алтая» как трансграничного

¹ Старцев А. В. Проект «Большой Алтай»: Историческая ретроспектива и современное состояние // Развитие территорий. – 2016. – № 1 (4).

² Мушникова Е. А. Трансграничный регион Большой Алтай как мультикультурное и полилингвальное пространство // Лингвокультурологический подход в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая. – 2018. – С. 9-13.

³ Бойко В. С., Кожирова С. Б. Большой Алтай: межрегиональное сотрудничество в контексте интеграционных процессов в Центральной и Южной Азии // Большой Алтай – перекресток цивилизаций: материалы VII Международной конференции по научно-техническому, экономическому и культурному сотрудничеству в регионе. – 2014.

комплекса. При этом в обсуждениях и предложениях довольно четко прослеживались две основные линии: экологическая и экономическая. Сторонники первой выступали за остановку крупных производственных проектов ради сохранения и защиты природной уникальности региона и ориентированы на развитие заповедных зон и туристической отрасли, тогда как второй вектор был направлен на интенсивное экономическое сотрудничество по все стороны границы и приоритетное развитие инфраструктуры. Помимо очевидно положительных тенденций по сближению территорий, осознания наличия «общей судьбы» и возможных траекторий совместного развития, интеграционный проект «Большого Алтая» сталкивается с определенными трудностями. Не все предложения, выдвинутые в ходе международных переговоров, были единодушно оценены населением, средствами массовой информации и руководством регионов, возникают трудности организационного характера и финансирования. Ряд инфраструктурных, прежде всего, транспортных, проектов были встречены довольно настороженно и не получили дальнейшего развития (Барабанов, 2002⁴).

В настоящее время регион Алтайских гор является трансграничным узлом с большими возможностями межгосударственного и межрегионального взаимодействия, особой территорией со своей специфической социально-экономической, политической и социокультурной общностью, которая существует на «стыке» взаимодействующих национальных культур, фундаментом которой выступают, прежде всего, исторические традиции и опыт взаимодействия народов Алтая в прошлом (Попков, 2010⁵). Ученые, исследующие Большой Алтай, часто подчеркивают, что основным локомотивом международного регионального сотрудничества в регионе является не экономика, а в первую очередь люди, достижения в области науки, образования, культуры и охраны окружающей среды, ориентация на гуманистические ценности, культурные константы, преодоление этнических и религиозных разногласий (Шишин, Макарова, 2010; Ананин, 2017⁶). Стремление к саморефлексии и распространенность духовных практик, присущая многим живущим на Алтае народам, дает некоторым основания утверждать, что именно здесь происходит формирование новой «духовно-экологической» цивилизации, противостоящей технологической экспансии и консьюмеризму (Иванов, Фотиева,

⁴ Барабанов О. Большой Алтай: проект трансграничного регионального сотрудничества на стыке Центральной Азии и Сибири //Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №. 5. – С. 23.

⁵ Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с

⁶ Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории / под ред. М.Ю. Шишина, Е.В. Макаровой. Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2010. 313 с. Ананин Д. П. Становление традиций научно-исследовательской деятельности в странах Большого Алтая //Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2017. – №. 1 (1).

Шишин, 2006⁷). Ориентация на приоритеты межкультурного диалога, публичной дипломатии и гуманитарное сотрудничество в трансграничных взаимодействиях, усиление роли гражданского общества в формировании политической «повестки дня» обусловили необходимость оценки актуального состояния и основных характеристик общественного сознания и социальных настроений в изучаемых странах. Понимание того, насколько жители приграничных территорий и, в целом, стран Большого Алтая и сопряженных государств Центральной Азии, готовы проявлять свою гражданственность и участвовать в общественных инициативах не только у себя на родине, но и в пространстве международных отношений, важно для оценки перспектив социокультурного развития региона, поддержания его имиджа как «зоны конвергенции» и формирования макрорегионального, наднационального гражданского общества.

⁷ Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации / Барнаул: Фонд «Алтай XXI век», 2006.

Раздел 1. «Большой Алтай» как модель социальной интеграции и трансграничного сотрудничества

Сегодня в пространстве стран Большого Алтая и Центральной Азии вновь актуализировались идеи интеграции. Существует условное интеграционное объединение, носящее название «Центральноазиатская пятерка», которое долгое время существовало в форматах, собиравшихся извне. Например, США, Япония, ЕС, Южная Корея встречались со странами Центральной Азии по формуле «США + 5», «Япония + 5», «ЕС + 5», «Южная Корея + 5»⁸. Вместе с тем, страны Центральной Азии объективно нуждаются в реализации интеграционных стратегий, поскольку в регионе существует целый ряд трансграничных проблем, таких как, например, водно-энергетические, терроризм, религиозный экстремизм, трансграничная преступность, которые требуют совместного решения. Однако разный политико-экономический статус и внешняя политика государства Центрального региона во многом усложняют интеграционные процессы, в том числе выбора формата интеграции, помимо, например, «Россия +5». Следует учитывать и то, например, что только Казахстан и Кыргызстан состоят в ЕАЭС, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан в ОДКБ, а Туркменистан вообще имеет статус «позитивного нейтралитета»⁹.

Многие аналитики подчеркивают, что до сегодняшнего дня во всех случаях, когда «центральноазиатскую пятерку» собирали внерегиональные игроки, страны Центральной Азии выступали больше как объект системы международных отношений, а не как ее субъект. Происходящее сейчас возвращение к идее центральноазиатской интеграции означает, что государства региона готовы сознательно повысить свою роль как субъектов международных отношений, взять на себя ответственность за формирование политических, экономических и социальных структур своего региона¹⁰.

Отметим и то, что после распада СССР в 1991 году страны Центральной Азии оказались в довольно тяжелой ситуации по сравнению с советским периодом, где существовала сильная экономическая взаимозависимость союзных республик, но при этом общий уровень развития республик этого региона был ниже, чем у европейской части постсоветского пространства. Кроме того, страны Центральной Азии были изолированы от мировых рынков вследствие особого территориального расположения вдалеке от Мирового океана. Следовательно, им было необходимо сотрудничать друг с

⁸ Жуков С. Экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве/ Жуков С., Резникова О.// Кавказ & Глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. – 2006 - Том 1 (1).

⁹ Саидазимова Г. Интеграция в Центральной Азии: реалии, вызовы, возможности// Центральная Азия и Кавказ. - 2000. - № 3 (9). - С. 81.

¹⁰ <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-tsentralnoaziatskoy-integratsii/#1>.

другом для преодоления всестороннего кризиса. Существовало много открытых вопросов, которые нужно было решать скоординировано – прежде всего, вопросы в водно-энергетической сфере¹¹.

С целью их разрешения создавались организации для регулирования отношений между государствами на региональном уровне. Но, несмотря на наличие общих проблем и имеющихся сближающих факторов, проекты по созданию полноценного интеграционного объединения так и не воплотились в жизнь¹².

30 апреля 1994 г. между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызской Республикой был подписан Договор о создании Единого экономического пространства, который предусматривает «свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и обеспечивает согласованную кредитно-расчетную, бюджетную, таможенную и валютную политику»¹³. Была поставлена четкая цель по развитию интеграционных программ между государствами. Это положило начало созданию Центральноазиатского союза (ЦАС). Более того, было активизировано сотрудничество в политической сфере: в 1995 г. был учрежден Межгосударственный совет на уровне глав государств, а также Совет премьер-министров, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны – то есть были созданы институты для регулирования взаимоотношений в соответствующих направлениях. Было также принято решение о создании Центральноазиатского банка сотрудничества и развития (ЦАБСР)¹⁴.

В рамках ЦАС был подписан ряд соглашений, включая соглашения об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, в области охраны окружающей среды. Тем не менее, процесс не продвинулся далеко, и ЦАС просуществовал только до 1998 г. Это было связано с тем, что лидеры государств имели разные взгляды на интеграцию в Центральной Азии, к тому же требовали внимания более острые социально-экономические вопросы внутри государств. Поэтому политический аспект интеграции был отложен в пользу расширения экономического сотрудничества в регионе¹⁵.

После присоединения Таджикистана, в 1998 г. ЦАС был преобразован в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). Уже в новом составе страны

¹¹ <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-tsentralnoaziatskoy-integratsii/#1>.

¹² Махмутова Е.В. Центрально-Азия в поисках собственной интеграционной модели// Вестник МГИМО-Университета. - 2018. - №4 (61). - С. 78-91.

¹³ Махмутова Е.В. Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели// Вестник МГИМО-Университета. - 2018. - №4 (61). - С. 78-91.

¹⁴ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии. - 2008. - 248 с.

¹⁵ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии. - 2008. - 248 с.

выдвинули такие сферы сотрудничества как взаимодействие на водно-энергетическом, агропромышленном направлении, взаимодействие в сфере транспорта, а также координация в области охраны окружающей среды. Особое внимание было уделено созданию зоны свободной торговли как первому шагу на пути к формированию единого экономического пространства. Эти направления были подкреплены принятием таких документов как Стратегия интеграционного развития ЦАЭС на период до 2005 г. и Программа первоочередных действий по формированию единого экономического пространства до 2002 г. Предполагалось, что за завершением формирования зоны свободной торговли последует создание таможенного, платежного и валютного союзов, итогом чего станет формирование единого рынка товаров, услуг и капиталов. В целом, в рамках ЦАЭС были утверждены более 50 экономических проектов и заключены около 160 многосторонних документов, но большинство из них так и не были реализованы. Одной из основных причин тому была низкая доля объема взаимной торговли внутри региона, которая и в дальнейшем стремительно уменьшалась¹⁶, так как страны региона стали все больше ориентироваться на внерегиональных торговых партнеров.

В связи с усилением влияния радикального исламизма и приближением войск движения «Талибан» (организация признана террористической, ее деятельность запрещена в России) к границам Центральной Азии, все более актуальным становился вопрос о безопасности в регионе. В этой связи важным аспектом было усиление военно-политического сотрудничества, как между странами региона, так и с внешними акторами. С целью активизации многостороннего сотрудничества в области обеспечения безопасности в регионе, выработки политики в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом на очередном саммите в Ташкенте в 2001 г. было принято решение о преобразовании ЦАЭС в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Таким образом, экономический фокус внимания переместился на вопросы обеспечения стабильности и поддержания мира в регионе. В рамках новой организации было активизировано сотрудничество на военно-политическом направлении, к тому же были предприняты попытки усиления политической составляющей, а именно межпарламентского сотрудничества государств, и создания Совета парламентариев государств – участников ОЦАС. Но, несмотря на активную деятельность государств региона по построению интеграционных структур и усилению сотрудничества, интеграция так и не достигла поставленных целей. Единый рынок не был создан. Причиной служило то, что экономики стран все дальше дистанцировались. В связи с принятием решения о

16 <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novy-eta-p-tsentralnoaziatskoy-integratsii/#5>.

присоединении России к ОЦАС, в 2005 г. ОЦАС объединился с ЕвразЭС и, таким образом, фактически был ликвидирован.

В дальнейшем, несмотря на то, что идея центрально-азиатской интеграции всегда оставалась актуальной, новые предложения не находили большой поддержки в регионе. Например, в 2005 г. президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул идею о создании новой интеграционной организации, но Узбекистан не поддержал инициативу, отдавая приоритет развитию двусторонних отношений.

Когда мы начинаем размышлять о причинах неуспеха предыдущего этапа центрально-азиатской интеграции, прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что масштабность интеграционных идей в Центральной Азии в период 1990 – начала 2000-х гг. не была подкреплена реальными экономическими инструментами¹⁷. И по сегодняшний день процесс интеграции в ЦА протекает медленно¹⁸. Это определяется рядом причин, главными из которых являются разные модели реформирования экономик, темпы экономического роста. По мнению ряда экспертов, процессы дифференциации экономических и политических систем, национальных интересов и международных ориентаций пока преобладают над тенденцией интеграции¹⁹. В определенной мере и Россия сделала не все для успешного развития региона. Так, на заседании Российского общественного совета по международному сотрудничеству и публичной дипломатии было сказано, «что Россия до сих пор, по существу, так и не сделала никакой серьезной заявки на преобразование совместного прошлого в тот или иной проект совместного будущего, происходит изнашивание «ностальгического ресурса». Претензия на лидерство, основанная на эксплуатации темы общего прошлого и чисто количественном ресурсном преобладании, а не на привлекательном образе будущего или успешной модели национальной модернизации воспринимается частью местных элит без энтузиазма, а зачастую и откровенно враждебно»²⁰. Для того, чтобы

¹⁷ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии. - 2008. - 248 с.

¹⁸ Торопыгина А.А. Трансграничные международные проекты в Центральной Азии и участие в них России // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА. – № 1 (15) – 2014.

¹⁹ Пятая сессия Руководящего Совета СПЕКА. Доклад. Дворец Наций, Женева, 19 октября 2010 г. С. 49. [Электронный ресурс] http://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/SPECA/documents/gc/session5/Report_SPECA_2010_gc_r.pdf;
Смагулова Д. Интеграционные процессы в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция, 2012, № 4. С. 116.

²⁰ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития. М., 2012.

переломить эту негативную тенденцию, необходимо решать вопросы более системно, комплексно. Большую роль в этом может сыграть «мягкая сила»²¹. Как известно, автор концепции «мягкой силы» американский политолог Джозеф Най²² определяет ее как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек». Энергичную и инициативную роль на этом направлении стало играть Россотрудничество. Опора на диаспору за рубежом, работа с соотечественниками может стать подспорьем в продвижении российских интеграционных инициатив.

«Помимо наполнения реальным содержанием экономического взаимодействия есть еще один фактор – это фактор “мягкой силы”. “Мягкая сила” выступает как способность увлекать и привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях». Возможности «мягкой силы» более всего отвечают стоящим перед РФ внешним задачам, которые полностью вытекают из потребностей внутреннего развития страны: – обеспечение дружественного окружения; – создание модернизационных альянсов; – усиление евразийской интеграции²³.

Такие модели развиваются и на региональном уровне. В частности, длительное время обсуждается один из первых проектов по трансграничному сотрудничеству – «Большой Алтай». Сначала региональные инициативы в этой сфере не выходили за рамки отдельных экологических проектов, но с лета 2000 года переговоры (как по линии региональных администраций, так и по неправительственным каналам) вышли на качественно иной уровень. Их участники ставят вопрос о полномасштабной трансграничной интеграции по типу «еврорегионов», о создании трансграничного «Алтайского горного региона», «Большого Алтая» (русские термины), иначе – «Восточно-Центральноазиатской экономической зоны» (китайский термин)²⁴.

С российской стороны в них вовлечены Алтайский край и Республика Алтай, с казахской – Восточно-Казахстанская область, с монгольской – Баян-Улэгэйский и

²¹ Соловьева Е.В. «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР, 2012, № 1. С. 87.

²² Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ – XXI, 2004, № 10.

²³ Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2012. – С. 65.; Pang Zhongying. On China's Soft Power / Siis.org. cn: Shanghai Institutes for International Studies. [Электронный ресурс] URL: http://www.siis.org.cn/Sh_Yj_Cms/Mgz/200601/2008724225610L5PS.pdf; Слипечук М.В. Проекты Евразийского экономического пространства // Евразийская интеграция в XXI веке. М., 2012. С. 227; Косачев К. Россотрудничество как инструмент «мягкой силы» [Электронный ресурс] URL: http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/fs26_kosachyov.pdf.

²⁴ Барабанов О. «Большой Алтай»: проект трансграничного регионального сотрудничества на стыке центральной Азии и Сибири.

Кобдосский аймаки, с китайской – Алтайский округ Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР).

В сентябре 1998 года на конференции по устойчивому развитию региона, которая состоялась в административном центре СУАР г. Урумчи, по инициативе правительства Республики Алтай от имени ее природоохранных ведомств, а также Восточно-Казахстанской области, СУАР и Баян-Улэгэйского аймака была провозглашена так называемая «Алтайская декларация»²⁵. Она призывала заинтересованные стороны объединить и скоординировать усилия для защиты природного комплекса Алтайских гор по все стороны границы и создать трансграничную сеть заповедников, имеющих в этих регионах. В декларации содержался призыв к правительствам четырех стран принять межгосударственную конвенцию по устойчивому развитию в Алтайском регионе (так называемую «Алтайскую конвенцию»). Кроме того, было заявлено, что региональные природоохранные ведомства действуют от имени своих правительств, и в дальнейшем тексте декларации их перечисление заменили формулой «четыре государства».

Летом и осенью 2000 года при поддержке региональных властей состоялся новый цикл конференций по трансграничной интеграции на Алтае, уже посвященных экономическим аспектам проблемы. Так, в июле на встрече в центре Алтайского округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (г. Алтай) была принята Декларация о развитии международного сотрудничества в Алтайском горном регионе, а на конференции, проходившей в июле на озере Ая (Алтайский край) учрежден постоянно действующий «Алтайский горный форум».

Затем была выдвинута и политико-идеологическая концепция «Большого Алтая» как трансграничного комплекса этих регионов. Ее одобрили представители местных властей четырех стран 1 ноября 2000 года, когда в Барнауле при содействии администрации Алтайского края состоялась еще одна международная конференция по данной проблеме. В качестве модели подобного сотрудничества были предложены «еврорегионы» – трансграничные объединения соседних областей внутри Европейского союза и по его внешним границам. В заключительной декларации конференции отмечалось, что «Большой Алтай» является неотъемлемым элементом «Новой Азии»,

²⁵ Strategic Considerations on the Development of Central Asia. Urumqi. 1998; Декларация о развитии международного сотрудничества в Алтайском горном регионе // Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия. Барнаул: Администрация Алтайского края. 2000. С. 259—261.; Резолюция международной научно-практической конференции "Сибирь в трансазиатских связях: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия" // Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия. С. 235—241.; Конференция по научно-техническому сотрудничеству и экономическому развитию Алтайского региона. Сборник. г. Алтай, 2000.

выстраивающей на межрегиональной основе инфраструктуру равноправных и взаимовыгодных связей.

Практически с самого начала в интеграционных проектах «Большого Алтая» намечились две основных линии: экологическая и экономическая. Сторонники первой заявили о необходимости превратить алтайскую горную систему в своего рода «зону покоя», приостановить на ее территории крупномасштабные хозяйственные проекты, а интеграционные усилия направить в первую очередь на создание трансграничной сети заповедников и на туризм. Другой предлагаемый путь – экономическое сотрудничество по все стороны границы и приоритетное развитие инфраструктуры. Именно эту модель поддерживают органы исполнительной власти данных регионов.

При этом «Большой Алтай» остается лишь проектом, а трансграничная кооперация регионов налажена в основном на двустороннем уровне. В последние десятилетия между странами Большого Алтая нарастает обмен деловыми делегациями и туристическими группами, особый интерес вызывает сотрудничество российского Алтая и других регионов Сибири с Центральной Азией. Это объясняется тем, что в советское время (благодаря Турксибу) большая часть алтайских предприятий была ориентирована как на источники сырья, так и на рынки сбыта этих республик: в Казахстан и Среднюю Азию поставлялось 30% продукции края. Именно поэтому после распада СССР он оказался в числе наиболее пострадавших от разрыва связей с Центральной Азией, даже среди пограничных с ней регионов России. Наиболее негативно эта ситуация отразилась на легкой, химической промышленности и на сельскохозяйственном машиностроении.

В то же время российско-казахстанское региональное сотрудничество в зоне Степного Алтая осложняется тем, что на этом участке приграничной полосы есть возможности для контрабанды товаров и наркотрафика, а взаимодействие правоохранительных и таможенных органов двух стран еще не вышло на должный уровень. Еще одна проблема в отношениях России и Казахстана — необустроенность государственной границы. Ее фактическая открытость, большое количества объездных дорог на ее степном участке в Алтайском крае, отсутствие естественных преград способствуют незаконному вывозу из России стратегически важного сырья и продукции, подпадающих под меры нетарифного регулирования. Кроме того, открытая граница позволяет ввозить на территорию России наркотики и наркосырье из Казахстана и Центральной Азии.

Прозрачности российско-казахской границы для наркотрафика способствует и то, что милиция Казахстана практически блокирует предложения российских коллег о сотрудничестве и совместных операциях. Все попытки алтайских милиционеров наладить

сотрудничество в этой сфере заканчивались только подписанием соглашений, а на практике казахстанская сторона не шла на взаимодействие и категорически отказывалась пускать алтайских милиционеров на свою территорию для проведения оперативных мероприятий. Исходя из этого, власти края уже не менее пяти лет пытаются на правительственном уровне инициировать надлежащую охрану государственной границы между Российской Федерацией и Казахстаном²⁶.

Ряд двусторонних и многосторонних проектов в сфере экономики реализуется на территории Монголии. Главным из них является так называемая программа «Дорога тысячелетия», направленная на создание и модернизацию трансмонгольской сети автодорог. По плану это будет трасса, которая пройдет через всю Монголию – с запада на восток, и несколько ответвлений от нее – на север и на юг. Большой интерес к этому проекту проявляют японские и китайские компании. Монгольская сторона уже практически договорилась с первыми о строительстве всего восточного участка трассы. Китай уже модернизировал магистраль от Улан-Батора до северной границы страны (правда, по отзывам представителей Монголии, некачественно), а сейчас компании СУАР вызвались за свой счет сделать дороги от китайской границы до Кобдо, а также изъявили готовность участвовать и в строительстве других участков на западе и юге Монголии.

Модернизация дорог в Западной Монголии может иметь большое значение для торгового и инвестиционного сотрудничества для всех приграничных районов. Поэтому понятно, что страна, которая примет более активное участие в реализации этого проекта, получит лучшие стартовые позиции для своей хозяйственной деятельности в регионе.

Кроме того, Монголия предлагает властям Республики Алтай участвовать в разработке серебряных и полиметаллических рудных месторождений, расположенных на северо-западе страны, вблизи российской границы. Этот проект также весьма интересен с экономической точки зрения.

Следует отметить, что сотрудничество приграничных районов России с Монголией постепенно выходит на более высокий уровень, намечаются контуры общесибирской координации этих вопросов²⁷.

²⁶ Барабанов О.Н. Алтайский край // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 2000, № 4. С. 176—179; Он же. Дорога в Китай: мифы и реальность // Формат. Барнаул: Комитет по печати и информации Администрации Алтайского края, 2001, № 1. С. 17—18; Он же. "Большой Алтай": новые возможности для российской политики в Китае // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. С. 41—46.

²⁷ Проблемы и практика межрегионального сотрудничества и приграничной торговли. Рубцовск, 1998.; Отношения российского Алтая с прилежащими регионами Монголии в 1990-е годы подробно изложены в: Барабанов О.Н., Ножкин С.Ю. Взаимоотношения Монголии с Алтайским краем // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. М.: Российский институт стратегических исследований, 1998. С.

Таким образом, в настоящий момент сотрудничество между приграничными районами России, Казахстана, Китая и Монголии в Алтайском регионе активно развивается. При политической воле центральных и местных властей четырех государств оно трансформируется в многосторонний проект трансграничной кооперации «Большой Алтай».

Раздел 2. Социально-демографические и профессиональные характеристики представителей экспертного сообщества, принявших участие в социологическом исследовании Большого Алтая

Абсолютное большинство экспертов и молодых гражданских активистов, принявших участие в социологическом опросе, по своей институциональной аффилиации принадлежали к образовательным организациям высшего профессионального образования, включая научные структуры образовательных учреждений (81,2%), а также к научно-исследовательским институтам и аналитическим центрам, входящим в состав Российской Академии наук, Академии наук национальных республик, Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Академии Наук Монголии (11,1%). Незначительное количество респондентов представляли казахские и киргизские учреждения основного общего или среднего профессионального образования (2,2%), общественные и молодежные организации России и Кыргызстана (2,1%), российские и казахские бизнес или производственные организации (1,7%). Единичные ответы были получены от российских средств массовой информации, учреждений культуры (рисунок 1).

Рисунок 1 – Организационная принадлежность опрошенных экспертов, %.

В России проведенное исследование охватило научно-исследовательские, академические, общественные и бизнес-организации, расположенные в 14 регионах, Москве и Санкт-Петербурге. В силу естественных причин, связанных с местом работы авторов и общей региональной заинтересованностью в развитии тематики Большого Алтая, наличием опыта и традиций международного сотрудничества в данной сфере, среди всех регионов России большой вклад в исследование внесли эксперты из

Алтайского края, представившие основные вузы региона – Алтайский государственный университет, Алтайский государственный аграрный университет, Алтайский государственный педагогический университет, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. Среди общественных организаций, чьи представители дали свои оценки, стоит отметить «Центр татарской культуры "Дулкын"», «Институт социальных инноваций», Алтайское краевое отделение Русского географического общества, среди коммерческих организаций – туристическую компанию «Арго».

Для нас имело огромное значение, что к экспертному опросу подключились ученые приграничных республик Тывы и Алтай, включенных в трансграничное пространство Большого Алтая и имеющих здесь свои экономические и культурные интересы. В Республике Алтай в исследовании приняли участие эксперты из Научно-исследовательского института алтаистики им С. С. Суразакова и Горно-Алтайского государственного университета, в Республике Тыва – специалисты Национального музея республики Тыва, Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований и Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Важные замечания и оценки ключевых показателей исследования были получены от ученых Российской Академии наук, работающих в институтах востоковедения, материальной культуры и экономики, Московского государственного университета и Российского государственного социального университета.

Значительная часть экспертных оценок были представлены учеными Новосибирска, также представляющими учреждения Сибирского отделения Российской академии наук – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Научно-исследовательский институт истории, Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука, а также Сибирский государственный университет геосистем и технологий и Новосибирский государственный педагогический университет. Отрадно, что большой интерес к исследованию состояния гражданской и этнокультурной сфер Большого Алтая проявили коллеги и из других сибирских и дальневосточных регионов – Забайкальского края (Забайкальский государственный университет), Иркутской области (Байкальский государственный университет, Учебный центр «Аната»), Кемеровской области (Кемеровский государственный университет и его новокузнецкий филиал), Красноярского края (Сибирский федеральный университет, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, Сибирский завод тяжёлого машиностроения), Томской области (Томский государственный университет).

Полевой этап исследования и сбор экспертных данных показал, что тематика развития Большого Алтая и Центрально-Азиатского региона и вызывает большой интерес в российском научном сообществе: наши информанты не только активно включались в процесс опроса, но и были весьма заинтересованы в получении результатов, что свидетельствовало о необходимости и востребованности актуальных научных данных о происходящих в регионе интеграционных процессах, консолидации действий гражданских институтов, развитии и взаимодействии этнических культур. Этот интерес выходил далеко за пределы рамки географической зоны Большого Алтая, мы получили экспертные оценки из Екатеринбурга (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) и Тюмени (Тюменский государственный университет), Ростова-на-Дону (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)), Казани (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан) и Курска (Курский государственный университет).

Со стороны Республики Казахстан в научно-исследовательскую часть проекта включились 13 крупнейших городов страны, представляющие различные территориальные и административные образования. В социологических опросах приняли участие эксперты из ведущих образовательных и научных организаций Нур-Султана (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Евразийский гуманитарный институт, Международный университет «Астана», Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, а также представители школ-лицеев № 79 и № 15), Алматы (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Евразийский научно-исследовательский институт – филиал Университета Ахмеда Ясауи, Казахская академия транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева), Караганды (Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском университете им. Е.А. Букетова), Павлодара (Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодарский педагогический университет, Инновационный Евразийский университет, а также представители Березовской общеобразовательной средней школы), Усть-Каменогорска (Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Восточно-казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Казахстанско-Американский Свободный университет), Семей (Университет Шакарима), Атырау (Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова), Костаная (Костанайский социально-технический университет имени академика З. Алдамжар), Уральска (Научно-

исследовательский институт «Транс»), Петропавловска (Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева), Темиртау (Карагандинский индустриальный университет), Туркестана (Международный университет туризма и гостеприимства), Экибастуза (Экибастузский инженерно-технический институт имени академика К. И. Сатпаева).

Трансграничное развитие Большого Алтая неразрывно связано широким контекстом социально-экономического, политического и социокультурного развития всего Центрально-Азиатского региона. Кроме Казахстана, чья Восточно-Казахстанская область географически включена в горную систему Алтая, и политически считается важным участником международного координационного совета «Наш общий дом Алтай», ближе всего к исследуемому нами региону расположен Кыргызстан, имеющий тесные кооперационные связи не только с российскими регионами, но и с другими странами Центральной Азии. Учитывая большой опыт и прочные устоявшиеся профессиональные связи в ученом сообществе, стремились получить экспертные оценки и от наших киргизских коллег.

Активнее всего, в силу столичного расположения, в наше исследование включились академические организации, расположенные в Бишкеке (Национальная академия наук Кыргызской республики, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, включая представителей Центр стратегических исследований и Профессиональный колледж, Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Кыргызско-Российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина, в том числе Центр религиоведческих исследований, Академический консорциум «Международный университет Кыргызстана», Институт социального развития и предпринимательства, Международный Институт Кейин, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Социологическая организация Кыргызстана (САК), Фонд исторического и культурного наследия народа Кыргызстана «Мурас»). Между тем, исследованием были охвачены и другие города и территории Кыргызстана: Ош (Ошский государственный университет, Кыргызско-Узбекский Международный университет им. Б. Сыдыкова), Джалал-Абад (Международный университет им. К. Ш. Токтомаматова, Научно-исследовательский медико-социальный институт, Майлуу-Сууйский колледж Жалал-Абадского государственного университета им. Б. Осмонова), Каракол (Иссык-Кульский государственный университет им К. Тыныстанов), Нарын (Нарынский государственный университет имени С. Нааматова), Талас (Таласский государственный университет).

Труднее всего оказалось получить экспертные данные от монгольских специалистов, что было связано, прежде всего, с языковыми проблемами, поскольку опрос проводился на русском языке и был ориентирован на русскоязычное население стран, включенных в исследование. Мы выражаем большую благодарность нашим монгольским коллегам из Института философии Академии наук Монголии, Монгольского государственного университета, Монгольского национального университета, Монгольского государственного аграрного университета, Монгольского государственного университета науки технологии, Центра изучения кочевого пастбищного животноводства, Ховдского государственного университета, сотрудника Русского дома в Улан-Баторе, а также нашим российским коллегам из Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, которые, несмотря на организационные ограничения, смогли принять участие в нашем исследовании и выразить свое мнение. Полная география исследования и представленные в нем города обозначены на карте (рисунок 2).

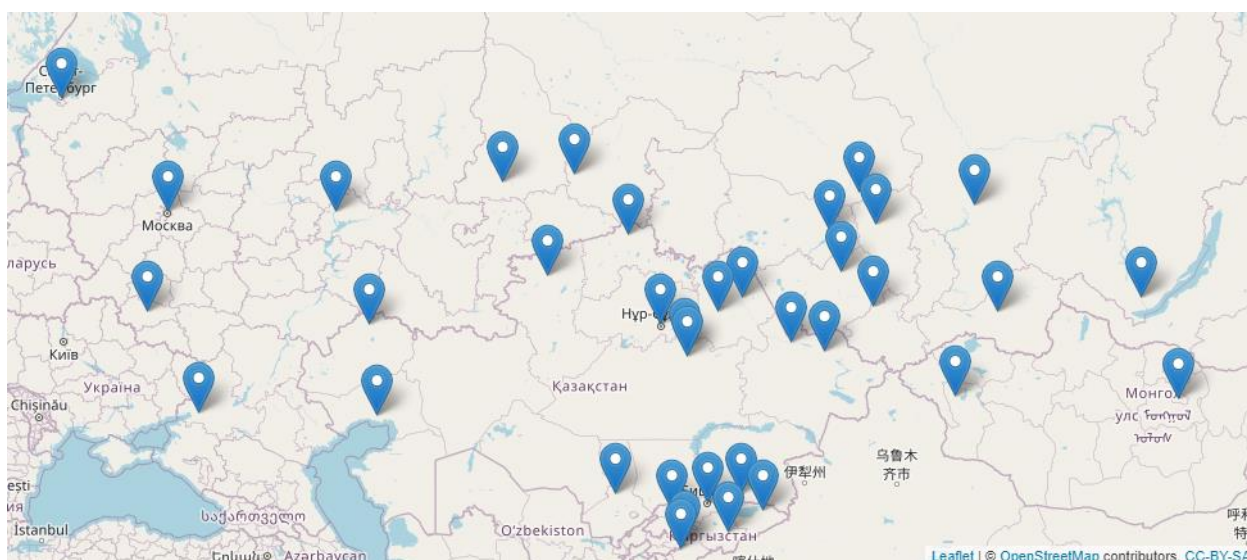

Рисунок 2 – География исследования, охваченные социологическими опросами регионы России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии.

Если рассмотреть географические характеристики организаций исследования и места проживания экспертов, их внутристрановой административный статус, то можно заметить, что почти половина экспертов (48,9%) – проживали в мегаполисах и столицах своих государств, особенно в Кыргызстане (70,4%) и Монголии (80%), чуть меньшая часть (46,3%) – в городах областного и краевого значения (в российской выборке – 77,9% экспертов, тогда как в Казахстане -37,3%, Кыргызстане – 24,2%:, в Монголии – 13,3%). Оставшаяся, весьма незначительная часть экспертов проживали в городах районного уровня (4,4% в общей выборке), менее 1% – проживали в сельской местности (рисунок 3).

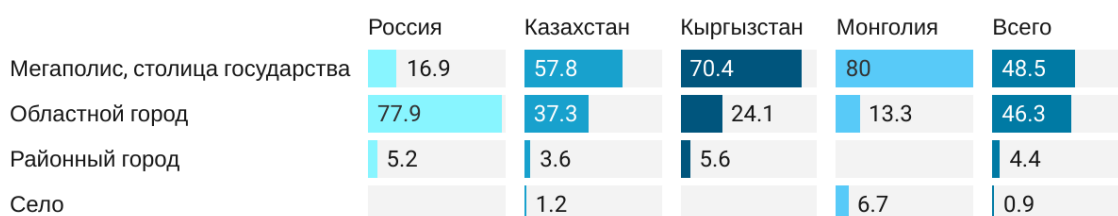

Рисунок 3 – Месторасположение организации респондента, %.

Анализ трудового и профессионального статуса опрошенных показал, что наше исследование действительно являлось экспертным, полученные оценки происходили в подавляющем большинстве случаев от специалистов, имеющих непосредственное отношение к изучаемой теме: около 80% ответов в общей выборочной совокупности (примерно в равных пропорциях во всех странах) принадлежали преподавателям и научным сотрудникам академических организаций, 6,4% (в Монголии – 15,4%) – лицам, занимающим руководящие должности в этих организациях, то есть лицам, обладающим высоким уровнем информированности и принимающими решения в области международного сотрудничества и научно-исследовательской деятельности. Более 90% опрошенных во всех странах имели высшее профессиональное, в том числе послевузовское образование, ученые степени, в том числе 100% – в России и Казахстане, 98,0% – в Кыргызстане и 93,3% – в Монголии. Лишь около 4,1% информантов являлись специалистами или сотрудниками общественной организации, около 5% – специалистами коммерческих организаций, доля студентов составила также около 5%, больше всего – в Казахстане (10%) (рисунок 4). Между тем, присутствие последних категорий не умаляло ценности представленных мнений, напротив, наличие в исследовании разнообразия групп экспертов и представителей гражданского общества обеспечивало большее разнообразие и, в конечном итоге, его репрезентативность.

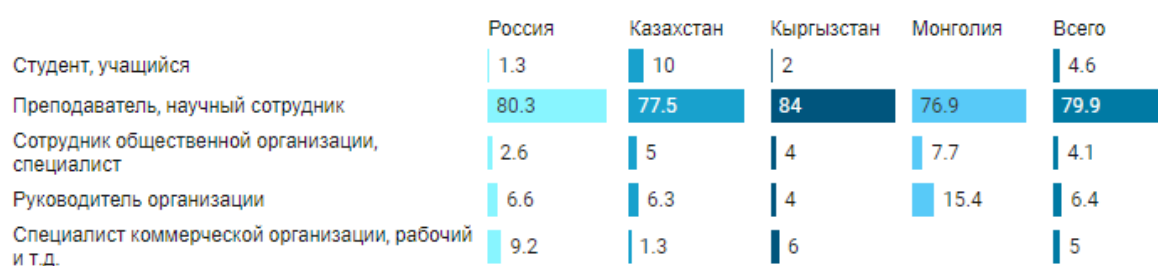

Рисунок 4 – Социально-профессиональный статус респондентов, %.

Относительно социально-демографических характеристик опрошенных нужно отметить, что во всех странах исследования значительную часть экспертного сообщества составляли женщины (в целом – 64,0%). Однако, их присутствие в выборках по отдельным странам не было «униформальным», были выявлены значимые различия в долях женщин в зависимости от места проведения опроса (χ^2 , $p < 0,05$). В частности, в

России доля женщин среди опрошенных составила 58%, в Казахстане – 77%, в Кыргызстане – 58%, в Монголии 53% (рисунок 5). Таким образом, гендерная диспропорция в большей степени наблюдалась в казахской выборке, можно объяснить представленными организациями (большое количество академий и университетов, организаций среднего образования, где роль женщин велика, меньшая представленность исключительно научных организаций).

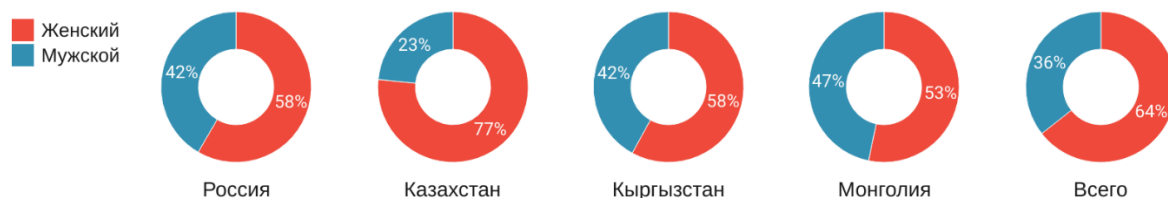

Рисунок 5 – Распределение респондентов исследования по полу, %.

Несмотря на преимущественно «женскую» выборку и академическую направленность исследования, опросами были охвачены различные возрастные группы опрошенных, что обеспечивало необходимую вариативность оценок и отсутствие необъективного поколенческого «сдвига». В частности, 22% опрошенных в общей выборке имели возраст до 35 лет, 43% - от 36 до 50 лет, 35% - 51 год и старше. Несмотря на отсутствие статистически значимых различий, стоит отметить, что казахская выборка была в большей степени «молодежной» (31,0%), что отчасти объяснялось участием студентов. Меньше всего респондентов младшей группы было опрошено в России (16%). Что касается старшего поколения, то его вклад в исследование был максимальным среди экспертов из Монголии, 43,0% которых были старше 51 года, тогда как в Казахстане, напротив, только около трети экспертов были «солидного» возраста (рисунок 6). В России средний возраст экспертов составил 48,3 года, медиана 47 лет, минимальный возраст опрошенного – 24 года, максимальный 78 лет. В Казахстане средний возраст составил 42,6 года, медиана – 40,0 лет, минимальный возраст – 22 года, максимальный – 83 года. В Кыргызстане средний возраст составил 46,8 года, медиана – 46,5 года, минимум – 19 и максимум – 70 лет. В Монголии средний возраст опрошенных составил 45,9 года, медиана – 46,5 года, минимум 28 и максимум – 60 лет. Безусловно, вышперечисленные социально-демографические и профессиональные характеристики респондентов, их организационной принадлежности следовало учитывать при анализе полученных оценок. С одной стороны, это были представительные оценки экспертного сообщества, глубоко погруженного в тему нашего исследования, обладающего высоким уровнем знаний и мотивации. С другой стороны, эксперты являлись носителями национальной идентичности и ментальности своих стран и территорий, не были лишены естественного

субъективизма и лишь частично репрезентировали палитру возможных мнений. Тем с большей осторожностью и уважением мы приступали к анализу полученных результатов.

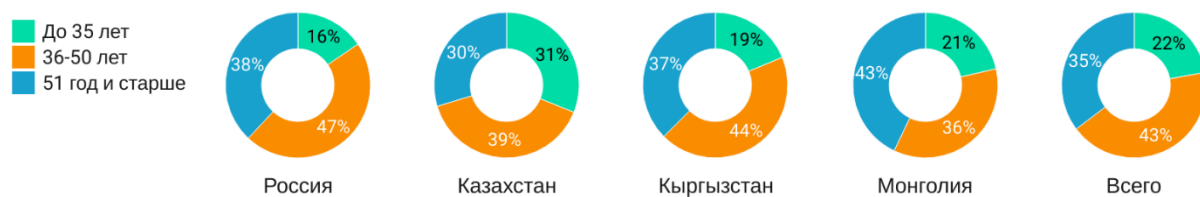

Рисунок 6 – Распределение респондентов по основным возрастным группам, %.

Раздел 3. Трансграничные взаимодействия между организациями и основные формы сотрудничества

В современном глобализованном мире практически не осталось мест, организаций или людей, существующих только здесь и сейчас, произошла кардинальная трансформация хронотопа, что сказалось на количестве и качестве трансграничных взаимосвязей. Как пишет Ю. Семенова «территориальность перестает быть организующим принципом социальной жизни, социальные практики освобождаются от локальных «привязок» и свободно пересекают пространственные границы». Контуры общества не ограничиваются национальными границами, коммуникации становятся всеобъемлющими (Семенова, 2007)²⁸. По меткому выражению У. Бека, «представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию» (Бек, 2001: 14)²⁹. Международное сотрудничество стало такой же необходимой и неотъемлемой частью организационной жизни как управление, планирование и контроль, работа с кадрами или клиентами. В сфере образования и науки эти тренды еще более заметны, и если в первом случае они являются показателями конкурентоспособности организации, ее прогрессивности, готовности идти «в ногу со временем», то во втором – «научном» случае такие взаимодействия жизненно необходимы для синхронизации научных знаний, формирования единой научной картины мира, получения синергического эффекта от (Плотникова, Дубровина, 2013; Саймон, 2014). В условиях усиления плотности информационных потоков и технологических новшеств, именно деятели культуры, науки, образования, наряду с «общественными рупорами» – СМИ и общественными организациями, общественными активистами, в том числе осуществляющими свою деятельность в виртуальной сфере становятся главными действующими лицами – «планетами» новой социальной реальности (Ягья Пономарева, 2015³⁰).

Учитывая все вышесказанное, а также уникальный международный эмпирический контекст нашего исследования, мы смогли провести своеобразный сетевой анализ и вычленить основные взаимонаправленные потоки трансграничного сотрудничества между странами-участницами экспертных опросов.

Экспертам задавался вопрос о том, осуществляет ли организация, которую они представляют, взаимодействия с государственными и некоммерческими организациями в сфере образования, науки и культуры, функционирующими в странах исследования – России, Казахстане, Кыргызстане и Монголии. Имелась возможность дополнительно

²⁸ Семенова Ю. А. Глобализация сегодня: становление нового социального хронотопа //Сумма философии. Вып. 7. – 2007.

²⁹ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001

³⁰ Ягья В., Пономарева Е. Научное сотрудничество–форма и метод публичной дипломатии //Обозреватель-Observer. – 2015. – №. 8. – С. 69.

указать свой вариант ответа, в том случае, если сеть международных контактов была шире предложенного репертуара стран, что, конечно, для многих организаций было актуальным.

Российские эксперты, отвечающие на данный вопрос, чаще всего (54,4% ответов) указывали, что сотрудничают с российскими организациями, однако сопоставимый поток взаимодействий осуществляется с организациями Казахстана (53,2%). Около половины опрошенных (49,4%) указали на наличие сотрудничества с Монголией, тогда как связи с Кыргызстаном были существенно менее тесными (38,0% ответов), по крайней мере в тех организациях, которые приняли участие в нашем опросе. Около 8% опрошенных дополнительно указали, что активно сотрудничают с Китаем (доля вычленена по количеству «открытых» ответов). Важно отметить, что только 3,8% экспертов указали на отсутствие каких-либо форм международного сотрудничества в их организациях, порядка 12,7% - не были достаточно хорошо осведомлены о таких взаимодействиях, еще 6,3% - отметили альтернативные варианты ответа, в числе которых чаще всего указывались другие страны пост-советского пространства (Белоруссия, Узбекистан, Таджикистан), Южной (Индия) и Восточной Азии (Корея, Япония), европейские страны (Германия, Польша, Франция). Часто ответы респондентов не имели достаточной конкретизации, в таком случае типичным был ответ *«мы сотрудничаем с широким кругом стран», «имеем большой опыт обучения иностранных студентов» и т. д.*

Анализ ответов респондентов, проживающих в Казахстане, показал, что для подавляющего большинства образовательных и научных организаций Россия была и по-прежнему остается основным партнером: о наличии взаимодействий с российскими организациями сообщили 70,9% экспертов. Примечательно, что интенсивность казахско-российского сотрудничества не только превышает обратный, российско-казахский, поток взаимодействий, что можно объяснить присутствием в нашей выборке организаций, расположенных вдали от границы с Казахстаном, и следовательно, ориентированных на другие направления (например, европейское), но и, что удивительно, потоком внутри казахских взаимодействий, о которых сообщили только 53,5% опрошенных. Все вкуче указывает на внешнюю ориентацию научной и образовательной политики современного Казахстана на поддержание интенсивных международных связей, и, одновременно с этим, существование определенных проблем взаимодействия между организациями внутри страны. Подтверждением этому тезису служат ответы экспертов об отсутствии сотрудничества с другими странами – лишь 2,3% опрошенных дали подобный ответ.

Объем взаимодействий между Казахстаном и Кыргызстаном оказался сопоставимым с российско-киргизскими отношениями (39,2%), тогда как сотрудничество с Монголией, учитывая естественный географический барьер в виде Китая и России,

развивалось менее активно (31,4%). О наличии сотрудничества с Китаем не сообщил ни один из опрошенных экспертов, что вовсе не исключает перспектив такого сотрудничества. Более того, именно в Казахстане в наших опросах приняли участие студенты, обучающиеся в Северо-Восточном педагогическом университете в китайском Чанчуне, ежегодно предоставляющим более ста грантовых мест для студентов из разных стран мира, включая Россию, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, что само по себе является примером такого взаимодействия. Следует отметить, что уровень осведомленности по вопросам международного сотрудничества был более высоким, чем среди российских экспертов – только 4,7% из них указали, что не знают о наличии трансграничных контактов. Одновременно с этим, значительная часть опрошенных (11,2%) отметила наличие других направлений сотрудничества, например, с США, Турцией и Индией, странами Западной Европы (Польша, Болгария, Чехия, Венгрия, Франция), Ближнего и Среднего Востока (например, ОАЭ). Часто страны не перечислялись, а указывались лишь геополитические образования (такие, как страны СНГ), либо подчеркивалось, что «стран много», «несколько десятков стран», что опять же подчеркивает сделанный нами вывод о желании казахстанского руководства «сделать ставку» на интернационализацию казахской науки, образования и культурной сферы.

Структура трансграничных связей Кыргызстана в целом имела большое сходство с аналогичной казахской структурой, с некоторыми изменениями. Так, более существенными были связи с Россией (78,8% ответов) и Казахстаном (67,3% ответов), значительно превышающие объем внутрикиргизских взаимодействий (50,0%). О наличии сотрудничества с Китаем сообщили практически столько же респондентов, как и в России (8,4%), однако без конкретной статистики эти ответы можно интерпретировать лишь в самом общем виде в качестве некоторых тенденций, чей более глубокий анализ, в силу иных задач, лежал за гранью нашей исследовательской перспективы. Только 1,9% опрошенных указали на отсутствие международных связей, столько же – на незнание о таких взаимодействиях. Доля «других» ответов составила, как и в Казахстане – 11,2%. Помимо Китая, эксперты из Кыргызстана отмечали, что их организации сотрудничают со странами Европы (Италия, Великобритания, Германия, Франция, Испания, Чехия) и США, 7% опрошенных указали на развитие киргизско-турецких отношений, в единичных ответах прослеживались примеры сотрудничества с восточноазиатскими странами – Кореей, Японией, реже – Индией.

В отличие от рассмотренных трех стран, международное сотрудничество в Монголии имело большой градус уникальности, что проявлялся как в количестве связей с Россией, так и с другими странами, а также в выборе других направлений взаимодействия. Так, о сотрудничестве с Россией сообщили 66,7% представителей монгольских

организаций, с Казахстаном взаимодействовало только чуть больше из них – 33,2%, тогда как с Киргизией – ни одной. О взаимосвязях с другими монгольскими организациями сообщили 46,7% опрошенных, это значительно выше, чем в Казахстане и Киргизии, даже учитывая меньший размер выборочной совокупности, которую нам удалось получить. Одновременно с этим, исследование показало, что монгольская сторона нацелена на интенсификацию монгольско-китайских отношений, развивать которые у нее получается в целом, лучше, чем у соседних стран, включенных в наше исследование: о наличии киргизско-китайских взаимодействий сообщили 13,5% опрошенных и это, очевидно, значительно редуцированные сведения. Об отсутствии взаимодействий сообщили только 6,7% опрошенных, тогда как о наличии альтернативных направлений – 13,5%, среди которых упоминалось сотрудничество с Алжиром, Японией, Кореей, Турцией и США. В целом, исследование подтвердило, что все страны – участники исследования в значительной мере открыты новому опыту и стремятся развивать свои международные контакты. При этом, евразийские интеграционные процессы, происходящие на пост-советском пространстве, оказываются в значительной степени сопряжены и, вероятно, находятся в противоборствующих отношениях, влиянием со стороны западных стран – Европы и США, развитых азиатских стран, имеющих в регионе Большого Алтая и его окрестностях свои геополитические и стратегические интересы. Не умаляя позитивного значения культурного сотрудничества с разными странами, отметим, что, к сожалению, интенсификация такого рода контактов неизбежно предполагает столкновение ценностных, мировоззренческих, ментальных основ различных национальных идентичностей, цивилизационных кодов и характера общественных связей, трансформирующихся под их влиянием. Как мы увидим ниже, разнонаправленный характер такого влияния непосредственно сказывается на общественных отношениях внутри страны, в том числе в их частной сфере, связанной с межэтническими, этнокультурными взаимодействиями, гражданской активностью.

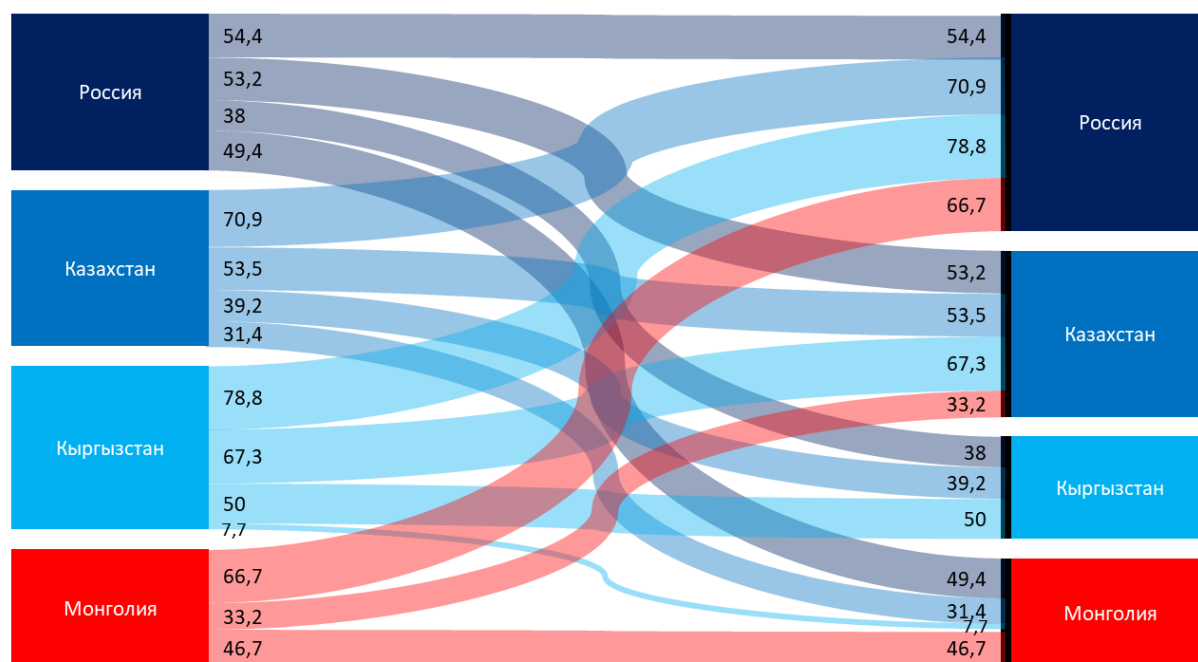

Рисунок 7 – Распределение ответов на вопрос о наличии взаимодействия с государственными и негосударственными организациями в сфере образования, науки и культуры в четырех странах исследования, %.

Помимо выявления наличия и страновых предпочтений международного сотрудничества, нас, конечно, интересовало конкретное его содержание, распространенность тех или иных форматов и направлений. Как показал проведенный анализ наиболее часто встречающимися вариантами трансграничного сотрудничества между странами Большого Алтая и Центральной Азии (как мы увидели, эти контакты, действительно являются во всех странах приоритетными), являлись совместная реализация образовательных и научных проектов и программ (более 65% ответов во всех странах, 85,3% – в России и 78,6% – в Монголии), а также интенсивный информационный обмен, отмеченный 73,5% экспертами из России и 63-64% – Казахстана и Киргизии. Между тем, реализация информационного обмена в Монголии вызывала значительные затруднения, данный вариант был выбран только 42,9% экспертов, что отчасти связано с языковыми трудностями и потерей русского языка как языка международной кооперации между нашими странами.

Двумя другими формами сотрудничества, помимо указанных, сопоставимыми по распространенности, являлись совместное участие в мероприятиях, проводимых органами власти, в которых участвовали около половины организаций респондентов во всех странах и участие в мероприятиях, проводимых национально-культурными объединениями: в России о таких взаимодействиях сообщили 51,5% экспертов, в Казахстане – 58,2%, в Монголии и Кыргызстане – по 57,1%.

Другие формы из предложенных в анкете оказались практически не развитыми и невостребованными в местных сообществах. Между тем, стоит отметить, что одним из перспективных для развития гражданского общества в странах-участницах исследования являлся формат сотрудничества в виде участия международных представителей в работе общественных советов, общественных палат и других координационных органов, главная цель которых заключается в выработке общих ориентиров развития гражданского общества, установлении «мостов» с законодательной и исполнительной властью, другими государственными институтами и бизнесом. О таком варианте взаимодействия сообщили 22,4% экспертов в общей выборочной совокупности, максимально – в Монголии – 28,6%.

Немаловажно и то, что несмотря на расстояние и наличие границ, различное законодательство и другие объективные и субъективные барьеры, организации четырех стран, пусть не в качестве основной, а дополнительной формы взаимодействия, оказывали друг другу правовую и организационную поддержку. Особенно часто об этом сообщали респонденты из Казахстана (13,9%) и Монголии (14,3%), тогда как для Киргизии и России такой формат взаимоотношений был не скорее не приемлемым (6-7,5% ответов).

В значительно меньшей степени были развиты финансовая и имущественная формы поддержки, во многих странах рассматриваемые как инструмент влияния и вмешательства во внутренние дела. О первой из них сообщили только 4,2% опрошенных (максимально – в Кыргызстане – 8,2%), тогда как о второй – всего 2,3% (максимально – в Монголии – 7,1%) (рисунок 8). Таким образом, участие в мероприятиях, проводимых властью, самими организациями или этнокультурными объединениями и информационный обмен являлись наиболее оптимальными форматами международного сотрудничества, отмечаемыми представителями экспертного сообщества, тогда как формы, предполагающие обмен ресурсами – финансовыми, организационными, имущественными или правовыми, выступали в лучшем случае как дополнительные меры взаимной поддержки, не оказывались в силу отсутствия таковых либо не поощрялись.

Рисунок 8 – Формы международного взаимодействия в организациях, %.

Заключительным в разделе о деятельности организации эксперта являлся вопрос о ее членстве в союзе или ассоциации организаций, занимающихся вопросами народов и культур стран Большого Алтая и Центральной Азии. Учитывая целевой отбор участников, проводившийся на основе профессиональной деятельности и сферы научных интересов, мы предполагали хотя бы примерно оценить выраженность ассоциативных тенденций в регионе, проанализировать процесс дальнейшей институционализации и консолидации ученых научно-образовательных и этнокультурных организации исследуемого региона.

Согласно полученным результатам, около трети экспертов в России (29,5%), Казахстане (30,8%) и Кыргызстане (33,3%) сообщили о том, что организации, которые они представляют, являются членами таких зонтичных ассоциативных структур, что свидетельствовало, с одной стороны, о довольно высоком уровне интеграции, с другой – несомненно указывало и на еще нереализованный потенциал такого сотрудничества. Одновременно с этим, доля монгольских организаций, включенных в такого рода интеграционные проекты, была сравнительно невысока – 13,3%. Еще один важный момент, характерный для всех четырех стран – значительные затруднения экспертов об участии организации в деятельности данных образований: с ответом на данный вопрос затруднились более 40% опрошенных. Таким образом, если о двухсторонних международных обменах в экспертном сообществе осведомлены достаточно хорошо, то о более сложных форматах сотрудничества известно гораздо меньше, что связано, как с меньшим количеством таких организаций, так и с наличием информации о них.

Рисунок 9 – Распределение ответов на вопрос: «Является ли Ваша организация членом какого-либо союза, ассоциации организаций, занимающихся вопросами народов и культур стран Большого Алтая и Центральной Азии?»

Раздел 4. Оценки гражданского участия и состояния этноконфессиональных отношений в странах Большого Алтая и Центральной Азии

В современной науке закрепилось понимание того, что современная постиндустриальная модель гражданского участия основывается на расширенном понимании общественно-политической деятельности, не ограничиваемой рамками национальных государств, конкретных правительств и государственных институтов, проникновении в частную сферу в формате «личного политического» (Carrol 1989; Lichterman 1996), «политики жизненного стиля» (Bennett, 1998; Giddens, 1991; Micheletti and Stolle, 2011), переориентации на сетевые – горизонтальные и неиерархические механизмы управления и альтернативные, креативные формы проявления, обусловленные трансформациями ценностных ориентаций и образа жизни современных социумов. Выступая в качестве адаптивной публичной активности, связанной с реализацией универсальных прав и свобод и обеспечивающей достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в определенных институциональных условиях, гражданское участие обеспечивает воспроизводство наиболее важных ценностей и норм гражданского общества, сложившихся социальных практик и гражданской идентичности. Моральной основой, отличающей проявления гражданских действий, выступают солидарность, общественное доверие, равенство и реципрокность как осознание взаимной обусловленности (Патрушев, 2009: 26). Гражданственность является общественной добродетелью и социальным идеалом, в предельно общем виде представляющим собой комплекс знаний, морально-нравственных, мотивационно-волевых и социальных качеств личности, взглядов и убеждений, которые, наряду с умением включаться в социальные взаимодействия и готовностью к сотрудничеству во имя общественных интересов отличают подлинного гражданина от обывателя, думающего только о собственном благополучии. Выступая мерой социальной зрелости отдельных индивидов и степени демократичности, цивилизованности общества, реальное проявление гражданственности обусловлено множеством факторов объективного и субъективного, ситуативного и перманентно действующего характера (Максимова, Омельченко, Ноянзина, Суртаева, 2019³¹).

В рамках проведенного социологического исследования экспертов оценивали выраженность у населения их стран характеристик гражданского сознания и поведения,

³¹ Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Суртаева, О. В. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном сибирском регионе // Society and Security Insights. 2019. № 2(3).

присущих зрелой демократической гражданской культуре как базовому конструкту и «духовному субстрату» гражданского общества (Ковалев, 2014³²) – интегративной характеристике общественной системы, ее элементов и взаимодействий, ориентированных на развитие и укрепление гражданских начал. Мы основывались на определении и операционализации гражданской культуры, предложенной М. К. Горшковым, который в качестве ее конституирующих признаков выделял активность в общественной жизни страны, плюрализм в политике и идеологии, терпимость к различным точкам зрения по вопросам жизнедеятельности общества, готовность к ведению диалога по вопросам функционирования и развития общества, верховенство закона, равенство всех граждан перед законом, демократический контроль за властью, соблюдение государством и его гражданами своих прав и обязанностей по отношению друг к другу, приоритет общечеловеческих ценностей (Горшков, 2012³³), но перенесли вектор ее измерения с институционального на индивидуальный уровень, выделив в качестве ключевых для нашего исследования 14 показателей, характеризующих выраженность социальной ответственности, гражданской, общественно-политической, и, шире, социальной активности, а также специфических показателей, позволяющих проанализировать указанные установки и характеристики поведения в сфере межэтнических отношений. Эксперты оценивали указанные характеристики по десятибалльным шкалам, что давало достаточно большую вариабельность оценок и возможности для статистического анализа. Единство методики позволило получить сопоставимые и актуальные во временном отношении социологические данные.

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов исследования, дадим краткую характеристику процессам формирования гражданского общества и его специфике в интересующих нас странах, сделав акцент на роли местных сообществ, национальных и этнокультурных организаций, их участии в решении общественных проблем и самоорганизации населения.

На всем пост-советском и, шире, пост-коммунистическом пространстве, зарождение основных институтов гражданского общества с присущими им демократическими атрибутами и институтами происходило в непростых условиях, характеризующихся ломкой прежних политических режимов и социальных систем, менталитета и национального сознания, сопровождающейся кризисными и весьма

³² Ковалев В. В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2014. – №. 1.

³³ Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики (вместо предисловия) // Россия реформирующаяся. – 2012. – №. 11.

болезненно переживаемыми социально-экономическим кризисом и трансформацией экономического уклада жизни.

Формирование и научное осмысление гражданского общества в России складывалась на основе заимствований положений как англо-американской, так и европейско-континентальной традиций, их адаптации (не всегда удачной) к российским реалиям. Дополнительно, получила развитие концепция «особого пути России», основывавшаяся на нормативной этике коллективизма, религиозно-культурных особенностей национального сознания, приоритета духовного над материальным (в основе этой традиции лежат философские идеи Н.Я. Данилевского, В. С. Соловьева, С.Н. Булгакова и др.). Идеи гражданского общества практически всегда внедрялись в массовое сознание «сверху», через политику правящих кругов (Форсова, 2013³⁴). В общественном и политическом дискурсе гражданское общество стало активно использоваться в конце 1980-х, после нашумевших революций в странах Восточной Европы и появления в них оппозиционных коммунистическому режиму общественных структур, которые описывались как ростки гражданского общества, а также после появления в самой России на волне перестройки разнообразных «гражданских движений» и «инициатив», рассматривавшихся как альтернатива тоталитарному строю. В этот момент концепции гражданского общества только зарождались, они имплицитно видели в новых общественных движениях ключевых агентов гражданского общества, многими авторами осознавалась потребность в более подробном анализе гражданского общества с учетом зарубежного опыта.

Спад активности массовых общественных движений в начале 1990-х привел к симметричной потере внимания к проблемам формирования и исследования гражданского общества во всех странах Восточной Европы (Арато, 1995³⁵). Эйфория от демократических перемен сменилась разочарованием и осознанием невозможности быстрого построения гражданского общества и необходимости более ясного понимания того, что оно из себя представляет, каковы возможные перспективы от его построения (Белокурова, 2003; Суви, 2009³⁶).

³⁴ Форсова Н. К. Влияние исторических традиций на формирование гражданского общества в России //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – №. 2.

³⁵ Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание и направления для дальнейших исследований //Полис. – 1995. – Т. 3. – С. 48-57.

³⁶ Белокурова Е. В. Концепция гражданского общества и современная российская политика //Политическая наука. – 2003. – №. 1. Суви С. Теория гражданского общества и постсоциализм //Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т. 7. – №. 4.

Рассматривая оценки, которые дают исследователи и эксперты состоянию гражданского общества в России, необходимо учитывать эффект темпоральности и четко осознавать, что тот или иной срез показателей характеризует определенный временной период, с присущему ему институциональными условиями и общественными настроениями. Так, в 1997 году З. Т. Голенкова, писала о состоянии гражданского общества, что оно не развито, находится в стадии формирования, многие его элементы вытеснены или "заблокированы", что в России основанного на принципах демократии гражданского общества нет, а есть лишь «отдельные элементы, вытесненные в небольшие оазисы автономной общественной жизни» (Голенкова, 1997: 25³⁷). В 2002 году В.В. Петухов, выстраивая свой анализ на базе характеристик институциональной среды и оценок отношения населения к демократическим ценностям и институтам, формам гражданской самоорганизации, заключал, что сложившаяся в России инфраструктура и механизмы не являются значимыми агентами демократического участия, что системы социального партнерства и гражданские инициативы, не вписавшись в существующий партийно-политический порядок, «оттесняются на обочину политической жизни, а сама идея гражданского участия постепенно делегитимизируется (Петухов, 200³⁸2). Активность граждан канализируется в другие сферы, не связанные с общественной и политической жизнью, что связывается автором с современным характером развития российского общества, плюрализацией форм реализации жизненных интересов, тогда как политическая деятельность является уделом профессионалов, составляющих едва ли 1,5% самодеятельного населения страны. В.Л. Римский (2007³⁹), спустя пять лет, в целом пришел к похожим выводам, связанным со снижением общественного и политического участия. По его мнению, одной из главных причин социальной пассивности, нежелании проявлять гражданскую инициатив, становиться участником коллективных решений являются стереотипы, укорененные в сознании населения: люди по-прежнему верят в то, что действовать нужно только в случае крайней необходимости, они низко оценивают свои возможности влияния на власть и добиваться справедливости. Другой значимой причиной является банальный эгоизм, нежелание тратить свое время, физические и интеллектуальные усилия, другие ресурсы для решения проблемы, хотя случаи отдельных гражданских инициатив были довольно успешными. Исследование Фонда Эберта в 2010 году показало, что в России все-таки есть и активные граждане и активные общественные

³⁷ Голенкова З. Т. Гражданское общество в России //Социологические исследования. – 1997. – №. 3. – С. 25-36.

³⁸ Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян //Общественные науки и современность. – 2002. – №. 6. – С. 59-65.

³⁹ Римский В. Л. Политическая и общественная активность российских граждан //Общественные науки и современность. – 2007. – №. 5. – С. 60-68.

организации, однако эти две важнейшие составляющие гражданского общества развиваются в отрыве друг от друга. Исследователи также отмечали, что россияне не видят возможности добиться изменений с помощью гражданской активности, что у населения отсутствует мотивация к гражданскому участию в рамках действующей инфраструктуры организаций, однако довольно распространена неформальная помощь. Кроме того, были отмечены репрессивное отношение государства по отношению к НКО, отсутствие у НКО преференций и стимулов для деятельности на благо общества, слабость парламента и закрытость государственного аппарата. Авторы заключают, что гражданское общество в России еще не выстроило значимые связи между гражданами и общественными организациями, а в отношениях с государством назрело понимание того, что «критическое взаимодействие» может давать более эффективные результаты, чем оппозиционная стратегия (Ланг, Хэртель, Бюрш, 2010⁴⁰).

Можно с уверенностью сказать, что за прошедшие годы ситуация существенно изменилась, сформировались новые подходы и механизмы общественно-государственного взаимодействия. Не только по данным докладов Общественной палаты Российской Федерации о развитии гражданского общества, которые отчасти можно рассматривать как демонстрацию успехов государства по поддержке некоммерческого сектора, но и в статьях критически настроенных экспертов отмечается, что в России наблюдается небывалый рост фондов и инициатив, крепнет и получает институциональное оформление волонтерское движение, развивается социальное предпринимательство, постепенно растет количество низовых гражданских инициатив, проектов активных граждан в сельской местности, культурного развития и благоустройства городской среды. НКО активно включают программы социального партнерства и оказания социальных услуг населению, проводят общественную экспертизу законопроектов, участвуют в общественном контроле за их реализацией. Растет профессионализм и организационная эффективность некоммерческих организаций: они стали более стабильно функционирующими, экономически более обеспеченными. Активно обсуждается участие НКО в реализации приоритетных национальных проектов, внедрение в деятельность НКО инновационных социальных технологий, инструментов мониторинга и оценки эффективности их деятельности. Согласно мониторингам НИУ ВШЭ (2009-2018), выросли, и довольно значительно, уровни доверия населения к НКО (с 36% до 59%),

⁴⁰ Ланг С., Хэртель А., Бюрш М. Гражданское общество и гражданская активность в России. Фонд Эберта, 2010.

участвующего в деятельности НКО населения (с 18% до 29%) (Ильин, 2017⁴¹; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, 2018; Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в России, 2019). В целом, нужно признать, что у некоммерческого сектора появилось множество новых, закрепленных в законодательстве возможностей участия как в разработке, так и имплементации решений в области социальной политики.

Рисунок 10 – Проект Общественной палаты России #ЧТО НЕ ТАК с участием активистов, власти, СМИ и предпринимателей для определения «народной повестки».

Между тем, состояние гражданского общества определяется не только количественными показателями его развития. Не в меньшей степени значимы социальные вопросы, на которые направлено внимание общества, участие общественности в поиске ответов на главные вызовы, стоящие перед страной. Большинство социологических исследований, проводимых как центрами национального уровня (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центром и другими), так и региональными социологическими центрами (нашими собственными исследованиями в том числе), показывают, что население по-прежнему озабочено проблемами уровня и качества жизни, социальной справедливости, преодоления социального и экономического неравенства, коррупции во всех эшелонах власти, однако эти проблемы, затрагивающие вопросы эффективности политического

⁴¹ Ильин В. А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – №. 4 (52).

курса, государственного управления в рамках гражданского общества решаются пока только в весьма ограниченном виде. Таким образом, вопросы о том, куда, какими путями развивается российское гражданское общество, какие факторы определяют его качественные и количественные характеристики, от чего зависит уровень вовлеченности населения в деятельность НКО и каковы структурные барьеры, препятствующие качественному прорыву в некоммерческом секторе, являются не только сугубо научными, они вплетены в социальную практику (Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2020⁴²).

В новых независимых государствах, представляющих эмпирический объект нашего исследования, в результате демократического транзита, политических и экономических трансформаций, повлекших серьезные изменения в институциональной и социокультурной сферах, формирование сфер самопроявления свободных граждан и добровольных ассоциаций также происходило довольно активно и имело свои национальные особенности.

В Республике Казахстан со времени провозглашения независимости произошли значительные перемены, обеспечившие приобретение гражданами экономической самостоятельности, создание многообразных форм собственности, закрепление статей о правовом и демократическом государстве в конституции, модернизацию политической системы, формирование некоммерческого сектора. В качестве основной задачи гражданского общества была определена посредническая деятельность между населением и органами государственной власти, в обществе разделялись идеи о том, что оно должно стать важным рычагом и механизмом в реализации социальных программ и планов развития страны (Исмаилов, 2015⁴³).

В формировании казахстанского гражданского общества исследователи выделяют два основных периода. Первый период (начало 1990-х – 2006 г.) характеризовался магистральным изменением общественно-политического строя и массовыми демократическими реформами, созданием независимых профсоюзов и Коалиции социальной защиты, объединившей социальные организации, партии и движения под эгидой необходимости преодоления острых социальных проблем. В сфере экономики появилась свобода предпринимательства, оформились и заявили о себе партии, значительно расширился перечень периодической печати, стали выходить независимые газеты, открылись новые телеканалы, частные школы и высшие учебные заведения,

⁴² Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Динамика развития гражданского общества и некоммерческого сектора в трех в сибирских регионах (по результатам экспертного опроса) // Society and Security Insights. – 2020. – Т. 3. – №. 3.

⁴³ Исмаилов А. Становление и развитие гражданского общества в Казахстане // Россия и мусульманский мир. – 2015. – №. 9 (279)

действовали неправительственные организации. Данные ресурсы включались в политическую жизнь социума и способствовали созданию атмосферы сотрудничества государства и гражданских объединений. Но, как отмечает Т.Н. Зозуля, такое свободное развитие элементов гражданского общества было в то время возможно по причине слабости государства, которое «не оформилось в четкую структуру, не набрало полную силу», что сопровождалось ростом организованной преступности и коррупции, чрезмерной бюрократизацией, игнорированием потребностей и нужд населения. Эти негативные моменты и слабая гражданская позиция социума позволили государству расширить границы своего влияния. Как и в других постсоветских республиках, государственный аппарат в Казахстане стремился расширить сферу управления страной, увеличить возможности политического руководства всеми процессами. В итоге это привело к созданию новой государственной системы с сильной исполнительной властью (Зозуля, 2010⁴⁴).

В этот период казахским руководством принимаются важные законодательные решения по обеспечению нормативных правовых основ развития общественных организаций. В декабре 1994 году создается республиканская трехсторонняя комиссия по социальному партнерству, а в декабре 2000 г. принимается соответствующий закон, закладывающий основы государственной политики по согласованию интересов власти, работодателей и работников. В 2001 году принят Закон Республики Казахстан «О некоммерческих организациях», определивший роль и место некоммерческих организаций в общественных процессах, а в 2003 году состоялся Первый гражданский форум с участием Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева, ставший «рубежным» событием в формировании институтов гражданского общества и заложивший начало системной работе по развитию казахстанского некоммерческого сектора. С тех пор подобные форумы стали регулярными и в ноябре 2020 года, при активном участии НПО из всех казахских регионов проводился уже IX Гражданский форум «Общество и государство: 30 лет партнерства и развития #Birgemiz». В 2003-2005 годах функционировала Национальная комиссия по вопросам демократии, способствовавшая урегулированию общественных отношений и развитию гражданских институтов. Принятый в апреле 2005 г. закон «О государственном социальном заказе» предоставил возможности для участия НПО в реализации различных социальных проектов по новым взаимоотношениям «власть-общество». Таким образом, с самого начала, формирование гражданских институтов в Казахстане происходило при активном

⁴⁴ Зозуля Т.Н. Формирование Гражданского общества в Казахстане как важнейшее требование демократии // Вестник ПГУ №3, 2010. С. 37-41.

участии со стороны государства, стремящегося не потерять молодое формирующееся казахстанское гражданское общество из сферы своего влияния.

Важным событием, знаменующим начало второго этапа развития казахстанского гражданского общества, стало принятие в 2006 году «Концепции развития гражданского общества», в которой были предложены конкретные пути его развития. Среди таких механизмов в качестве важнейших были обозначены: совершенствование и гармонизация национального законодательства, укрепление инструментов сотрудничества государственных органов и институтов гражданского общества, создание условий для высокой политической, правовой и гражданской культуры населения, усиление роли политических партий через расширение прав партийных фракций и их представительства в Парламенте Республики Казахстан и маслихатах; повышение роли институтов гражданского общества в защите прав человека; демократизация законодательства, регулирующего деятельность СМИ, совершенствование законодательства, регулирующего деятельность религиозных объединений, совершенствование трудовых отношений, модернизация социальной политики, повышение социальной ответственности бизнеса. В концепции обозначалась четкая ориентация на либерализацию правовой системы, усиление роли правозащитных НПО, в том числе их привлечение к проектам, направленным на гуманизацию уголовно-исполнительной системы, обеспечение прав социально уязвимых слоев населения – инвалидов, женщин и молодежи, реализацию информационных и просветительских кампаний, внедрение механизмов внесудебных разрешений конфликтов, практики досудебного урегулирования, преодоление в общественном сознании негативных стереотипов в отношении прав женщин и мужчин (Концепция, 2006⁴⁵). К середине 2000-х гг. в Казахстане было зарегистрировано более 5,8 тыс. неправительственных организаций различной направленности, в том числе 12 политических партий, 3340 общественных фондов, 1072 ассоциаций юридических лиц, 471 национально-культурный центр, 3340 религиозных объединений, представляющих свыше 40 конфессий. Как заключает А. Исмаилов, в этот период казахстанский третий сектор прошел период своего становления и вошел в стадию развития, чему способствовало принятие важных законов и программных документов (Исмаилов, 2015⁴⁶).

На сегодняшний день неправительственный сектор Казахстана насчитывает более 20 тыс. некоммерческих организаций, реализующих широкий спектр социальных услуг

⁴⁵ О Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 25 июля 2006 года № 154. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000154_#z10

⁴⁶ Исмаилов А. Становление и развитие гражданского общества в Казахстане //Россия и мусульманский мир. – 2015. – №. 9 (279).

для населения и находящих свое применение в политических, социальных, этнокультурных, хозяйственно-экономических, культурно-гуманитарных сферах жизни государства и общества. Как отмечают А. Думбаева и И. Франц, «степень участия организаций гражданского общества в процессе принятия государственных решений в Казахстане достаточно высока. Достигается это, в том числе посредством участия их представителей в высших организациях государственной власти, в подготовке проектов нормативных правовых актов или их экспертизе» (Думбаева, Франц, 2006⁴⁷). Развитие гражданского общества является важным условием для создания в Казахстане демократического, светского, правового и социального государства. Как и во всем мире, казахские исследователи отмечают, что общественный прогресс, демократическое развитие, экономический подъем возможны только при активном участии граждан во всех важных сферах жизнедеятельности общества (Сыздыкова, 2010⁴⁸).

Рисунок 11 – Делегаты Гражданского форума в Казахстане в 2018 году.

Одновременно с этим, в общественном и научном дискурсе сосуществуют различные, часто противоположные мнения об уровне развитости и эффективности казахстанского гражданского общества. Ученые рассматривают гражданское общество Казахстана через призму модернизации общественного сознания (Бурова, Бижанов, Амребаев, 2020⁴⁹), вопросов нациестроительства (Дунаев, Курганская 2015⁵⁰), важным

⁴⁷ Думбаева А., Франц И. Пособие по НПО. М.: Дело и Сервис, 2006. 253 с.

⁴⁸ Сыздыкова Д. Формирование гражданского общества в Казахстане. проблемы и пути их решения //Межвузовский вестник. – 2010. – Т. 1. – №. 11. – С. 171-173.

⁴⁹ Бурова Е. Е., Бижанов А. Х., Амребаев А. М. Возможности религии как основы консолидации казахстанского общества //Россия: тенденции и перспективы развития. – 2020. – №. 15-2.

⁵⁰ Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Динамика политических предпочтений граждан республики Казахстан (по материалам социологических исследований) //Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2015. – №. 4.

направлением является вопрос о соотношении национальной и гражданской идентичности, формировании целостной наднациональной казахстанской идентичности, представляющей собой единую и общую идентичность, построенную на системе равенства экономических, социальных, культурных возможностях, качества жизни и стабильности (Тория, 2020⁵¹). С одной стороны, отмечается, что Казахстан входит в такую фазу своего развития, когда гражданское общество становится инструментом общественного прогресса и преодоления политического консерватизма, что позволяет ему становится действительно важной движущей общественной силой. Для иллюстрации верности данного тезиса приводятся данные о создании особых гражданских структур, выполняющих данные функции, таких как Национальный совет общественного доверия при Президенте Республики Казахстан, созданный в 2019 году, включающий представителей гражданского общества – представителей политических партий и неправительственного сектора с целью обсуждения текущих вопросов внутренней социальной политики, политической модернизации и вовлечения населения в работу представительных органов (Парламентская газета, 2019⁵²).

С другой стороны, ряд авторов указывают на ряд проблем, обусловленных совокупностью исторических, нормативных, социальных, культурных причин, и приходят к выводу о том, что гражданское общество в Казахстане нельзя назвать полностью сформированным. Отмечается, что казахстанское гражданское общество в значительной степени зависит от государства и бизнеса, а также от финансирования со стороны международных организаций, что говорит в первую очередь о патерналистском подходе представителей «третьего» сектора, а также о недостаточной зрелости и самостоятельности для реального участия в процессе принятия политических решений, касающихся социальных проблем населения. Ежегодное иностранное финансирование получают около двухсот НПО и составляет порядка пяти миллиардов тенге (13,6 миллиона долларов), при этом 70% от него приходится на США и международные некоммерческие организации (Спутник, 2018⁵³). Несмотря на большое количество зарегистрированных организаций, их деятельность отличается разрозненностью и несистемностью, многие организации существуют скорее для сохранения собственной жизнеспособности, чем для реализации интересов своих членов; другие находятся под

⁵¹ Тория Ж. Н. Укрепление казахстанской гражданской идентичности: проблема целостности // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. – №. 2. – С. 297-305.

⁵² В Казахстане создадут Национальный совет общественного доверия при президенте. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/v-kazahstane-sozdadut-nacionalnyy-sovet-obshhestvennogo-doveriya-pri-prezidente.html>

⁵³ Львиная доля иностранного финансирования НПО в Казахстане приходится на США. URL: <https://ru.sputnik.kz/economy/20181127/8252915/kazakhstan-npo-finansirovaniye.html>

опекой государства и создаются при его патронаже. Наиболее развитые институты гражданского общества наблюдаются в городской среде, включают в себя образованную, экономически успешную и молодую часть общества, тогда как в сельских районах гражданская активность проявляется в меньшей степени. Сказывается нехватка квалифицированных специалистов, работающих на постоянной основе. Гражданская политическая культура характеризуется недостаточно высоким уровнем, слабостью горизонтальных связей и доверия, последовательной общественной активности и готовности граждан предлагать инициативы и работать над их воплощением

Пространство гражданских коммуникаций как платформа, где формируется гражданская культура, в значительной степени ориентировано на получение знаний о функционировании политической системы для решения собственных проблем и защиты интересов, что, однако, имеет и несомненные преимущества, поскольку показывает пример формирования гражданского общества «снизу». Население все еще не до конца понимает роль неправительственного сектора в общественной жизни страны, что говорит о недостаточном уровне политической культуры. Это объясняется отсутствием традиции в области деятельности НПО, сложившейся культуры взаимодействия государства и «третьего» сектора. Не все исполнительные органы принимают активное участие в развитии «третьего» сектора в рамках реализации Концепции развития гражданского общества. В целях формирования гражданского общества в Казахстане, наряду с другими методами, требуется тщательное изучение мирового опыта функционирования государственной власти и демократических институтов, в том числе альтернативных механизмов регулирования деятельностью СМИ. Необходимы поддержка и эффективная работа государственных органов на каждом из уровней: центральном, региональном и местном, повышение уровня осведомленности населения о деятельности общественных организаций, повышения качества деятельности НПО в стране (Попова, 2013⁵⁴; Федорова, 2020⁵⁵).

Новый расклад политических сил в Центральной Азии создал возможности и для демократических реформ в Кыргызстане. Во второй половине 1980-х годов начинают появляться первые неправительственные организации, в основном гуманитарного направления, которые занимались распространением продовольственной помощи малоимущим группам населения, зарождается экологическое и политическое движение. В

⁵⁴ Попова Ю. С. Неправительственный сектор Казахстана и его место в обществе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №. 3 (294).

⁵⁵ Федорова А. Дефиниции гражданского общества в посткоммунистических и либерально-демократических государствах – общее и особенное: сравнительный анализ (на примере Казахстана) // Аль-Фараби. Журнал социогуманитарных исследований. – 2020. №2 (70). – С 114–125.

1994 г. в Кыргызстане было зарегистрировано около 14 политических партий, более 10 массовых движений, около 800 НПО. Содействию в становлении гражданского сектора в Кыргызстане способствовали, с одной стороны, и взятый официальный курс государства на построение плюралистического общества, в том числе при помощи технической и финансовой помощи международных организаций, с другой, – зарождающиеся независимые средства массовой информации и поддержка со стороны населения. В этот период начинают формироваться законодательные основы, регулирующие деятельность НПО: уже в 1991 г. принимаются законы «Об общественных организациях» и «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (Бектанова, 2016⁵⁶).

Анализируя политическую ситуацию начала 1990-х годов, С.И. Кузнецова отмечает, что сначала она оценивалась как «оазис демократии», где разворачивание демократических институтов и гражданского общества происходило одновременно. Однако, уже в 1994 году стали появляться признаки отхода от демократизации и стремление к усилению роли государства, после референдума 1996 г. полномочия президента были значительно расширены. В экономике прослеживались сходные тенденции: экономические реформы – либерализация цен и переход большей части государственного сектора в частные руки привели к усилению социальной дифференциации, но не создали благоприятной ситуации для развития гражданского общества, так как в большинстве случаев доступ к собственности получили представители бывшей партийной номенклатуры или традиционных патрон-клиентских сетей, уже имевших доступ к властным структурам. Для информационной ситуации начала 1990-х была характерна свобода прессы, появление оппозиционных газет и независимых телекомпаний, сменившиеся попытками обуздать критические выступления, подавлением инакомыслия (суды над журналистами, закрытие газет и телевизионных передач), введением более жестких законов о печати.

Культурная ситуация характеризовалась амбивалентными тенденциями. С одной стороны традиционное гостеприимство способствовало установлению среди населения установок толерантности и взаимоуважения, чему способствовали открытые высказывания киргизских лидеров об открытом обществе, ценностях терпимости, с другой, начинали проявляться «негативные последствия демократизации» в виде протестов против деятельности нетрадиционных религиозных групп, парламентских действий по ограничению свободы прессы и массовых собраний. Таким образом, приходит к выводу С. Кузнецова, по всем типам социальных ситуаций, которые были призваны поддерживать гражданские инициативы, складывалось двойственное положение. К середине 90-х годов нападки на независимые СМИ и социальные организации свидетельствовали, что президент, а также

⁵⁶ Бектанова А. К. Генезис гражданского сектора в Кыргызстане //Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №. 3 (45).

большая часть политической элиты готовы пожертвовать либеральными ценностями во имя сохранения своих позиций. Достигнутой экономической свободой смогли воспользоваться немногие, а массовое обнищание ограничивало развитие гражданского общества. Регулирование социальных организаций носило разрешительный характер, но на практике его применение оказывалось запретительным (Кузнецова, 2001⁵⁷). Таким образом, начавшаяся в конце 1980-х – начале 1990-х институционализация гражданского общества в Киргизии сталкивалась с противостоянием со стороны политических элит, стремившихся развернуть гражданские процессы в более консервативное русло.

В 1994-1995 гг. в Кыргызстане трансформируются и создаются новые НПО, направленные на формирование альтернативной государству позиции по отношению к принимаемым решениям и созданию первых негосударственных механизмов реализации программ развития. Получают аккредитацию представительства международных организаций и фондов (ПРООН, Фонд «Сорос-Кыргызстан», Каунтерпарт Консорциум и др.), основными направлениями которых становятся социальная сфера, охрана здоровья, гражданское образование, гендерное равенство и экология. В 1996-1998 гг. разрабатываются законодательные основы для гражданского общества (Гражданский кодекс, законы «О государственной регистрации юридических лиц», «О хозяйственных товариществах и обществах», «О товариществах собственников жилья», «О профессиональных союзах»), активизируется процесс создания профсоюзов, общественных и религиозных объединений, чья деятельность в значительной мере фокусируется на правозащитном направлении, что адекватно отражает специфические потребности переходного периода, а также обусловлено началом демократических преобразований.

Несмотря на большие успехи в развитии гражданского сектора, проведенный анализ развития НПО сектора в указанный период показал, что многие НПО в Кыргызстане не были устойчивыми. Для данного этапа характерна большая зависимость институциональной устойчивости НПО от внешнего финансирования, трансформация деятельности и миссии некоммерческих организаций для соответствия требованиям донорских программ, ориентация на развитие потенциала некоммерческого сектора, повышение качества его организационного управления. При этом внешняя финансовая зависимость обуславливалась во многом отсутствием внятных механизмов государственного финансирования и получения помощи от бизнеса, что при наличии возможностей международной поддержки фактически не оставляло гражданским

⁵⁷ Кузнецова С. И. Киргизия: становление гражданского общества и идентичности //Центральная Азия: десять лет независимости. – 2001. – №. 2001.

активистам выбора. Усиление финансовой зависимости приводило к формированию непаритетных отношений и значительному политическому давлению со стороны финансирующих организаций. Одновременно с этим, стоит учитывать, что в условиях социально-экономического кризиса работа в некоммерческом секторе, пусть на западные средства, позволяла многим компенсировать невозможности облегчения жизненной ситуации посредством традиционных экономических мер (Бектанова, 2016⁵⁸).

В последующие годы (1998-2000) принимаются важные для гражданского общества законы о политических партиях, кредитных союзах, ассоциациях, кооперации и благотворительной деятельности, запускается ряд общенациональных программ, потребовавших широкого участия и поддержки гражданского общества. Катализатором развития гражданского сектора становится Национальная стратегия устойчивого человеческого развития. Необходимость институционализации этих механизмов стала причиной роста числа многоцелевых общественных организаций. К 1999 году в Кыргызской Республике зарегистрировано около 4000 НПО, которые работали в различных сферах общественной жизни: права человека, гендерное развитие, этническое равенство, преодоление бедности, экология и др., увеличивается число сельских и региональных НПО, направленных на решение в первую очередь социально-экономических и культурных проблем. Гражданский сектор начинает играть большую роль в продвижении законов и поддержке гражданской активности. В 2000 году в Кыргызстане создается Наблюдательно-консультативная группа НПО, осуществляющая мониторинг работы международных финансовых институтов, таких как Международный Валютный Фонд, Мировой Банк, Азиатский Банк Развития, Европейский Банк Реконструкции и Развития и формулирующая требования к крупнейшим международным инвесторам и государственным органам по предоставлению информации населению, предоставления возможностей участия населения и структур гражданского общества в принятии решений в процессах, происходящих в стране. Некоммерческий сектор становится более массовым, сильным и зрелым, неправительственные организации начинают лоббировать свои интересы на государственном уровне, чему в немалой мере способствует поддержка со стороны правительства по распространению гражданского движения в стране, принимаемое либеральное законодательство (Бектанова, 2016⁵⁹).

В 2000 году начинается очередной этап быстрого роста числа некоммерческих организаций, для которого характерно приобретение широкой поддержки среди

⁵⁸ Бектанова А. К. Генезис гражданского сектора в Кыргызстане //Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №. 3 (45).

⁵⁹ Бектанова А. К. Генезис гражданского сектора в Кыргызстане //Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №. 3 (45).

населения, активизация правозащитного движения, поддержка НПО политического меньшинства и ориентация деятельности на борьбу с коррупцией, противоборство с попытками прекращения демократических преобразований. Набирают силу и начинают оказывать влияние на формирование экономической политики бизнес-ассоциации. Как указывают аналитики, такое бурное развитие гражданского сектора, фактически заменившего собой традиционные политические институты, было встречено в политических руководящих кругах весьма настороженно, за чем последовали попытки манипуляции общественным сознанием и навязывания гражданскому обществу правил диалога. Таким образом, после нескольких лет демонстрации приверженности «западному» политическому и экономическому курсу, в том числе развитию демократии и открытому обществу, киргизское общество повернуло в сторону усиления авторитарных тенденций, ограничения политических свобод и гражданских прав.

Ситуацию значительно обострила борьба за власть между конкурирующими племенными элитами, разгорающаяся на фоне экономических трудностей и кризиса в верхних сферах управления республики. Государство оказалось не в состоянии исполнять свои функции по предоставлению общественных благ, защиты и гарантий социально-экономической стабильности, поддержанию баланса сил между разнонаправленными политическими силами и влиятельными кланами. Гражданское общество не могло в полной мере справиться со своими, формулируемыми по западным стандартам, задачами по защите публичной и частной жизни от вмешательства государства, созданию эффективных каналов диалога между государством и жителями республики. Беспорядки и убийство демонстрантов в Южном Кыргызстане в 2002 году продемонстрировали провал политики зарубежных доноров, направленной на «укрепление гражданского общества»: национальные группы не сумели навести мосты между протестующими и властями, решить конфликт мирным путем. Как пишет Б. Байматов, «лозунг гражданского общества оказался, по существу, узурпирован, им искусно манипулировали и использовали его в сугубо межклановом противостоянии». Происходившая в республике «тюльпановая» революция продемонстрировала межклановые антагонизмы и кризис клановой политики. «Гражданское общество» стало жертвой манипуляции региональных групп, стремившиеся дестабилизировать ситуацию и прийти к власти. Этнорегиональные кланы вырвались на авансцену и потребовали для себя существенную нишу на публичной арене, местной и национальной. И теперь этих сугубо местных игроков нужно как-то включать в «словарь и репертуар» киргизского гражданского общества. Это необходимо, чтобы как-то

приблизить представления о гражданском обществе к специфике Кыргызстана (Байматов, 2006⁶⁰).

Как отмечает Б. Байматов, что попытки создания в Кыргызстане гражданского общества по западному образцу без учета местных реалий, культурных парадигм, специфических местных форм и способов выражения гражданской активности являлись по существу контрпродуктивным и вредили политическим и экономическим трансформациям, развитию общества. Кыргызские представления о гражданских добродетелях и идеалах существенно расходились с западными, и все внешние попытки искусственно изменить траекторию эволюции незападных обществ с их глубоко укоренившимся коллективистским мировоззрением были обречены на провал. Западные доноры и политтехнологи были ориентированы на статусные группы, действующие преимущественно в городах и городских сообществах, хорошо образованные и владеющие английским языком, что поощряло их замкнутость, элитарность и фаворитизм, усиливало разрыв между центром и периферией и слабость социальных сетей, препятствовало формированию массовых групп поддержки, повышению легитимности и ответственности. При этом они практически оставляли без внимания жизненно важную роль конкретных условий, в которых возникали и развивались специфически местные организационные формы. По факту такие специфические местные формы социальной организации и защиты интересов населения как «джамааты», клановые связи, сельские советы старейшин и связь в рамках исламских религиозных сетей имели больше возможностей для улучшения условий жизни в Кыргызстане. К таким группам самопомощи относились и многочисленные неформальные сети, пользующиеся большим авторитетом и влиянием в местных сообществах – расширенные семьи, кланы, этнические группы, группы стариков, сети, формирующиеся вокруг мечетей (Байматов, 2006⁶¹). Другие авторы также подчеркивают, что ключевые характеристики казахского общества – сильная клановая иерархия, степная модель развития, базирующаяся на родоплеменной структуре, институте вождизма и кочевых отношениях, тесном переплетении военной и административной систем, дихотомия сильной власти и слабого общества, стадийная текучесть форм социально-экономического развития, отсутствие монополии на власть, принадлежащей только одному роду, определяли и определяют в настоящее время

⁶⁰ Байматов Б. Специфические местные аспекты "гражданского общества" в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии //Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №. 4 (46).

⁶¹ Байматов Б. Специфические местные аспекты "гражданского общества" в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии //Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №. 4 (46).

траектории его развития, что, конечно, оказывают существенное влияние на процессы, которые происходят и в гражданском обществе (Воронин, Бакина, 2019⁶²).

С 2010 года начинается период ресоциализации гражданского сектора и повышения внимания к нему со стороны государственной власти. Возникают новые институты, осуществляющие взаимодействие с государством на региональном и местном уровне, в частности Общественные наблюдательные советы при министерствах и ведомствах. Одновременно с этим, часть гражданских активистов переходят в политические структуры, под крыло той или иной политической партии. Структуру современного гражданского общества в Кыргызстане формируют: бизнес-сообщества; неправительственные организации; политические партии и общественно-политические движения, профессиональные, творческие, женские, молодежные, спортивные, религиозные, этнические объединения граждан; общественные советы государственных органов (ОСГО), органы местного самоуправления (местное территориальное управление (МТУ), советы микрорайонов, квартальные комитеты и др.); традиционные структуры местных сообществ (жамааты, махалля, советы и суды аксакалов, курултай и т.п.). Исследователи подсчитали, что количество официально зарегистрированных неправительственных организаций насчитывает от 10 до 30 тысяч. Между тем, количество реально действующих организаций в десятки раз меньше. Основными сферами деятельности кыргызского некоммерческого (неправительственного) сектора являются борьба с бедностью и социальная защита, помощь социально уязвимым слоям населения, правозащитная деятельность, охрана здоровья, гражданское образование, гендерные проблемы, экология, развитие сетевых связей в некоммерческом секторе. Среди ведущих кыргызстанских НПО можно назвать Ассоциацию центров поддержки гражданского общества (АЦПГО), Ассоциацию НПО и НКО, Конгресс женщин Кыргызстана, Ассамблею народов Кыргызстана, Коалицию «За демократию и Гражданское общество», Центр «Интербилим», Ассоциацию Кризисных Центров Кыргызстана (АКЦ) и др. По мнению экспертов, на современном этапе формирования гражданского общества положение неправительственного сектора, несмотря на определенные положительные тенденции развития, не отличается высокой устойчивостью. Среди главных причин ухудшения называются давление парламента и органов госуправления на организации гражданского общества, значительное сокращение финансирования деятельности организаций международными донорами при одновременно низкой финансовой

⁶² Воронин С. А., Бакина Е. А. «Клановая иерархия как основа "тюльпановой революции" в Кыргызстане» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2019. – Т. 11. – №. 2.

поддержке со стороны государства и неблагоприятной налоговой политике, а также ухудшение правовой среды (Бектанова, Стамова, 2017⁶³).

Несмотря на проблемы, некоммерческий сектор Кыргызстана играет заметную роль в социально-экономической жизни страны, выступая источником различных социальных инноваций. Он динамично развивается, о чем свидетельствует рост выпуска продукции и услуг некоммерческих организаций, и представляет собой достаточно мощную систему, аккумулирующую ежегодно увеличивающийся объем человеческих, финансовых, материальных и организационных ресурсов и потенциал гражданского действия (Джумабаева, 2013⁶⁴). На арену общественной и политической жизни сегодня выходят новые игроки и неформальные лидеры, включая религиозных. Национальная стратегия устойчивого развития — 2040 уделяет внимание развитию гражданского общества, государство старается максимально использовать его потенциал для достижения целей развития на основе партнёрства, проводит государственную политику по развитию гражданского общества, широкого участия гражданского общества в процессах принятия решений на национальном и местном уровнях. Поддержки гражданских инициатив направлены на предоставление обществу востребованных услуг, продвижение общественно-полезных идей и проектов через механизмы государственного социального заказа. В стране идёт совершенствование законодательных основ и организационных механизмов участия гражданского общества в процессе принятия решений, ведётся работа по либерализации СМИ, укреплению их независимости, реализации международных правовых норм и демократических стандартов (Шепеленко, 2019⁶⁵).

⁶³ Бектанова А. К., Стамова Р. Д. Гражданское общество как реальная форма социального бытия в Кыргызстане //Альманах современной науки и образования. – 2017. – №. 2. – С. 15-19.

⁶⁴ Джумабаева Д. Б. Проблемы бухгалтерского учета, анализа и бюджетирования в некоммерческих организациях Кыргызской Республики //Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2013. – Т. 13. – №. 10. – С. 68-72.

⁶⁵ Шепеленко А. Гражданское общество: переосмысление развития. URL: <https://slovo.kg/?p=106904>

Рисунок 12 – Региональная конференция «Гражданское общество — новые пути развития», Бишкек, 2019 год.

Монголия является еще одной посткоммунистической страной, географически и культурно включенной в пространство Большого Алтая. После мирной демократической революции в 1990 году, получившей в народе название «Революция белой лошади» и принятия новой конституции в 1992 году, в стране были провозглашены демократия, свобода слова, печати и информации, была установлена смешанная парламентско-президентская система управления с независимыми законодательной, исполнительной и юридической ветвями власти, ознаменовался поворот от централизованной планируемой экономики в сторону рыночных реформ. В качестве основного пути своего развития монгольские власти приняли неолиберальный экономический подход, заменив государственные предприятия частными компаниями, требовавшими «ручного» управления (Baasanjav, 2008⁶⁶). В духовной сфере плюрализм занял место идеологического однообразия, возрождены буддизм и традиционные народные верования, культ Чингисхана стал официальной государственной идеологией, сплачивающей нацию. Во внешней сфере суверенная и независимая Монголия завоевала достойное место в международных отношениях, стала равноправным и конструктивным членом мирового сообщества (Гольман, 2010⁶⁷).

После начала перестройки и демократических преобразований произошли существенные изменения в отношении развития гражданского общества и

⁶⁶ Baasanjav U. Mediated political and social participation: examining the use of the Internet by Mongolian government and civil society institutions //Journal of Information Technology & Politics. – 2008. – Т. 4. – №. 3. – С. 41-60.

⁶⁷ Гольман М. И. Современная Монголия в оценках западных авторов. – Институт востоковедения РАН, 2010.

неправительственного сектора, который складывался из возникающих по западному образцу организаций и аффилированных с коммунистической партией групп и ассоциаций, адаптировавшихся к новому контексту, а также других политических, социальных и культурных, академических, научных, студенческих и других сообществ (Baasanjav, 2008⁶⁸).

Масштабные политические перемены вызвали подъем общественного и научного интереса Запада к этому переломному этапу монгольской истории, к демократическим процессам в стране кочевников. Гражданское общество Монголии восхвалялось западными наблюдателями за его силу и динамизм (Ginsburg, 1997⁶⁹; Fish, 1998⁷⁰; Pomfret, 2000⁷¹; Fritz, 2008⁷²), демократические завоевания прямо увязывались с финансовой поддержкой, оказываемой Монголии со стороны многих стран (Японии, Кореи, Германии, США) и международных организаций (ООН, Всемирный банк, МВФ), разработки программ экономического развития, демократизации, стратегического партнерства. Не последнюю роль сыграли и международные неправительственные организации, помогавшие Монголии справляться с трудностями переходного периода. Так, Вуамбажав (2006⁷³) приводит сведения о 116 международных организациях, действовавших в Монголии в 2005 году, 31,9% из которых имели свои штаб-квартиры в США, а 13,8% – в Корею, которые, однако, имели достаточно закрытый характер и не были открыты для широкой публики. Стоит помнить и о том, что многочисленные общественные организации (массовые организации) существовали в Монголии и до 1990 года. Их создание было инициировано еще коммунистическим руководством, а список включал крупные профсоюзы, Федерацию монгольской молодежи, Федерацию женщин Монголии и другие организации. После 1990 года они реформированы и продолжили свою деятельность уже как независимые неправительственные организации. До 1992 года существовали и политические организации, такие как Монгольская демократическая коалиция и Монгольское социально-демократическое движение. Многочисленные организации гражданского общества боролись за защиту интересов различных социальных групп, в том числе такие всемирно известные организации как Мозговой пул

⁶⁸ Baasanjav U. Mediated political and social participation: examining the use of the Internet by Mongolian government and civil society institutions // *Journal of Information Technology & Politics*. – 2008. – Т. 4. – №. 3. – С. 41-60.

⁶⁹ Ginsburg T. Mongolia in 1997: deepening democracy // *Asian Survey*. – 1998. – Т. 38. – №. 1. – С. 64-68.

⁷⁰ Fish M. S. Mongolia: democracy without prerequisites // *Journal of democracy*. – 1998. – Т. 9. – №. 3. – С. 127-141.

⁷¹ Pomfret R. Transition and democracy in Mongolia // *Europe-Asia Studies*. – 2000. – Т. 52. – №. 1. – С. 149-160.

⁷² Fritz V. Mongolia: The rise and travails of a deviant democracy // *Democratization*. – 2008. – Т. 15. – №. 4. – С. 766-788.

⁷³ Вуамбажав, Д. 2006. NGPs in Mongolia: A crucial factor in Mongolian society and politics. *The Mongolian Journal of International Affairs*. 13: 132-146.

либеральных женщин (ЛЕОС), Движение женщин за социальный прогресс, Гендерный центр устойчивого развития, Национальный центр против насилия и другие. К сожалению, о гражданском обществе в Монголии, его роли в процессе развития и решении социальных проблем, имеется незначительное количество комплексных исследований, за исключением некоторых практико-ориентированных отчетов, акцентирующих внимание на роли неправительственных организации в осуществлении контроля за деятельностью органов государственного управления, качества оказываемых социальных услуг, распределении бюджетов правительственных организаций (Dambadarjaa, 2005). Dembereldorj (2019⁷⁴), в частности, сетует на то, что исследования гражданского общества в Монголии практически отсутствуют в научном дискурсе социальных наук.

Действительно, в отчетах финансовых и международных контролирующих организаций приводятся достаточно подробные сведения о развитии гражданского общества (Asian Development Bank, UNDP, UNECE), однако, их содержание имеет значительный градус необъективности, поскольку в них прослеживается четкая тенденция представления исключительно в «черном свете» всей советской истории, включая того, что происходило в сфере самоорганизации граждан. Так, в отчете Democracy Education Center (DEMO), выполненного для Форума «Открытое общество» в 2005 году⁷⁵, указываются сведения о 5077 зарегистрированных неправительственных организаций, большая часть из которых были основаны после принятия закона о некоммерческих организациях в 1997 году. Структура организаций в этот период выглядела следующим образом: 80% организация являлись общественными организациями взаимопомощи (Public Benefit Organizations, PBOs), и почти 20% – кассами взаимопомощи (Mutual Benefit Organizations MBOs). Было зарегистрировано 1562 ассоциаций, федераций и союзов, 627 центров, 514 фондов и 231 клуб, 74 совета, 45 академий, 41 комитет, 39 движений, 27 бюро. Большая часть – 77% из всех зарегистрированных организаций в этот период располагались в Улан-Баторе, и только 23% – в аймаках (особенно в Дархан-Ууле, Дундгови). Основными видами деятельности НПО, функционирующими в данный период, являлись – сельское хозяйство, экономика и бизнес, (13,4%), спорт, туризм, сфера развлечений (11,8%), решение социальных проблем (11,0%). В числе основных финансовых ресурсов указывались: финансирование со стороны международных доноров

⁷⁴ Dembereldorj, Z. (2019). The role of civil society organizations in Mongolia. <https://www.semanticscholar.org/paper/The-role-of-civil-society-organizations-in-Mongolia-Dembereldorj/98057267ce90fa577d58efb42a31e3b124346a39>

⁷⁵ Democracy Education Center (DEMO). NGOs in Mongolia. Survey report: 2005. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/11868915.pdf>

(59,5%), пожертвования от частных лиц и фирм (27,9%), доходы от экономической деятельности (12,6%) (DEMO, 2005).

В отчете UNDP, датированном сходным периодом указывается, что несмотря на впечатляющее количество зарегистрированных НПО на сравнительно небольшое количество населения, этот показатель не может отражать реальных процессов, происходящих в монгольском обществе. Наблюдатели отмечают, что количество активно действующих НПО во много раз меньше и составляет от 50 до нескольких сотен, тогда как оставшиеся представляют собой организации, действующие лишь «по документам, на бумаге», их основные функции сводятся к получению финансирования от иностранных агентств или ориентированы на получение прибыли от бизнеса. Массовые организации, действующие с «советских» времен, продолжают оказывать качественные услуги населению, в том числе благодаря ресурсам государственной поддержки, однако они сфокусированы на оказание социальной помощи, а не на отстаивании независимой от правительства позиции. Другими претензиями UNDP выступали – недостаточная реализация законодательно обеспеченных свобод для НКО, в частности, закрытость или слабая гарантированность доступа информации о деятельности правительства, государственном бюджете, парламентских дискуссиях, что, в целом, препятствовало организациям гражданского общества эффективно участвовать в политических дебатах. Что касается религиозных организаций, то после коммунистических репрессий на традиционные верования, обновленные буддистские организации начали играть важную роль в продвижении целей устойчивого развития, особенно среди групп населения, ведущего традиционный образ жизни (UNDP, 2011)⁷⁶.

Во второй половине 2000-х комплексная оценка гражданского общества Монголии была проведена в рамках исследовательского проекта Всемирного альянса гражданского участия CIVICUS. Его методология определяла гражданское общество как «арену действий, вне семьи, государства и рынка, на которой люди объединяются для продвижения общих интересов», подчеркивая его политическую природу, а методика включала четыре ключевых измерения – структуру, окружение, ценности и вклад в развития, для измерения которых было задействовано более 70 показателей, а данные собирались на основе разнообразных источников, качественных и количественных методов. Опирающаяся на эти данные и проводившая дополнительные изыскания Т.

⁷⁶ Way, C. (Ed.). Assessment of development results. Evaluation of UNDP. Contribution on Mongolia. UNDP, 2011.

Undarya (2013⁷⁷) указывает на их релевантность и соответствие большинству актуальных тенденций. Приведем краткие результаты этого исследования.

Структурное измерение описывает общие количественные показатели, силу и динамические характеристики гражданского общества в организационных и экономических терминах. Полученный Монголией показатель в 1,2 бала обозначает скорее небольшое по размеру и слабоструктурированное гражданское общество, с хорошо развитым членством в организациях, включая традиционное членство в основных политических партиях, профсоюзах и массовых организациях, но относительно небольшой глубиной и качеством участия, в том числе в непартийных политических организациях, благотворительных и волонтерских организациях. В исследовании также сделан акцент на том, что наибольшая концентрация гражданских организаций находится в столице, тогда как сельское гражданское общество практически не развивается из-за недостатка финансирования и информации. Скотоводы, бедные жители, этнические и религиозные меньшинства слабо представлены в структуре гражданского общества, несмотря на зарождающиеся низовые практики, возникающие в ответ на экологические вызовы.

Автор обращает внимание на силу женского движения, как в плане членства, так и на лидерском уровне, кроме политических партий, бизнес-ассоциаций и местных советов. Исследование показало наличие важных тенденций внутри и межсекторной кооперации среди НКО, появления новых сетевых форм взаимодействия – форумов, сетей, платформ и коалиций, тогда как эффективность и легитимность зонтичных организаций были поставлены под сомнение в виду иерархичности и бюрократичности их структур управления. В отношении ресурсов было указано, что массовые организации, являющиеся правовыми наследниками социалистических организаций, имели значительные преимущества, обладая недвижимостью и другими ресурсами на национальном и местном уровне (Федерация молодежи, Ассоциация мира и дружбы), тогда как правозащитные и продемократические организации, функционирующие в городах и селах, были финансово слабыми, зависящими от международных организаций. Гражданское общество стало более разнообразным, с большим вовлечением маргинализированных групп населения, включая молодых женщин, матерей-подростков, этнических меньшинств, движение ЛГБТ, лиц с особенностями здоровья, детей, а также представителей животноводческих и обрабатывающих организаций. Новые демократические структуры и пространства способствовали развитию социальных движений, направленных на социальные изменения

⁷⁷ Undarya T. State of civil society development in Mongolia //Mongolian journal of international affairs. – 2013. – №. 18. – С. 52-68.

и характеризующихся логичным анализом статусных позиций, четкой формулировкой желаемых изменений, солидарностью и приверженностью своим идеалам.

Несмотря на большой опыт, приобретенный монгольскими НКО по реализации значимых социальных программ, развитие гражданских сетей внутри страны и за ее пределами (подробнее см. Азиатский банк развития, 2019⁷⁸), усилившиеся национальная сплоченность и солидарность, финансовой стабильности, и, соответственно, большей институциональной самостоятельности в этот период добиться не удалось. Финансовое окружение не было благоприятным, особенно для правозащитных НПО. Государство не оказывало поддержки таким организациям, тогда как международные организации оказывали ограниченную поддержку на ad hoc основе. За исключением некоторых организаций, работающих в сфере адвокации, прав человека и защиты женщин, НПО не получали серьезного финансирования. Одновременно с этим, двухсторонние учреждения и организации в области развития предоставляли весьма щедрое финансирование международным НПО, в том числе из фондов, предназначенных для развития Монголии. Таким образом, несмотря на популярную риторику о важности гражданского общества, международному сообществу и правительству не удалось построить в Монголии адекватную инфраструктуру для развития гражданского общества, что ставит под сомнение его будущее развитие, учитывая отсутствие серьезной государственной поддержки и слабость среднего класса, при распространенной бедности и невозможности использовать индивидуальные средства в качестве достаточного источника финансирования (Undarya, 2013: 57⁷⁹).

Инвйронментальное измерение гражданского общества описывает политические, социальные, экономические, культурные и правовые условия, которых происходит его развитие и функционирование. Результат Монголии – 1,1 балла указывает на скорее дезинтегрирующее окружение. Со стороны политической системы, основными факторами, препятствующими развитию гражданского общества, по мнению авторов исследования, выступают: государственное доминирование, авторитаризм и вмешательство в деятельность независимых организаций, выраженная централизация власти, коррупция, слабая и непредставительная многопартийная система, контролируемая власть имущими, неразвитая оппозиция, нарушения электоральных процедур и чрезмерное влияние денег, разрушающие легитимность избирательной

⁷⁸ Civil Society Brief: Mongolia. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/503101/civil-society-brief-mongolia.pdf>

⁷⁹ Undarya T. State of civil society development in Mongolia //Mongolian journal of international affairs. – 2013. – №. 18. – С. 52-68.

системы, неэффективность, нереспонсивность и непрозрачность работы государственных служб.

На основе проведенного исследования делается вывод о том, что частые нарушения человеческих прав, бедность и безработица, отсутствие сильного среднего класса, сильнейшее социальное расслоение между городами и сельской местностью, распространенность алкоголизма, преступности и других социальных проблем затрудняют развитие гражданского общества. В целом, как государственно-общественные, так и общественно-частные отношения оцениваются как в значительной степени непродуктивные, зависимые от отношения конкретного официала и типа организации несмотря на то, что имеются существенные различия по отраслям и уровню управления. Патерналистски настроенное и имеющее пассивную ментальность население, и негативные установки государственных служащих к гражданским организациям представляют серьезные культурные проблемы. Одновременно с этим, правовые основы для функционирования большинства НПО, включая политические партии, правозащитные организации, антикоррупционные и продемократические массовые движения были оценены как достаточно либеральные, чему способствовали отмена смертной казни и введения закона о гендерном равенстве, а также разработка других нормативных правовых актов, способствующих улучшению прозрачности, подотчетности и респонсивности правительства и расширению пространства действия для гражданского общества. Важным шагом стало сотрудничество между правительством и некоммерческими организации в разработке Государственной концепции по поддержке устойчивого развития гражданского общества в рамках рабочей группы под председательством премьер-министра и продолжившееся сотрудничество Министерством юстиции и внутренних дел по вопросам реформирования законодательства в отношении НКО (Undarya, 2013: 60)

Ценностное измерение касается ценностей, продвигаемых гражданским обществом, и выступающих его идеологической основой. Результаты Монголии в 1,7 балла отражают позитивные тенденции: организации гражданского общества, в особенности НПО и социальные движения демонстрируют приверженность в продвижении демократических ценностей, гендерного равенства, подотчетности правительства, ненасилия, защиты окружающей среды, борьбы с бедностью. Однако, внутренние (имеется в виду, уже существовавшие в Монголии, а не привнесенные западными организациями) практики по продвижению этих ценностей были скорее слабыми и неэффективными. Политические партии, ассоциации собственников жилья, массовые организации, включая профсоюзы, были в целом оценены как менее

демократические, менее транспарентные и, в ряде случаев, склонные к коррупции и интолерантности. Для исследователей было крайне сложно измерить последний показатель, толерантность в силу его слабой генерализуемости на все гражданское общество: часть правозащитных сообществ демонстрировали не только высокий уровень толерантности, но и ратовали за позитивное восприятие различий по различным основаниям - этничности, происхождения, возраста, гендера и сексуальной ориентации, тогда как этнонационалистические группы не только не демонстрировали противоположные убеждения, но испытывали ненависть по тем же основаниям. Если для правозащитного движения и культуры НКО, защищающих права женщин были характерны опора на инклюзивность и разнообразие, среди остального большинства организаций гражданского общества толерантность была скорее на низком уровне. Кроме этого, имелись и факты применения насилия со стороны некоторых экологических групп и представителей коренных народов, которые оправдывались их фрустрацией и отчаянием, вызванными противостоянием с государственными учреждениями, коррумпированным правительством и враждебно настроенными обрабатывающими компаниями, которые, имели тенденцию к дальнейшему продолжению до тех пор, пока не будут приняты меры по сокращению вредного влияния горнодобывающего производства на окружающую среду, и установления справедливых контрактных условий для местного населения (Undarya, 2013: 60).

Последним из четырех измерений является воздействие, показывающее активность гражданского общества в выполнении своих важнейших функций в монгольском обществе. Полученный результат в 1,4 балла показывает скорее низкий уровень эффективности по сравнению с прилагаемыми усилиями организаций. Объединения граждан были очень активными и эффективными в деле повышения информированности и формирования инициативных групп населения, особенно в области защиты прав женщин и гендерного равенства, пропаганды политики, однако практически не добились успеха в повышении отчетности корпораций и правительства. Некоммерческие организации оказывали важные услуги непривилегированным и маргинализированным слоям населения, но все эти услуги были ограничены по объему и недостаточными из-за нехватки финансирования. В целом, гражданское общество не смогло конвертировать даже успешные практики в масштабный социальный эффект из-за инвайронментальных барьеров, обсуждавшиеся выше. Автор заключает, что только в случае улучшения условий, более серьезного финансирования и позитивного отношения со стороны

государственных учреждений, социальное воздействие организаций гражданского общества может стать гораздо более сильным и устойчивым (Undarya, 2013⁸⁰).

Согласно актуальным данным, представленными Международным центром права для некоммерческих организаций, Монголия считается одной из ведущих азиатских стран с развитыми гражданскими свободами и благоприятной правовой системой для развития организаций гражданского общества, включающей Гражданский кодекс и специализированное законодательство в отношении НКО, поддерживаемые другими законами и применяемой политикой. Быстро развивающееся монгольское гражданское общество способствует распространению практик самоуправления, внутрисекторального контроля, эффективного распределения финансовых и других ресурсов и формированию благоприятных условий для своей деятельности. По данным Генерального органа государственной регистрации за 2019 год, в Монголии зарегистрировано более 22 тысяч организаций. По данным Национальной статистической службы, активными из них являются только 48,5%, однако эта цифра несравненно выше, чем в предыдущие периоды, и по сравнению с другими странами. На территории страны зарегистрировано 89 международных неправительственных организаций, что существенно меньше цифры, приведенной ранее. Также деятельность осуществляют более 1,5 тыс. различных фондов. В структуру организаций гражданского общества входят зонтичные и сетевые организации, предоставляющие помощь и обучение менее опытным организациям, особенно функционирующим в сельской местности, развивается сеть ресурсных центров и «мозговых центров» (policy think tanks), фокусирующихся на получении необходимых знаний и укреплении потенциала различных сторон, включая средства массовой информации и правительственные организации. Исследовательские организации занимаются проведением мониторинговых исследований и оценки эффективности вкладываемых средств. По-прежнему одним из сильных игроков является женское движение, активно развиваются профессиональные ассоциации (Азиатский банк развития, 2019⁸¹). В настоящее время Министерством юстиции и внутренних дел разрабатываются новые редакции законов о фондах, ассоциациях и деятельности, по формированию общественного блага, частной жизни и права на информацию, включая поправки к законам о публичной информации и защите личных данных (ICNL, 2021⁸²). Таким образом, современное гражданское общество Монголии являет собой результат эволюции

⁸⁰ Undarya T. State of civil society development in Mongolia //Mongolian journal of international affairs. – 2013. – №. 18. – С. 52-68.

⁸¹ Civil Society Brief: Mongolia. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/503101/civil-society-brief-mongolia.pdf>

⁸² International Center for Non-Profit Law. Mongolia. URL: <https://www.icnl.org/resources/civic-freedom-monitor/mongolia>

социальных взаимоотношений между объединениями граждан, правительственными учреждениями, кристаллизующихся при огромном внимании и влиянии со стороны мирового сообщества (международных европейских, американских и азиатских организаций), и ограниченных спецификой местных условий, особенностей социально-экономической и социокультурной жизни.

Рисунок 13 – Подписание меморандума о кооперации между Конфедерацией монгольских профсоюзов, Национальной комиссией по правам человека, Генеральным агентством специализированной инспекции, Управлением по вопросам развития семьи, детей и молодежи, Монгольской ассоциацией адвокатов и Главным управлением по труду и социальному обслуживанию для улучшения ситуации с занятостью молодежи и усиления кооперации между государственными учреждениями и организациями гражданского общества, апрель 2018 года.

Представив некоторые данные, характеризующие гражданскую культуру и особенности развития гражданского общества в странах, охваченных исследованием, перейдем к анализу полученных результатов экспертного опроса в разрезе отдельных показателей и страновых различий, разделив их на две группы: характеристики обществе гражданской активности, ответственности, общественных инициатив, и характеристики межэтнических и межконфессиональных отношений, самоорганизации граждан для удовлетворения своих этнокультурных потребностей, сохранения этнических культур и традиций.

В отношении первой группы экспертных оценок нужно отметить, что они свидетельствовали как о наличии различных институциональных условий и структур возможностей для самореализации акторов гражданского участия, так и, безусловно,

отражали динамические характеристики их изменения в результате сопоставления с более ранними периодами исторического развития гражданского общества в четырех странах. Очень трудно найти объективные подтверждения полученным нами оценкам, можно лишь трактовать их как актуализированные в момент опроса субъективные ощущения и ожидания, основанные на наличных знаниях и профессиональном опыте эксперта.

Максимальные оценки по показателю гражданской, общественно-политической активности были получены в Монголии и Кыргызстане (ср. знач. 6,7-7,0 балла и 46,3-46,7% «высоких» оценок), тогда как у России и Казахстана – оценки были гораздо более скромными (4,6 и 5,6 балла – средние значения, доля низких оценок составила 16,3% в Казахстане и 34,1% в России, высоких – 17,4% в Казахстане и только 8,5% в России). Статистически значимыми по результатам парных сравнений⁸³ являлись различия между Россией и другими тремя странами, а также Казахстаном и Кыргызстаном (тест Краскала-Уоллеса с поправками Бонферонни, $p < 0,05$) (таблица 1).

Зрелое гражданское общество предполагает формирование у его членов, индивидуальных или коллективных, высокого уровня социальной ответственности, предполагающего учет принимаемых решений и деятельности на общество и окружающую среду, прозрачное и этическое поведение, ориентацию на ожидания и потребности заинтересованных сторон; верховенство закона (Баранов, 2016⁸⁴). Исследование социальной ответственности в большинстве случаев направлено на корпоративные субъекты (Киварина, 2014⁸⁵; Иванова, 2015⁸⁶), для которых социально-этический маркетинг становится новой составляющей концепции функционирования компаний, а социальные инициативы приобретают определенную значимость в числе факторов, предопределяющих их прибыльность и коммерческий успех (Веревкин, 2010⁸⁷). Между тем, современное развитие диктует высокие стандарты социальной ответственности каждого гражданина, для которого формирование самостоятельности и ответственности за совершенные действия, поступки и их последствия выступает важной частью саморазвития личности, саморегуляции отношений, возникающих между людьми, и самоопределении индивида как неотъемлемого субъекта правоотношений в государстве. Социальная ответственность интерпретируется как определенные ожидания окружающей

⁸³ Поскольку практически во всех шкалах имелись проблемы с распределением, использовались непараметрические методы сравнения средних тенденций.

⁸⁴ Баранов Г. В. Концепция социальной ответственности в гражданском обществе России //Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – №. 2 (44) Часть 1. – С. 64-65.

⁸⁵ Киварина М. В. Корпоративная социальная ответственность //Экономический журнал. – 2014. – №. 4 (36).

⁸⁶ Иванова А. А. Корпоративная социальная ответственность: отношения бизнеса и общества в современной России //Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – №. 2.

⁸⁷ Веревкин О. Л. Социальная ответственность бизнеса //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – №. 1 (95). – С. 37-48.

социальной среды, условием возникновения которых является наличие в обществе социальных норм и реализация их как через формы социального контроля (общественное мнение, устав, закон), так и через понимание своей общественной роли ответственными субъектами (Иванова, 2010⁸⁸)

Как показали результаты опроса, во всех четырех странах присутствовали значительные проблемы с социальной ответственностью населения: средние значения показателя составили 4,5 балла в России, 5,5 балла в Казахстане, 5,1 балла в Кыргызстане и 5,9 балла – в Монголии (статистически достоверные различия были выявлены только между Россией и Монголией). Максимально высокий уровень ответственности наблюдался в Монголии: 26,7% высоких оценок, 66,4% средних и только 6,7% низких. Противоположную ситуацию обрисовали эксперты из России, 36,6% которых оценили уровень социальной ответственности населения как низкий и только 6,1% – как высокий.

Сходные результаты были получены по показателю гражданской солидарности, представляющей собой важнейший интеграционный и консолидационный феномен, воспроизводящийся в обществе посредством культурных эталонов гражданского поведения и соответствующих ему ценностей. Гражданская солидарность предполагает существование внутри общества единства по отношению к различным компонентам гражданственности, значимость для граждан социального нормативного каркаса, эффективность существующих в культуре экспрессивно-символических компонентов, связывающих общественность с государственной системой. Интеграционная сущность гражданской солидарности проявляется в непосредственной связи граждан с обществом. Граждане не только имеют сильную идентификацию с обществом жителей своего государства, но и соблюдают и защищают его нормы, участвуют в гражданских институтах, исполняют гражданские обязанности, отстаивают гражданские права, а также воспроизводят механизмы социального контроля и подчиняются им (Сердюков, 2018⁸⁹). Таким образом, гражданская солидарность представляет собой не только конструктивное восприятие государственного устройства и нормативной структуры общества, личную значимость отстаиваемых гражданских ценностей, но и активные действия по их защите и претворению в жизнь.

Средние значения по шкале гражданской солидарности, согласно результатам экспертного опроса, составили 4,5 балла в России, 5,6 балла в Казахстане, 5,5 балла – в Кыргызстане и 5,9 балла в Монголии. И хотя статистически значимые различия

⁸⁸ Иванова К. Н. Участие населения в местном самоуправлении как способ повышения социальной ответственности граждан // Вестник Поволжского института управления. – 2010. – №. 1.

⁸⁹ Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в российском обществе — СПб.: Аналитическое агентство «Сфера», 2018. 132 с

наблюдались только между Россией и Казахстаном, что связано с поправками на множественные парные сравнения и асимптотическим расчетом значимости, очевиден разрыв в уровне солидарности в Монголии (только 7,1% низких значений, 57,1% - средних значений и 35,7% высоких значений) и другими странами, особенно Россией, где менее половины опрошенных поставили оценку среднего диапазона (48,7%), тогда как 38,5% - поставили минимальные баллы (таблица 1).

Гражданское общество – это прежде всего люди, которые объединяются для защиты своих и чужих интересов, решения разнообразных социальных проблем – от конкретных проблем отдельных индивидов, до глобальных проблем, волнующих все человечество. Именно в социальной активности гражданское общество находит свое реальное воплощение, реифицируется, приобретает реальные очертания и конкретные свойства. Социальная активность понимается нами как сложный динамический, личностно и социально детерминированный феномен, проявляющийся в добровольных и целенаправленных социальных действиях индивидов, групп и организаций, направленных на преобразование социальной действительности и развитие общества, в том числе посредством разработки и реализации общественных инициатив – конкретных предложений и четко сформулированных идей (Максимова и др., 2015⁹⁰; Максимова и др., 2019⁹¹).

По данным проведенного исследования социальная активность была в большей степени развита среди граждан Кыргызстана – 34,0% экспертов дали высокие оценки по данному показателю, 49,1% оценили выраженность социальной активности и частоту предлагаемых населением общественных инициатив на среднем уровне, тогда как 17,0% - дали низкие оценки (среднее значение составило 6,1 балла). На втором месте – позиция экспертов Монголии: со средним значением в 6,0 баллов только 6,7% опрошенных дали низкие оценки социальной активности населения, 80,0% – высказались о том, что социальная активность и общественные инициативы развиты на среднем уровне, тогда как 13,3% – дали средние оценки. Подобная ситуация наблюдалась и в Казахстане, где, по мнению 64,6% экспертов население имело средний уровень активности, по мнению 19,6% - высокий и 15,9% - дали низкие оценки (среднее значением составило 5,7 балла). Как в предыдущих случаях, наиболее пессимистическая картина наблюдалась в российском экспертном сообществе: 36,6% наших информантов оценили социальную активность

⁹⁰ Максимова С. Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Социальная активность как основа формирования гражданских позиций населения современного региона России //Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2015. – №. 4 (126).

⁹¹ Максимова С. Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном сибирском регионе //Society and Security Insights. – 2019. – Т. 2. – №. 3.

россиян как низкую, чуть больше половины (52,4%) – как среднюю и только 11,0% - как высокую. При этом нам удалось статистически подтвердить достоверные различия между оценками российских и казахстанских экспертов, а также между российскими и киргизскими коллегами (по критерию Краскале-Уоллиса, $p < 0,05$).

Между тем, несмотря на наличие довольно выраженных различий в проявлении социальной активности, ответственности и солидарности граждан, во всех странах исследуемого региона были довольно сильны пассивные настроения населения: средние значения по шкале «равнодушия», измеряющих желание жителей участвовать в общественных делах, были довольно высокими и составили 6,4 балла в России, 5,9 балла – в Казахстане, 5,1 балла в Киргизии и 5,5 балла – в Монголии. Анализ кумулятивных частот показал, что в большей степени эта проблема беспокоит российских экспертов, 45,2% которых дали высокие оценки по данному показателю. Около трети таких оценок (26,7% и 27,9%) было получено в Казахстане и Монголии, тогда как в Кыргызстане – 18,9% экспертов высказались о том, что его население проявляет недостаточно внимания к общественным проблемам (статистически значимые различия наблюдались лишь между оценками экспертов Кыргызстана и России).

Таблица 1 – Оценки выраженности солидарности и гражданского активизма среди населения России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии, средние значения по 10-балльной шкале и кумулятивные частоты по низким, средним и высоким диапазонам оценок в процентах.

Показатель	Диапазон оценок	Страна			
		Россия	Казахстан	Кыргызстан	Монголия
Гражданская, общественно-политическая активность	Среднее значение	4,6	5,6	6,7	7,0
	Низкие оценки (1-3 балла)	34,1	16,3	9,3	6,7
	Средние оценки (4-7 балла)	57,3	66,3	44,4	46,7
	Высокие оценки (8-10 баллов)	8,5	17,4	46,3	46,7
Социальная ответственность	Среднее значение	4,5	5,5	5,1	5,9
	Низкие оценки (1-3 балла)	36,6	18,8	24,5	6,7
	Средние оценки (4-7 балла)	57,3	63,5	64,2	66,7
	Высокие оценки (8-10 баллов)	6,1	17,6	11,3	26,7
Гражданская солидарность	Среднее значение	4,5	5,6	5,5	5,9
	Низкие оценки (1-3 балла)	38,5	21,7	23,1	7,1
	Средние оценки (4-7 балла)	48,7	55,4	53,8	57,1
	Высокие оценки (8-10 баллов)	12,8	22,9	23,1	35,7
Социальная активность, общественные	Среднее значение	4,6	5,7	6,1	6,0
	Низкие оценки (1-3 балла)	36,6	15,9	17,0	6,7
	Средние оценки (4-7 балла)	52,4	64,6	49,1	80,0

инициативы	Высокие оценки (8-10 баллов)	11,0	19,5	34,0	13,3
Равнодушие, нежелание участвовать в делах общества	Среднее значение	6,4	5,9	5,1	5,5
	Низкие оценки (1-3 балла)	15,5	16,3	34,0	26,7
	Средние оценки (4-7 балла)	39,3	55,8	47,2	46,7
	Высокие оценки (8-10 баллов)	45,2	27,9	18,9	26,7

Представляет интерес анализ взаимосвязей между пятью исследуемыми параметрами, показывающий взаимную детерминированность и сочетание проявлений гражданственности и интегративных форм поведения в зависимости от специфики страны опроса. Так, корреляционный анализ среди оценок российских экспертов показал, что четыре из пяти показателей были очень тесно связаны друг с другом (коэффициенты корреляции Спирмена $> 0,8$), то есть по сути, речь шла об одном теоретическом конструкте (анализ шкал на внутреннюю согласованность по α Кронбаха показал высокие результате – 0,93). При этом, такая согласованность экспертных оценок относительно положительных проявлений гражданственности практически никак не коррелировала с социальной апатией и равнодушием (рисунок 14), что указывало на параллельность данных тенденций, разобщенность между различными слоями российского общества.

Подобный паттерн взаимосвязей наблюдался и в Казахстане, где корреляции между положительными шкалами составили свыше 0,7, а статистическая. Наименьшая по силе взаимосвязь – 0,73 была выявлена гражданской (общественно-политической) и социальной активностью (в России наблюдалась та же тенденция), то есть в представлениях экспертов, несмотря на общие обоснования, оба вида активности были различными и находили свое отражение в различных полях социального пространства: если для первого вида более органичным являлось поле политики и борьба различных политических сил, то для второго – поле социальных взаимодействий в широком контексте бытовых и профессиональных отношений.

Согласно данным, полученным в Республике Кыргызстан, измеряемые тенденции были в более автономными: наибольшая взаимосвязь наблюдалась между оценками гражданской солидарности и социальной активности ($\rho = 0,74$), а также между гражданской солидарностью и социальной ответственностью ($\rho = 0,70$), тогда как между социальной ответственностью и активностью она была существенно менее выраженной ($\rho = 0,56$). Одновременно с этим, общественно-политическая активность граждан была относительно слабо взаимосвязана с социальной ответственностью и гражданской солидарностью ($\rho = 0,45-0,46$) и коррелировала с социальной активностью на среднем уровне ($\rho = 0,62$). Таким образом, солидаризационные установки населения Кыргызстана находили свое воплощение в большей степени во внеполитической сфере, где большую роль играли общественные инициативы, направленные на конкретную помощь и решение

проблем, с ней же ассоциировалась и социальная ответственность. Между тем, несмотря на такие предпочтения граждан, между социальной и общественно-политической активностями в любом случае существовала достаточно явная взаимосвязь, что указывало на то, что эти поля были в значительной степени взаимопересекающимися.

Что касается Монголии, то здесь нужно выделить три основных тенденции. Первая – теснейшая взаимосвязь между социальной ответственностью, гражданской солидарностью и социальной активностью ($\rho > 0,85$), которые в оценках экспертного сообщества сливались в целостную характеристику гражданской культуры жителей Монголии, которая, судя по индивидуальным оценкам по показателям, как мы увидели, была довольно высока. Второй значимый момент – дистанцирование показателей общественно-политической активности от показателей социальной ответственности и гражданской солидарности (различия между корреляциями статистически значимы, $z = -2,31$, $p = 0,01$), которая представляется как отдельный, специализированный по социальным навыкам и компетентностям вид деятельности. Третий важный момент: наличие значимой отрицательной взаимосвязи между социальной ответственностью, гражданской солидарностью и уровнем равнодушия в обществе: несмотря на то, что по абсолютному значению эта связь не так велика, как другие ($\rho = -0,44$) и ($\rho = -0,38$), она явно выделяется среди всех стран и указывает на их общую обусловленность (рисунок 14).

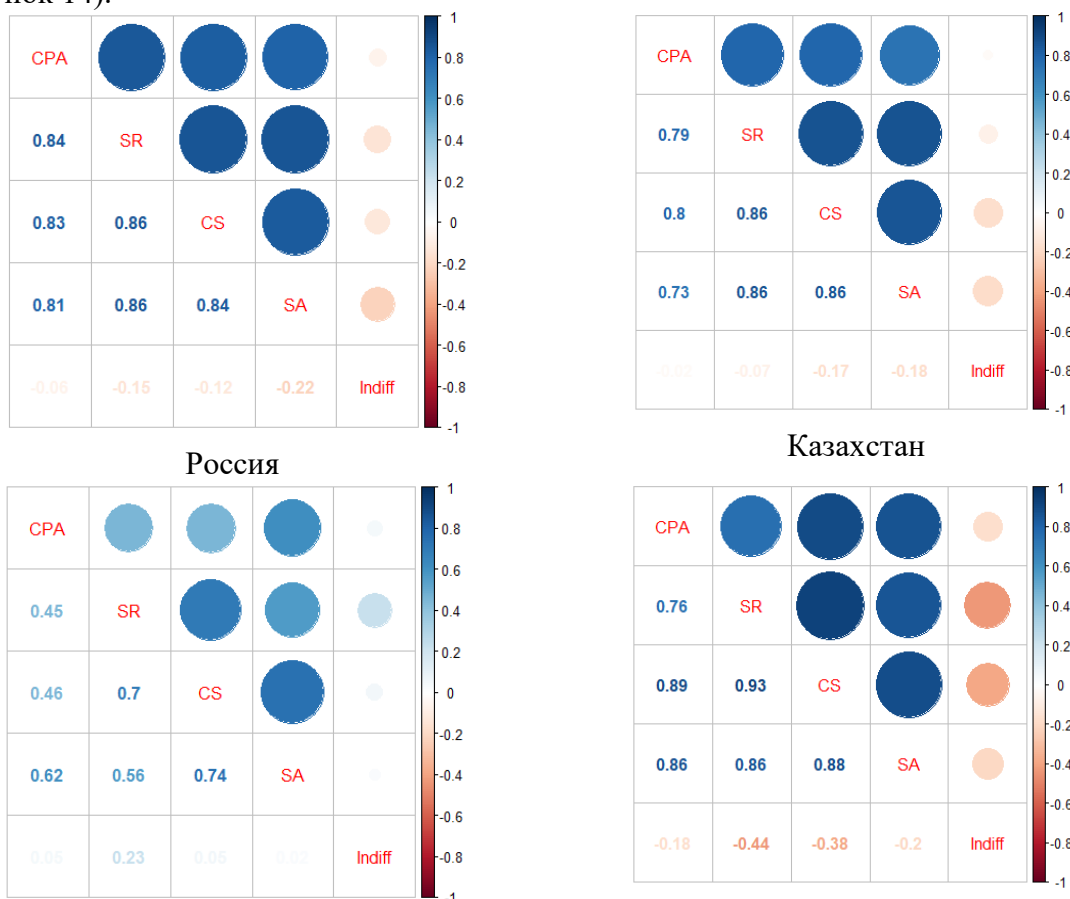

Рисунок 14 – Корреляции между пятью показателями гражданственности в четырех странах, коэффициент корреляции Спирмена ($p < 0,05$). Условные обозначения: CPA – гражданская, общественно-политическая активность, SR – социальная ответственность, CS – гражданская солидарность, SA – социальная активность.

Второй блок вопросов касался оценки выраженности среди населения четырех стран стремлений к социальной интеграции и самоорганизации граждан в области межэтнических взаимодействий, сохранения этнических культур и традиций, в том числе отдельных характеристик, описывающих качество межэтнических отношений, социальную политику государства в отношении национальностей. Очевидно, что оценки респондентов во многом определялись спецификой и актуальным состоянием этноконфессиональной структуры населения, которая в каждой стране была уникальной, что обуславливало необходимость предварения анализа результатов исследования минимальным описанием существующего положения дел. Сразу отметим, что решение данной задачи представляло определенные трудности, вызванные ограниченностью данных и разнородностью методик их сбора в каждой стране, отсутствием возможности осуществления синхронной оценки в аналогичные периоды времени, а также наличием большого количества исследований, обобщить которые в формате нашего издания не представлялось возможным. Между тем, без понимания социального контекста, к которому были «привязаны» оценки наших экспертов, простое представление результатов лишало их осмысленности и конкретного содержания.

Россия является исторически сложившимся полиэтническим и поликультурным государством, на территории которого, согласно последней переписи населения, проведенной в 2010 году, проживают более 194 народов и этнических групп со своей уникальной и самобытной культурой, в том числе крупных автохтонных этносов (русских, татар, башкир, чувашей, якутов, народов Северного Кавказа др.), исконные земли которых находятся на территории России⁹². Присутствуют в этническом составе и коренные малочисленные народы, не превосходящих численностью 50 тыс. человек, чья этническая, культурная и лингвистическая уникальность находится под особой опекой государства, а также представителей других наций, имеющих свою государственность за пределами Российской Федерации (Богоявленский, 2001⁹³, с.88). Жители России говорят на почти

⁹² Итоги Всероссийской переписи населения 2010. URL:

https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

⁹³ Богоявленский Д. Д. Этнический состав населения России //Социологические исследования. – 2001. – №. 10. – С. 88-93.

трех сотнях языков, принадлежащих к 14 языковым семьям, при этом восемь языков имеют более миллиона носителей (русский –137,5 млн, английский (как иностранный и родной для малочисленной категории граждан –7,6 млн, татарский – 4,3 млн, немецкий (как родной и иностранный) – 2,1 млн, чеченский – 1,4 млн, башкирский – 1,2 млн, украинский – 1,1 млн, чувашский – 1,0 млн), на тридцати языках говорят от 100 тыс. до миллиона человек. В культуре россиян совмещаются и переплетаются три культурных потока и три типа ценностей: общероссийские, этнонациональные и общемировые. Все они в наше время тесно связаны и, например, современная массовая культура вбирает в себя этнические компоненты, а малые культуры используют самые современные формы и русский язык (Тишков, 2008⁹⁴).

Существенные социальные трансформации, вызванные известными историческими событиями (создание, а затем распад Советского Союза, формирование новых независимых государств на его территории), современными интеграционными процессами на евразийском пространстве и глобальными миграционными и демографическими трендами способствовали привели к усложнению этнических процессов на территории страны. Процессы увеличения доли титульных этносов в населении, а также «стягивания» народов в «свои» республики, характерные для большинства национальных субъектов России в постсоветский период несколько замедлились в 2000-е гг. Все большее значение стали приобретать трудовые миграции, в первую очередь в крупнейшие агломерации, размывающие статичную территориальную этническую картину.

Анализируя трансформацию этнической структуры и территориальные сдвиги в этническом пространстве России С.Г.Сафронов (2015)⁹⁵., выделяет три ключевых компонента, лежащих в основе этнического разделения регионов:

- «русское мегаядро», занимающего территориальный массив областей и краев с преобладанием русского населения (более 80%);
- национальные регионы, дифференцированные доле титульных этносов и по весу в населении страны;
- переходные внешние (находящиеся на стыке национальных регионов и государственных границ регионы Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, на Урале и в Азиатской части) и внутренние (крупные города с мозаичным составом населения) этноконтактные зоны. Анализируя статистические сведения постсоветского

⁹⁴ Тишков В. А. Этническое и религиозное многообразие--основа стабильности и развития российского общества: статьи и интервью. – Academia, 2008.

⁹⁵ Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России //Балтийский регион. – 2015. – №. 3. – 138-151

периода, автор констатирует статичный характер конфигурации «русского мегаядра» (заметное снижение отмечается только в мегаполисах и областях, находящихся рядом с Москвой и Петербургом как центрах максимального притяжения миграционных потоков), стабильность которого связывается, с одной стороны, с малой экономической привлекательностью регионов нечерноземной полосы, с другой – с изменениями или потерей этнической идентичности, вызванной ассимиляционными процессами и сменой государственной национальной политики. С этническим составом национальных регионов, напротив, со времени последней советской переписи произошли значительные изменения – отток русского населения, изменения населения, вызванные естественными демографическими и миграционными процессами, «постсоветской коренизацией» и стягиванием титульных этносов в национальные республики, опосредованной политическими и социально-экономическими причинами. Автор отмечает, что минимальная этническая мозаичность наблюдается в «русских» регионах Европейской части России, и расположенных вдоль основной полосы расселения Азиатской части, а также для Чечни с Ингушетией, где доля русскоязычного населения крайне мала, максимальная – в сельской местности национальных республик, а также в пределах регионах этноконтактных зон, вовлеченных в интенсивные этнические миграции.

Исследуя этническую неоднородность в регионах России, А.Н. Буфетова, Е.А. Коломак и М.М. Михалёва (2017)⁹⁶ справедливо подчеркивают, что подобная оценка обязательно должна учитывать положительные, основанные на достоинствах различных национальностей, и отрицательные, связанные с несовпадением ценностей, правил поведения и конфликтов, эффекты, вызываемые этнически неоднородной структурой населения. Авторы показывают, что в регионах России наблюдается большое разнообразие национальных структур. Минимальным уровнем национального разнообразия обладает Вологодская область, максимальным – республика Дагестан, и различия между этими регионами превышают десять раз. Российские регионы значительно различаются по уровню поляризации: минимальное значение соответствует Вологодской области, максимум в 2002 г. зафиксирован для Республики Марий Эл, а в 2010 г. – для Мордовии, очень близкие к максимальным оценкам имеет Татарстан. В этих республиках доля титульной нации примерно равна доле русского населения, при этом они близки к 50 %. Средние характеристики уровня поляризации для страны в целом можно отнести к умеренным, и, судя по сравнительному анализу данных двух переписей они несколько снижаются.

⁹⁶ Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Михалёва М. М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. – 2017. – Т. 17. – №. 3.

Этническое разнообразие России увеличивается от переписи к переписи⁹⁷, в большей степени в европейской части, однако для регионов Северного Кавказа, юга Сибири и Дальнего Востока характерно его уменьшение (Рязанцев, Тикунова, Тимонин, 2011)⁹⁸. На уровне регионов наблюдается высокая пространственная дифференциация. Наибольшие изменения этнического состава наблюдаются в регионах, принявших значительное число мигрантов из других регионов страны и из-за рубежа. Авторы выделяют несколько групп регионов.

Первая группа – регионы с ярко выраженной однополюсной этнической структурой, то есть в них доминирует один этнос, остальные этнические группы составляют небольшую долю. В нее вошли в основном русскоязычные регионы европейской России, Сибири, Поволжья (Санкт-Петербург, Псковская, Ленинградская, Вологодская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Курганская, Томская, Новосибирская, Кемеровская, Иркутская области и др.).

Вторая группа – регионы с ярко выраженной однополюсной структурой, но с выделяющимся вторым этносом (Москва, Московская, Тульская, Орловская, Белгородская, Костромская, Свердловская, Амурская области, Хабаровский и Приморский края, Еврейская автономная область).

Третья группа – территории с выраженной однополюсной этнической структурой, основной этнос представлен русскими, но при этом существенно влияние и других этносов тоже (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Архангельская, Волгоградская, Оренбургская, Самарская, Тюменская и Магаданская области, Пермский и Красноярский края, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский автономные округа).

Четвертая группа иллюстрирует условно двухполюсную структуру, в них второй по численности этнос, как правило это русские, представлен в большей степени, чем во второй группе. Это республики Адыгея, Калмыкия, Северная Осетия, Ингушетия,

⁹⁷Что может быть отражением не столько объективных процессов (появления новых этносов и их расселением по регионам), сколько процедурных изменений в проведении переписи, выделения этнических групп, ранее не учитываемых, в качестве отдельных этносов (например, в переписи 2010 года кроме сербов, были учтены национальности, ставшие суверенными нациями после распада Югославии (словенцы, хорваты, черногорцы, боснийцы), учтена как совокупная группа памирцы, вручную подсчитаны ряд национальностей из категорий «другие национальности», что повлияло на изменения количественного состава национальностей (см. Степанов В., Тишков В. Этническое измерение переписи 2010 //Этнодиалог. – 2013. – №. 1. – С. 31-37).

⁹⁸ Рязанцев С. В., Тикунова И. Н., Тимонин С. А. Математико-картографическая оценка этнического разнообразия в регионах России // Материалы международной конференции «Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт», ИнтерКарто/ ИнтерГИС 17. — Белокураха, Денпасар, 2011. — С. 15–21.

Чувашия, Мордовия, Удмуртия, Коми, Алтай, Хакасия, Тува, Бурятия; Чукотский, Эвенкийский и Корякский автономные округа.

Пятая группа – регионы с «чистой» двухполюсной этнической структурой населения, в которых проживают два примерно равных по численности этноса, на которые приходится более 80% населения региона (республики Марий Эл, Татарстан и Якутия).

Шестая группа – территории с многополюсной этнической структурой населения, в которых проживает большое число разных этнических групп, не составляющих большинства (республики Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия). Таким образом, говоря об этническом составе России, следует понимать, что эта усредненная характеристика, которая имеет огромную региональную специфику. Данные опросов общественного мнения, проведенные в 2020 году Всероссийским центром ВЦИОМ, показывают, что русскими себя считают 82% опрошенных граждан, 3% - идентифицируют себя как татары, по 1% – как казахи, башкиры, чувашаи, украинцы, чеченцы и узбеки, но, конечно, эти оценки являются весьма приблизительными, и более полную картину предоставит только следующая перепись населения. По религиозным убеждениям, 65% опрошенных относят себя к православию, 6% – к исламу, 1% - к протестантизму, 1% к буддизму, 3% – являются верующими, но не принадлежат к определенной конфессии, 12% - считают себя неверующими, 8% – колеблются между верой и неверием (оставшиеся либо затрудняются с ответом, либо выбирают альтернативные варианты)⁹⁹.

Сведения об этническом составе Казахской Республики содержатся в демографических сборниках Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам. По данным на начало 2020 года в населении Казахстана, составляющего 18,6 млн человек, основным этносом являлись казахи (12,8 млн чел. или 68,5%), на втором месте – русские (3,5 млн чел. или 18,9%), что вместе составило 87,4%. Среди других национальностей, играющих значительную роль в межнациональных отношениях республики, необходимо отметить узбеков (605,1 тыс. чел. или 3,1% населения), уйгур (274,5 тыс. чел. или 1,5%), украинцев (264,0 тыс. чел. или 1,4%), татар (200,5 тыс. чел. или 1,1%), немцев (176,1 тыс. чел. или 0,9%), турок (113,4 тыс. чел. или 0,6%), корейцев (108,6 тыс. чел. или 0,6%), азербайджанцев (112,5 тыс. чел. или 0,6%) (таблица 2).

⁹⁹ Результаты телефонного опроса ВЦИОМ-СПУТНИК от 25 октября 2020. Опрошено 1600 респондентов в 80 регионах России. https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=296&q_id=28795&date=25.10.2020

Как и в других государствах, этническая сцена Казахстана испытывает значительное влияние со стороны миграционных процессов и реализации национальной политики, которая, начиная с приобретения независимости, смещается в сторону реализации проекта национального возрождения, возврата к значимым событиям и именам досоветского прошлого, формированию обновленной казахской нации путем возвращения на историческую родину этнических казахов, организации рационального расселения оралманов и их адаптации, противостояния негативным воздействиям глобализационных процессов; повышения роли казахского языка во всех сферах общественной жизни, (Практики и места памяти в Казахстане, 2016¹⁰⁰; Каженова, Бадиев, 2017¹⁰¹; Старостенко, 2019¹⁰²). Важным инструментом государственной политики в сфере межэтнических отношений является Ассамблея народов Казахстана (АНК), созданная по инициативе Н.А. Назарбаева в 1995 г., чьи функции заключаются в том числе в деполитизации межэтнических отношений, их перевод в этнокультурную плоскость (Алейников, Боровиков, 2013¹⁰³), а также Доктрина национального единства Казахстана, одобренная в 2010 году и провозгласившая признание общей для всех граждан системы ценностей и принципов («Одна страна – одна судьба», «Разное происхождение – равные возможности», «Развитие национального духа»), призванных способствовать осознанию общности судьбы, установлению справедливых и равных отношений, независимо от этнического или иного происхождения, вероисповедания и социального положения, объединяющего и укрепляющего начала в казахском общества (Доктрина национального единства, 2010¹⁰⁴).

Итоги национальной политики Казахстана наглядно отражены в актуальной статистике. Самой быстрорастущей этнической группой являются казахи: только за последние пять лет их количество в структуре населения выросло на 9,2% и составило на начало 2020 года 68,5%. Больше всего казахов проживают в южных и юго-западных областях республики – Кызылординской (96,3%), Атырауской (92,7%), Мангистауской

¹⁰⁰ Практики и места памяти в Казахстане (структурно-типологический обзор) / Медеуова К.А., Ермаганбетова К., Кикимбаев М., Мельников Д., Наурызбаева З., Рамазанова А., Сандыбаева У., Толгамбаева Д., Тлепберген А. Астана: ТОО Мастер По, 2016. - 73 с.

¹⁰¹ Каженова Г. Т., Бадиев А. М. Основные направления миграционной политики Казахстана по оказанию помощи иммигрантам // «Уалихановские чтения – 21» сборник материалов международной научно-практической конференции. Казахстан, Кокшетау, 2017. Т.1. – С. 121-125.

¹⁰² Старостенко К. В. Формирование национальной идентичности современного Казахстана: основные направления и проблемы // Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своём и родном. – 2019. – С. 30-36.

¹⁰³ Алейников М. В., Боровиков И. Е. Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е годы XX века) // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №. 3 (40).

¹⁰⁴ Доктрина Национального единства Казахстана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158#pos=5;-106

(91,2%), а также Западно-Казахстанской, Актюбинской, Туркестанской, Жамбылской, Алматинской областях, где их численность превышает 70%. Наименее населенными казахами регионами являются Северо-Казахстанская (35,3%), Костанайская (41,2%), Акмолинская (51,8%), Карагандинская (52,4%) и Павлодарская (53,1%) области (рисунок 15).

Кроме казахов, существенно выросло количество узбеков (с 0,1% до 3,2%, только по официальным данным их численность выросла на 56,4 тыс. чел.) и азербайджанцев (с 0,1% до 0,6%, на 9 тыс. чел.), курдов (на 3,2 тыс. человек), корейцев (с 0,1% до 0,6% - на 1,4 тыс. чел.) и башкир (с 0,09% до 0,1%, на 200 чел.). Традиционными местами проживания узбеков являются город Шымкент, где узбеки составляют 17,7%, Туркестанская область (17,11%), а также Жамбылская область (2,5%). В этих же областях проживает большинство азербайджанцев, тогда как наибольшая концентрация корейского народа наблюдается в Алматы (34,7 тыс. чел. или 1,8% населения города) и Алматинской области (14,7 тыс. человек), а также в Карагандинской области (12,9 тыс. чел.), эти же регионы населены курдами. Башкиры проживают преимущественно в Жамбылской и Карагандинской областях, где их численность составляет около 4 тыс. человек, а также в Акмолинской, Мангистауской областях и Нур-Султане (более 1,0 тыс. чел.).

Одновременно с этим, в последние годы в Казахстане неизменно снижается доля европейских этносов. Русские по-прежнему в большом количестве проживают в двух регионах Казахстана (Северо-Казахстанской и Костанайской области), занимают значительную долю (более 30% населения) еще в пяти регионах страны – Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Карагандинской и Акмолинской областях, а также в Алматы, однако их численность резко сокращается: только за последние пять лет русских стало меньше на 18,3%, в актуальной этнической структуре они занимают 18,9% (в 2016 году – 37,1%), что явно указывает на неудовлетворительное положение русского и русскоязычного населения в Казахстане, наличие межэтнической отчужденности между казахами и русскими, происходящими несмотря на официально декларируемую политику межэтнической толерантности и национального единства народов, о чем неоднократно писали российские и казахские исследователи национальной политики и межэтнических отношений (Андреев, 2009¹⁰⁵, Бейсембаев, 2015¹⁰⁶; Бектурганова, 2017¹⁰⁷; Старостенко, 2019¹⁰⁸).

¹⁰⁵ Андреев А. А. Национальная политика республики Казахстан в период становления российско-казахстанских отношений 1990-1995 гг //Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2009. – №. 2.

¹⁰⁶ Бейсембаев С. Феномен казахского национализма в контексте современной политики: от отрицания к пониманию – Программа для молодых

Украинцы, которые в начале 1990-х годов были третьим по численности этносом в Казахстане, сейчас занимают четвертую строчку (уступая казахам, русским и узбекам). На начало 2020 года доля украинцев составила 1,4%, их численность выросла на 1,1%, что объясняется прежде всего неблагоприятной обстановкой в самой Украине. Снижается численность белорусов (за пять лет на 4,5 тыс. человек, хотя в общей структуре их доля несколько увеличилась), немцев (на 5,7 тыс. человек), поляков (на 2,2 тыс. человек), а также тюркоязычных татар (на 2,4 тыс. чел.).

Основной религией, исповедуемой в Казахстане, является ислам (70,2% по данным переписи населения 2009 года), второй по численности верующих религией является христианство (4,2 млн. человек или 26,2% по данным за 2009 год¹⁰⁹). За первые десятилетия независимости существенно возросла численность религиозных объединений – от 671 в 1991 году до свыше 4200 в 2009 году, увеличилось количество мечетей, церквей, молитвенных домов, которых в стране насчитывается более трех тысяч. Начиная с 2003 года проводятся съезды лидеров мировых и традиционных религий, в которых принимают участие религиозные деятели и представители различных конфессий (Доктрина национального единства, 2010). Таким образом, Казахстан представляет собой полиэтнической и поликонфессиональное общество с артикулированной национальной политикой и разнообразными правовыми и практическими инструментами ее осуществления. Межнациональные отношения в государстве испытывают влияние как со стороны внутренних факторов и условий, опосредованных политическим контекстом, так и со стороны внешних вызовов и угроз, определяемых глобальными событиями.

Таблица 2 – Изменения в национальном составе Республики Казахстан, наиболее крупные этносы, 2016-2020 гг., %.

Национальности	2016	2020	Различия в долях населения 2016-2020
Казахи	59,3	68,5	9,2
Русские	37,1	18,9	-18,3
Узбеки	0,1	3,2	3,1
Уйгуры	0,1	1,5	1,4
Украинцы	0,3	1,4	1,1
Татары	1,2	1,1	-0,1

исследователей в области публичной политики Фонда Сорос-Казахстан, 2015.

¹⁰⁷ Бектурганова Б. Русские и казахи: почему возрастает межэтническая отчужденность? // URL: <http://www.contur.kz/node/3169>

¹⁰⁸ Старостенко К. В. Формирование национальной идентичности современного Казахстана: основные направления и проблемы // Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своём и родном. – 2019. – С. 30-36.

¹⁰⁹ Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=WC16200032705>

Немцы	1,0	0,9	-0,01
Азербайджанцы	0,1	0,6	0,5
Корейцы	0,1	0,6	0,5
Белорусы	0,1	0,3	0,2
Чеченцы	0,1	0,2	0,1
Башкиры	0,09	0,1	0,1
Другие	0,4	2,7	2,3

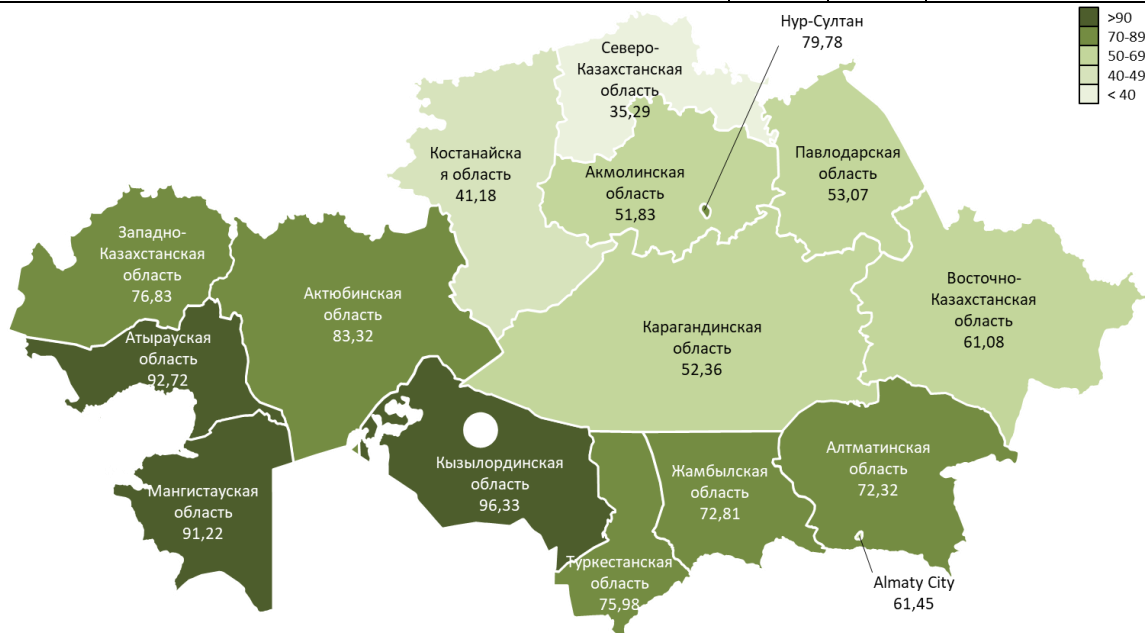

Рисунок 15 – Доля казахского населения в численности населения Казахстана. Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, начало 2020 года. *Источник:* Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, начало 2020 года (рассчитано и визуализировано авторами).

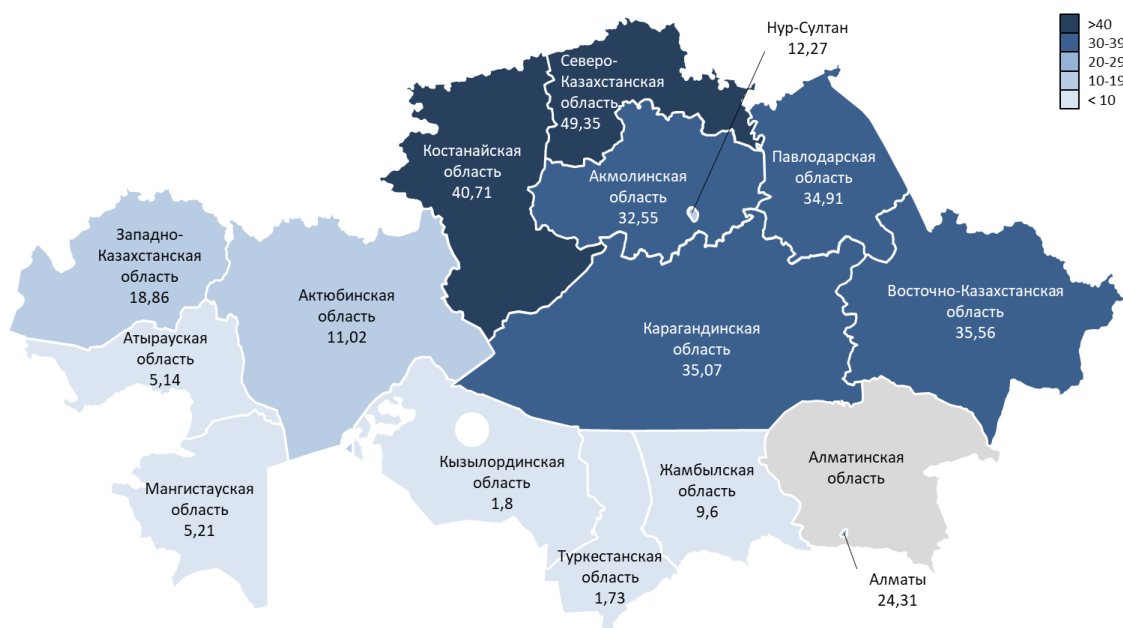

Рисунок 16 – Доля русского населения в численности населения Казахстана. *Источник:* Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, начало 2020 года (рассчитано и визуализировано авторами).

Этническая мозаика Кыргызской республики складывается из различных по численности, типу и времени проживания народов и народностей, которые, в общем можно разделить на три группы в зависимости от времени и исторических обстоятельств их появления на ее территории:

Народы, которые традиционно проживали в Киргизии и на более обширной территории бывшего Туркестана: кыргызы, казахи, узбеки и таджики, а также уйгуры, дунгане и калмыки из китайского Туркестана.

Народы, которые прибыли на волне царской колонизации и переселений в начале Советского периода, а также эвакуированные во время Второй мировой войны с территорий, оккупированных немцами: русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи, тюркские и финно-угорские народы (татары, башкиры, чуваша, мордва).

Народы, депортированные в Среднюю Азию до и во время Второй мировой войны с Дальнего Востока и Южного Поволжья, Каспийского побережья и Кавказа: корейцы, немцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, курды, азербайджанцы, а также и другие этнические группы, депортированные в Среднюю Азию с Закавказья в 1940-е годы (Хауг, 2004¹¹⁰).

По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики за 2020 год, в стране, население которой составляет около 6,5 млн человек, проживает более двадцати крупных этносов, среди которых наиболее многочисленными являются кыргызы (4,8 млн чел. или 73,6% населения), узбеки (964,4 тыс. чел., 14,8%), русские (345,0 тыс. чел., 5,3%), дунгане (74,0 тыс. чел. или 1,1%), уйгуры (59,4 тыс. чел., 0,9%), таджики (57,6 тыс. чел., 0,95), турки (44,8 тыс. чел., 0,68%), казахи (36,4 тыс. чел., 0,56%), татары (26,7 тыс. чел., 0,41%), азербайджанцы (21,1 тыс. чел., 0,32%) и корейцы (17,1 тыс. чел., 0,26%).

Изменения в национальном составе, происходящие в настоящее время, являются отголосками и прямыми следствиями острых противоречий в межнациональных отношениях, наблюдающихся в 1990-е годы, когда Кыргызстан, как и другие государства на постсоветском пространстве, стал выстраивать свою независимую национальную политику, в значительной степени ориентированную на «привитие» новой идентичности, в том числе посредством интенсивной дерусификации и национализации «топонимики», отражения маркеров идентичности кочевых народов в государственной символике,

¹¹⁰ Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // Население Кыргызстана/ Под ред. З. Кудабаява, М. Гийо, М. Денисенко - Б.: 2004. С.109-157).

возрождения народного эпоса (Ситнянский, 1998¹¹¹; Молодов, 2014¹¹²). Временные статистические ряды весьма ярко отражают указанные тенденции. За последние 10 лет население Кыргызстана по официальным данным увеличилось на 19,1% (более, чем на 1 млн. человек), при этом на 22,3% выросла численность титульного этноса – кыргызов (на 875,6 тыс. чел.), на 22,7% - узбеков (на 178,4 тыс. чел.), на 23,3% – дунган (на 14,0 тыс. чел.), на 21,7% - таджиков (на 10,3 тыс. чел.), на 18,7% – азербайджанцев (на 3,3 тыс. чел.), на 10-13% - казахов и турок. Одновременно с этим, европейские этносы испытывают неуклонные потери: русское население, большая часть которого уехала еще в 1990-е годы, по сравнению с 2011 годом сократилось еще на 12,6% (уехали 49,7 тыс. человек), на 9,8% сократились сообщества татар (на 2,9 тыс. человек), украинцев (-46,1% или 8,5 тыс. человек), белорусов (-35,2%, 418 чел.), молдаван (-20,3%, 92 чел.), немцев (-9,5% или 856 чел.), евреев (-17,4%, 94 чел.), сокращается численность чеченцев, армян, грузин. Исследователи отмечают приход к власти после «революции» 2005 г. и особенно с «революции» 2010 г. националистически настроенных политических лидеров, распространенность националистических настроений, намеренное расширение сферы применения титульного языка и «выдавливание» русского языка из основных сфер его употребления, несмотря на особый статус, что провоцирует новые волны миграции русскоязычной диаспоры (Шульга, 2018¹¹³). Национальный состав населения современного Кыргызстана также позволяет выявить некоторые закономерности расселения титульной нации и этнических меньшинств. Среди семи областей страны кыргызы абсолютно преобладают в трёх северных, где их доля достигает 90 и более процентов. Русское население преимущественно сосредоточено в г. Бишкеке, столице государства (23%), и Чуйской области, окружающей крупнейший город страны (21%). Наибольшей спецификой национального состава отличаются г. Ош и Ошская область, расположенные в Южном регионе Кыргызстана, где значительную часть жителей составляют узбеки (Нурдинова, 2011¹¹⁴; Молодов, 2014¹¹⁵).

Подавляющее число верующих (82,7%) в Кыргызской Республике – мусульмане. К христианам относит себя 16% верующих: русские традиционно исповедуют православие, немцы делятся на католиков и лютеран. Протестантские движения (баптисты,

¹¹¹ Ситнянский Г. Киргизия: национальные проблемы, внутренние и внешние //Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №. 15.

¹¹² Молодов О. Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана //Социум и власть. – 2014. – №. 6 (50).

¹¹³ Шульга Е. П. Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности " мягкой силы" в Средней Азии //Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8. – №. 6. – С. 54-60.

¹¹⁴ Нурдинова Ж. Этническая и гражданская идентификация в Кыргызстане //Адам лемі-Мир человека. – 2011. – №. 2. – С. 48.

¹¹⁵ Молодов О. Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана //Социум и власть. – 2014. – №. 6 (50).

пятидесятники, адвентисты) включают как русскоязычное население, так и киргизов. Либеральное законодательство сделало республику одной из наиболее благоприятных стран для деятельности разнообразных религиозных организаций, привлекло миссионеров со всего мира. В Кыргызстане действуют учебные центры различных направлений христианства, проявляют активность многие новые религиозные организации (Крылов, 2006¹¹⁶). По данным за 2019 год, в стране зарегистрировано более 3300 религиозных организаций, среди которых более 2900 являются мусульманскими, 404 – представляют христианство, по одной организации – иудаизм и буддизм – 12 организаций – новые религиозные течения и верования¹¹⁷.

Таблица 3 – Динамика численности основных этносов в национальном составе Республики Кыргызстан (2011-2020 годы). Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики.

Наименование показателей	2011	2015	2020
Все население	5 477 620	5 895 062	6 523 529
в том числе:			
Кыргызы	3 928 796	4 292 062	4 804 369
Узбеки	785 977	856 987	964 379
Русские	394 680	364 571	344 950
Дунгане	59 994	66 140	73 977
Уйгуры	49 721	53 525	59 367
Таджики	47 325	51 411	57 612
Турки	39 534	41 556	44 773
Казахи	32 900	34 122	36 396
Татары	29 639	27 688	26 732
Азербайджанцы	17 823	19 309	21 153
Корейцы	16 938	16 828	17 124
Украинцы	18 433	13 501	9 943
Немцы	9 035	8 453	8 179
Туркмены	2 028	2 116	2 150
Чеченцы	1 784	1 701	1 707
Армяне	834	797	788
Белорусы	1 186	978	768
Грузины	583	582	574
Евреи	539	486	445
Молдаване	453	393	361
Литовцы	137	152	148
Эстонцы	101	107	95
Латыши	60	86	75
Другие национальности	39 120	41 511	47 464

¹¹⁶ Крылов А. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана //Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №. 6 (48).

¹¹⁷ Кыргызстан в цифрах. Число религиозных объединений и организаций, зарегистрированных на территории Кыргызской Республики. По данным Государственной комиссии по делам религий при Президенте Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-kyrgyzstan-v-cifrah/>

Население Монголии также представляет собой достаточно пестрый этнический ковер, сотканный в результате интенсивных процессов этнических, культурных и религиозных взаимодействий, протекавших в данном центральноазиатском регионе на протяжении многих столетий. Возрастание геополитического значения Монголии в XXI веке привело к увеличению внимания к Монголии со стороны дипломатов и политиков разных стран, в том числе обусловленных возрастанием значения этнических и религиозных процессов в приграничных с Россией регионах (Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017¹¹⁸).

По данным переписи населения и домашних хозяйств, проведенной в 2020 году, в Монголии проживают 3 млн 175 тыс. человек. И хотя более 96% населения представлено монгольскими народами, говорить об этнической однородности вряд ли правомерно, поскольку по факту речь идет о нескольких десятках родственных народов и этносов, которые, тем не менее, имеют свои особые этническую идентификацию и этнические маркеры, проявляющиеся в наличии особых этнонимов, языковой специфике, своеобразии фольклорного творчества и других этнокультурных практиках (Бакаева, 2008¹¹⁹; Батырева, 2019¹²⁰; Рассадин, Трофимова, Болд, 2015¹²¹).

Наиболее многочисленной этнической группой Монголии являются халха-монголы (2,7 млн человек, 83,8%), относящиеся к восточной монгольской группе. Халхи проживают во всех аймаках Монголии, но наиболее густо они расселены в её центральных, восточных и южных регионах. Среди других восточномонгольских этносов наиболее многочисленными являются дариганга (36,4 тыс. чел.), урянхайцы (29,0 тыс. чел.), дархаты (24,5 тыс. чел.) и уулды (14,7 тыс. человек), хотогойты (8,6 тыс. человек), сартулы (2,0 тыс. чел.), элджигины (1,0 тыс. чел.). Западные монгольские народы (ойраты) в наибольшей степени представлены дербетами (дербенами) (83,7 тыс. чел., 2,6% от всего населения), баятами (63,7 тыс. чел., 2,0%), захчинами (37,4 тыс. чел., 1,2%), а также торгутами, хотонами, мянгатами, хошутами и чантуу, чья численность варьирует от 15,5 тыс. человек (торгуты) до чуть более двух сотен (чантуу). Из северных монгол самыми многочисленными являются буряты (43,7 тыс. человек – 1,4%), из южных – баргуты (2,8

¹¹⁸ Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г // Народы и религии Евразии. – 2017. – №. 1-2 (10-11).

¹¹⁹ Бакаева Э. П. «Цараг» и «тооку» как этноспецифические элементы материальной культуры торгутов Монголии (к проблеме определения статуса ойратов в типологии этнических общностей) // Oriental Studies. – 2008. – №. 3.

¹²⁰ Батырева С. Г. Меандр "зег" в декоре войлока как отображение мировидения калмыков и ойратов Монголии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – №. 36.

¹²¹ Рассадин В. И., Трофимова С. М., Болд Л. Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии. – Palmarium Academic Publishing, 2015.

тыс. человек) и узумчины (2,3 тыс. человек), количество харачин – около полутора сотен человек (таблица 4). Из числа этнических меньшинств наиболее многочисленными являются казахи, которых, по данным последней переписи, в Казахстане проживает более 120,0 тыс. человек (3,8% населения), а также тувинцы (более 2,3 тыс. человек), чья идентичность и самосознание формировалась в результате сложного этнического взаимодействия тюркских и монгольских племен (Анайбан, Хургул-Оолович 2013¹²²). Другие этнические группы достаточно малочисленны, всего чуть более 4,0 тыс. человек. В Монголии постоянно проживают около 2,0 тыс. российских граждан, большинство – в столице Монголии Улан-Баторе (1,3 тыс. чел.), что составляет более 10% всех иностранных граждан, проживающих в стране¹²³.

Динамика этнического состава показывает увеличение численности практически всех этносов и субэтносов, что во многом связано с особенностями демографических процессов и сохранением механизмов естественного воспроизводства. За десять лет население увеличилось на 543,4 тыс. человек, при этом на 491,8 тыс. выросла численность халха-монголов, на 19,5 тыс. – казахов, на 11,3 тыс. – дербетов, на 9,0 тыс. чел. – дариганга, на 7,2 тыс. чел – баятов, на 2-4,5 тыс. чел. – баятов, захчинов и дархатов. Сокращения в большей степени коснулись хотогойтов (-6,9 тыс. человек), тувинцев (-2,8 тыс. человек), бурят (-1,4 тыс. человек), чему в немалой степени способствовали нетрадиционные (то есть не связанные с традиционным кочевым образом жизни) миграционные процессы, определяемые социально-экономическими, инфраструктурными и культурными факторами. Отличительная черта миграционных процессов Монголии – устремление мигрантов в развивающуюся приграничную российскую зону (Гончиков и др., 2019¹²⁴).

В Монголии довольно широко распространились все мировые религии. Основными традиционными религиями были буддизм для халха-монголов, ислам для казахов, однако нетрадиционные религии начинают приобретать все большее значение. Этноконфессиональная ситуация быстро изменяется, снижается влияние буддизма, повышается влияние других религий, в частности христианства. По свидетельству С. Цэдэндамба, «оно динамично распространяется по всей стране, за короткий срок появились тысячи верующих и последователей, во всех аймаках и городах создаются его

¹²² Анайбан З. В., Хургул-Оолович М. М. Происхождение тувинцев. История вопроса //Новые исследования Тувы. – 2013. – №. 3 (19).

¹²³ Буян-Эрдэнэ М. Русские в Монголии: история и современность. URL: <https://regnum.ru/news/society/2469529.html>

¹²⁴ Гончиков Ц. Д. и др. Пространственно-временные аспекты миграции населения в приграничных районах Монгольского плато (на примере Бурятии и Монголии) //Успехи современного естествознания. – 2019. – №. 4. – С. 43-50.

представительства, в отношении определенных возрастных групп оно достигло конкуренции с буддийской». Хотя сегодня этнорелигиозная картина страны выглядит весьма пестрой, в сельской местности этнорелигиозный ландшафт совсем иной, нежели в городской. В общем идет сильная конкуренция между традиционными и нетрадиционными религиями (Цэдэв, Адууч, 2019¹²⁵). По данным переписи 2020 года, доля населения, исповедующего какую-либо религию, составила 59,4%, тогда как 40,6% населения считали себя неверующими. Среди верующих 87,1% – буддисты, 5,4% – мусульмане, 2,2% – христиане, 4,2% – относят себя к шаманистам, 1,1% - к другим религиям и верованиям (рисунок 17). Несмотря на то, что буддизм является религией большинства, среди верующей молодежи 15-19 лет преобладают христиане и мусульмане. По объективным причинам религиозные верования серьезно различаются и по этническим группам: так, среди казахского населения Монголии верующими являются 84,7%, из них 81,9% – мусульмане.

Таблица 4 – Национальный состав Монголии, сравнительные данные за 2010 и 2020 гг.
(Источник: 2020 Population and housing census of Mongolia¹²⁶)

Национальности	2010		2020	
	Количество человек	Доля в населении	Количество человек	Доля в населении
Всего	2 631 117	100	3 174 565	100
Халха-монголы, халхи	2 168 141	82,4	2 659 985	83,8
Казахи	101 526	3,9	120 999	3,8
Дербеты (дербены)	72 403	2,8	83 719	2,6
Баяты	56 573	2,2	63 775	2
Буряты	45087	1,7	43 661	1,4
Захчины	32 845	1,2	37 407	1,2
Дариганга	27 412	1	36 419	1,1
Урянхэйцы	26 654	1	29 021	0,9
Дархаты	21 558	0,8	24 549	0,8
Торгуты	14 176	0,5	15 596	0,5
Уулды	15 520	0,6	14 666	0,5
Хотоны	11 304	0,4	12 057	0,4
Хотогойты	15 460	0,6	8 583	0,3
Мянгаты	6 592	0,3	8 125	0,3
Баргуты	2 989	0,1	2 832	0,1
Тувинцы	5 169	0,2	2 354	0,1
Узумчины	2 577	0,1	2 308	0,1
Сартулы	1 286	0	2 023	0,1
Элджигины	1 340	0,1	1 034	0
Хамниганы	537	0	384	0
Хошуты	-	-	382	0
Цаатаны (Духа)	282	0	208	0
Узбеки (Чантуу)	260	0	202	0
Харачины	152	0	154	0

¹²⁵ Цэдэв Н. Х., Адууч Д. Об этноконфессиональной ситуации в Монголии //Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы. – 2019. – №. 1.

¹²⁶ 2020 Population and housing census of Mongolia. URL: https://1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Census2020_Mongolia_Eng.pdf&ln=En#:~:text=The%20population%20of%20Mongolia%20was,growth%20over%20the%20last%20decade.

Другое	601	0	143	0
Чахары	132	0	-	-
Другие национальности	541	0	3 979	0,1

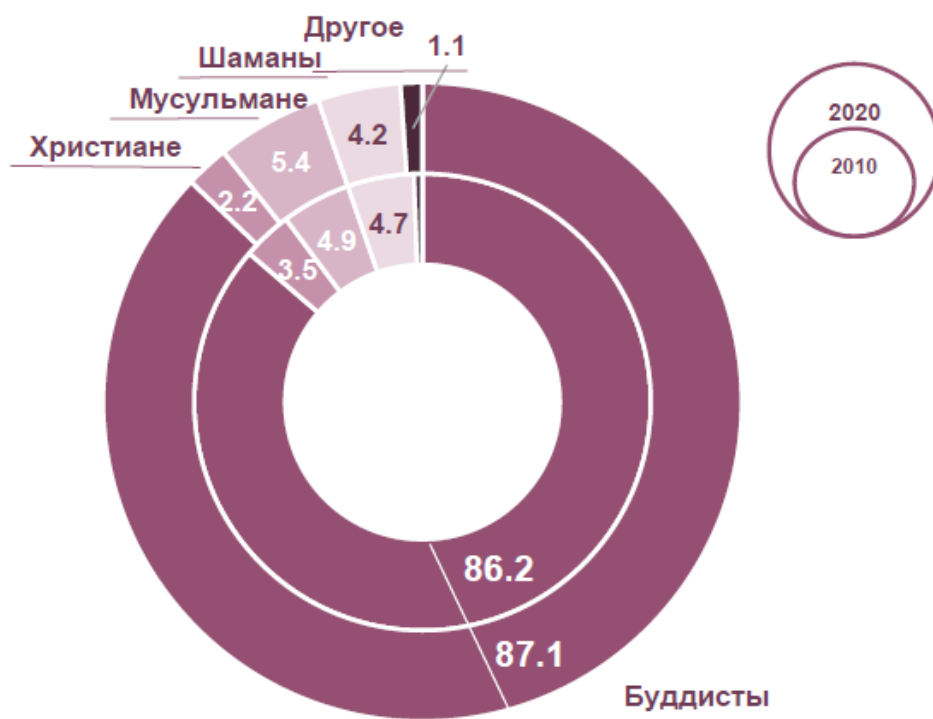

Рисунок 17 – Вероисповедание населения Монголии в 2010 и 2020 гг. (по результатам переписей населения). Источник: Population and housing census of Mongolia

Кратко представив характеристики этноконфессиональной ситуации в четырех странах исследования, перейдем к рассмотрению результатов экспертного опроса по соответствующим вопросам данного блока.

Прежде всего нас интересовало, насколько сюжеты, связанные с этничностью и вероисповеданием, являются актуальными для населения в настоящий момент, какова степень остроты «национального» и «религиозного» вопросов в четырех странах. При этом речь не шла об определенной модальности, важно было оценить общую прикованность внимания к данной тематике, что могло указывать как на негативный контекст и наличие конфликтных взаимодействий, так и на положительное развитие межэтнических и межрелигиозных отношений в обществе. Эту модальность нам предстояло выявить ниже, на основе отдельных шкал и соответствующих им индикаторов.

В целом, нужно отметить, что вопросы этнокультурных и межконфессиональных взаимодействий во всех странах являются весьма актуальными, о чем свидетельствуют как средние значения, так и кумулятивные частоты. При этом взаимосвязь между ними не столь однозначна, что в значительной степени определяется этноконфессиональным ландшафтом: в России и Казахстане в силу наличия значительного количества различных

этнических групп, различающихся не только по типу их происхождения, но и по исповедуемой религии, она довольно сильная, то есть внимание к этносам так или иначе всегда сопряжено и с вопросами о религии, приверженцами которых являются их представители (коэффициенты корреляции Спирмена между двумя показателями $> 0,7$, $p < 0,01$), тогда как в Кыргызстане и Монголии эта взаимосвязь существенно слабее (коэффициенты чуть выше 0,5 при идентичном уровне значимости), что отчасти связано как с распределением количества верующих и конфессий в обществе (так, для большинства живущих в Киргизии наиболее значимой религией является ислам, для монголов – буддизм) (рисунки 18-21), так и особенностями самой религии, теми ее доктринальными положениями и постулатами веры, которые касаются взаимоотношений с другими иноверцами. В частности, хорошо известно, что буддизм приветствует религиозное разнообразие, которое помогает каждому выбрать собственный путь для просветления и удовлетворение собственных духовных потребностей.

Конкретизация экспертных оценок по распределению кумулятивных частот позволяет выделить четыре условных паттерна: к первому относится Россия, в которой довольно средний уровень внимания к вопросам этносов и религий (56-58% средних оценок) сочетается с достаточно распространенным пренебрежительным отношением (28-34% - низких оценок и, по сути, ограниченным количеством лиц, которые уделяют этим вопросам большое внимание (только 8,4% опрошенных дали высокие оценки по показателю, характеризующему национальности и 15,7% – религиозные отношения).

Казахский паттерн оценок был практически идентичен для двух случаев: более 60% экспертов оценили уровень внимания населения к этносам и религиям на среднем уровне, от четверти до трети опрошенных дали высокие оценки, что в совокупности дает основания полагать, что этим вопросам в казахском обществе действительно уделяется большое внимание, что подтверждается уровнем низких оценок, которые составили только 5-7%.

Для экспертов из Кыргызстана была характерная довольно высокая поляризация оценок уровня внимания общества к национальному вопросу: количество оценок среднего диапазона было сравнительно невелико (55,6%), тогда как доли высоких и низких оценок практически уравнивали друг друга (20,4% низких и 24,1% - высоких), тогда как в отношении религий ситуация оценивалась крайне позитивно, лучше чем в остальных четырех странах (92,5% оценок среднего и высокого диапазонов и только 7,4 – низкого).

Монгольские эксперты оценивали уровень внимания населения к специфике межнациональных и межконфессиональных взаимодействий как очень высокий – только 6,7% экспертов дали низкие оценки, 53-60% – средние и 33-40% – высокие.

Относительно установок населения на консолидацию и объединения для сохранения народных культур, языков и традиций, эксперты предоставили достаточно разнородные оценки. Российские эксперты, как и во всех предыдущих случаях, представляли скорее пессимистический взгляд на российскую действительность – только 13,3% опрошенных дали высокие оценки по данному показателю, почти половина – оценили ассоциативные устремления граждан в этнокультурной сфере на среднем уровне (49,4%), тогда как более трети (37,3%) – дали низкие оценки. Казахские эксперты в большинстве случаев (60%) – дали сдержанные оценки среднего диапазона, более четверти (26,7%) – считали, что в казахском обществе сильны объединительные движения и силы, сплачивающие этнические общности. Одновременно с этим, низких оценок было довольно мало – всего 12,8%. Оценки кыргызских экспертов были более сходны с российскими, но низких оценок было на 11,4 п.п. меньше, а высоких – почти на столько же больше. Оценки монгольских экспертов были однозначно позитивными: только 13,3% опрошенных поставили низкие баллы выраженности среди монгольского населения стремления защищать свою этнокультурную самобытность, около трети дали средние оценки, тогда как более половины (53,3%) – высокие оценки. Статистически достоверные отличия были получены между Россией и Казахстаном ($p < 0,05$, тест Краскала-Уоллиса), тогда как между остальными парами стран различия были в пределах статистической погрешности и не отличались от случайных отклонений. Средние значения составили 4,8 балла для России, 6,2 балла для Казахстана, 5,4 балла для Кыргызстана и 6,5 балла для Монголии.

Ассоциативные стремления граждан в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений в значительной степени определяются тем, насколько эффективной является деятельность этнокультурных и религиозных организаций по защите интересов представителей конфессий и различных этнических групп, насколько взаимоотношения между населением и этими специфическими организациями основаны на доверии и сплоченности, являются ли формальные и неформальные организации носителями сугубо партикуляристских ценностей и нацелены только на ограниченный круг лиц, или они выступают амбассадорами мира и сотрудничества в поликультурном обществе.

В инструментарий исследования были включены три показателя, измеряющих доверие в интересующей нас сфере: к деятельности национально-культурных некоммерческих организаций, деятельности этнических диаспор и деятельности религиозных организаций.

Прежде всего отметим, что все три типа организаций воспринимались в четырех странах достаточно дифференцированно, что указывало на наличие особых функций и

специфику отношения государства к этническим и религиозным организациям, особенности взаимодействия населения с организациями разной направленности. Так, оценки российских экспертов показывали, что доверие к этнокультурным организациям значительно связано с доверием к диаспорам ($\rho = 0,78$), тогда как отношение к диаспорам, в свою очередь, воспринимается сходно с религиозными организациями ($\rho = 0,77$), то есть мы вновь находим свидетельство того, что национальный вопрос в России имеет ярко выраженный религиозный оттенок. Между доверием к национально-культурным и религиозным организациям, напротив, связь ослабевает ($\rho = 0,61$), что указывает на их различные функции и направления деятельности (рисунок 18). Из всех организаций только национально-культурные НКО, по мнению, экспертов, вызывают у населения хоть доверие (высокие оценки поставили 10,8% экспертов), в целом отношение к таким организациям довольно настороженное, на что указывают значительное количество низких оценок (38,6% в отношении НацКО, 45,1% - диаспор и 43,4% - религиозных организаций).

В казахстанском обществе, как показали ответы экспертов, отношение населения к национально-культурным организациям и диаспорам практически недифференцировано (коэффициент корреляции – 0,83), тогда как оба типа недостаточно сильно связаны религиозными организациями ($\rho = 0,59$ и $\rho = 0,6$). В Кыргызстане доверие ко всем трем типам организаций различно (коэффициенты не превышают 0,57 – взаимосвязь между доверием к этнокультурным организациям и диаспорам). При этом оценки экспертов в двух странах весьма сходны, особенно в отношении этнокультурных организаций (по 17-19% низких и высоких оценок, остальные – в пределах среднего диапазона). В отношении этнических диаспор более доверительное отношение населения наблюдается в Казахстане (22,4% высоких оценок и 14,1% низких¹²⁷), тогда как в Кыргызстане подобным уровнем доверия населения, напротив, обладают религиозные организации. Именно по сравнению с Казахстаном и Кыргызстаном у России наблюдались наиболее значимые отличия по уровню доверия ко всем трем типам организаций (по критерию Краскала-Уоллеса).

Что касается Монголии, то здесь мы видим высокую корреляцию между доверием к национально-культурным и диаспоральным организациям, которые действуют в значительной степени синхронно, тогда как взаимосвязь оценок между этими двумя типами организаций и религиозными, хотя и достаточно высокая ($\rho > 0,6$), указывает на

¹²⁷ Чтоо отчасти объясняется большим присутствием в выборке молодых экспертов, которые значимо выше оценивают уровень доверия населения к религиозным организациям – среднее значение в данной возрастной группе составило 6,5 баллов, по сравнению с экспертами старших возрастов (среднее значение в группе экспертов старше 51 года – 4,9, значимость различий оценивалась по критерию Тьюки, учитывающего разный размер сравниваемых групп, $p < 0,05$).

наличие отличий в отношении населения. Средний уровень доверия по всем трем показателям в данной стране составил 5,6 балла, это очень близко и похоже на показатели Казахстана и Кыргызстана. По кумулятивным частотам было получено следующее распределение: около пятой части оценок имели низкие или, напротив, высокие значения, порядка 40% – оценки среднего диапазона.

Для оценки характера межэтнических отношений, присутствия в них напряженности, выступающей значимой предпосылкой для возникновения межэтнических конфликтов, розни и вражды как крайних проявлений, в инструментарий был включен соответствующий показатель. Примечательно, что в трех из четырех стран, кроме Монголии, он не был взаимосвязан ни с какой другой характеристикой, тогда как среди монгольских экспертов была явной ассоциация со стремлением населения защищать свои этнокультурные интересы ($p = 0,56$).

Наименьший уровень напряженности в межнациональных отношениях наблюдался, согласно экспертным оценкам, в России (среднее значение 4,1 балла, доля высоких оценок – 9,6%, низких – 49,4%) и Монголии (среднее значение 4,0 балла, доля высоких оценок – 13,3%, низких – 53,3%).

В Казахстане наблюдалась ситуация, которую можно условно назвать промежуточной: среднее значение напряженности равнялось 4,5 балла, это ниже, чем среднее по шкале (5,5), доля высоких оценок составила 11,6%. При этом более половины экспертов поставили оценки в диапазоне от 4 до 7 балла, из них 12,8% - поставили 4, и 22,1% - 5 баллов, то есть, все-таки большинство оценок среднего диапазона было сдвинуто к нижнему краю. Между тем, учитывая достаточно высокий процент высоких оценок, к которым можно прибавить те 16,2% экспертов, кто поставил 6 и 7 баллов, можно сделать вывод, по крайней мере, если ни о явном конфликтном противостоянии, но о наличии латентных конфликтов и об обеспокоенности экспертов данными тенденциями.

Что касается Кыргызстана, то здесь противоречия в межэтнической сфере были в большей степени артикулированными: 17,6% экспертов дали высокие оценки уровню напряженности в межнациональных отношениях, тогда как еще 47,1% - дали средние оценки (из них – 25,5% - 6 и 7 баллов). О низком уровне напряженных отношений между различными этносами сообщили 35,3% опрошенных. Вкупе с наличием слабой, но статистически значимой взаимосвязью с доверием к религиозным организациям ($p = 0,32$), полученные данные свидетельствовали о наличии определенных проблем в сфере межнациональных отношений, решением которых кыргызское общество должно заняться в самое ближайшее время для того, чтобы избежать ухудшения ситуации.

В значительной степени эксплицировать ситуацию с напряженностью позволяли экспертные оценки по показателю справедливого распределения благ и возможностей занять достойное место в обществе для различных национальностей.

В целом нужно отметить, что проблема этнического неравенства и дискриминации являлась значимой для всех четырех стран – ни в одной из них не были получены нулевые оценки низкого диапазона, что указывало на наличие нарушений в области прав человека по отношению к различным этническим группам. Более того, мы не получили достаточное количество эмпирических свидетельств, чтобы доказать, что эта проблема более выражена в какой-то стране. Между тем, налицо были по крайней мере некоторые важные тенденции, которые могли бы объяснить оценки по другим показателям.

Наиболее благоприятные оценки были предоставлены экспертами Казахстана, в среднем оценившими данную позицию на 5,9 балла, 31,4% экспертов дали высокие оценки, 20,9% - низкие. Подобный оптимизм был в значительной степени связан с особенностями выборки, которая в Казахстане имела существенный крен в сторону младших возрастов, а именно молодые люди до 35 лет наиболее высоко оценивали уровень справедливости. В данной группе среднее значение составило 7,0 балла, тогда как в старшей группе (51 год и старше) – только 4,5.

На втором месте – Россия и Монголия, где около половины оценок было сконцентрировано в центре шкалы, доля высоких оценок составила 22-29 баллов, а низких – от пятой части (в Монголии) – до четверти (в России). Позиция экспертов Кыргызстана указывала на достаточно тревожную обстановку: только 14,8% опрошенных дали высокие оценки уровню справедливости при распределении различных благ в кыргызском обществе, тогда как о плохом положении дел сообщили – 40,7% экспертов.

В качестве заключительного показателя данного блока в опросе оценивалась выраженность в стране поддержки развития культуры и традиций представителей различных национальностей и конфессий. По количеству высоких экспертных оценок здесь безусловно лидировал Казахстан: 41,9% опрошенных в данной стране дали высокую оценку уровню развития данного направления национальной политики, еще 47,7% экспертов поставили средние оценки, тогда как доля низких оценок составила чуть более 10%.

На втором месте по уровню стимулирования этнокультурной деятельности находилась Монголия: средний балл составил 6,0, 26,7% экспертов высоко оценили результаты поддержки в обществе развития этноконфессиональных культур и традиций, доля низких оценок – 13,3%.

Россия, согласно полученным данным, заняла лишь третью позицию: более четверти экспертов посчитали, что уровень поддержки, оказываемой этнокультурным сообществам и религиозным организациям, является недостаточным, тогда как о высокой поддержке сообщили 24,1%. Таким образом, имелись явные разногласия среди экспертов, которые отличались как уровнем осведомленности и информированности о результатах реализации государственной политики в отношении национальностей, так и ожиданиями такого рода поддержки. Так, нами была отмечена тенденция, что сотрудники учреждений РАН чаще давали низкую оценку, а сотрудники учреждений, работающих в сибирских и дальневосточных регионах – Томске, Новосибирске, Алтайском, Забайкальском краях, Кемерово – высокую, однако подробно ее изучить в рамках данного исследования не представляется возможным.

Эксперты из Кыргызстана, довольно согласовано предоставили оценки, свидетельствующие об ограниченном характере поддержки развития этнических культур и религий: более трети экспертов (31,5%) дали низкую оценку, менее половины (46,3%) – среднюю (из них 26,0% - поставили 4 и 5 баллов, то есть ниже «нормы»), о высокой поддержке сообщили только 22,2% опрошенных.

Таблица 5 – Экспертные оценки характеристик межнациональных отношений и интеграционных процессов в этнокультурной сфере России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии, средние значения и кумулятивные относительные частоты (%).

Показатель	Оценка	Россия	Казахстан	Кыргызстан	Монголия
Стремление защищать права этнических общностей, объединяться в целях сохранения народной культуры, традиций и языков	Среднее значение	4,8	6,2	5,4	6,5
	Низкие оценки (1-3 баллов)	37,3	12,8	25,9	13,3
	Средние оценки (4-7 баллов)	49,4	60,5	50,0	33,3
	Высокие оценки (8-10 баллов)	13,3	26,7	24,1	53,3
Внимание населения к темам этносов, взаимоотношения людей разных национальностей	Среднее значение	4,8	6,4	5,5	6,7
	Низкие оценки (1-3 баллов)	33,7	7,1	20,4	6,7
	Средние оценки (4-7 баллов)	57,8	68,2	55,6	53,3
	Высокие оценки (8-10 баллов)	8,4	24,7	24,1	40,0
Внимание населения к темам религии и религиозности, взаимоотношения людей разных вероисповеданий	Среднее значение	5,1	6,7	6,9	6,1
	Низкие оценки (1-3 баллов)	27,7	4,7	7,4	6,7
	Средние оценки (4-7 баллов)	56,6	63,5	48,1	60,0
	Высокие оценки (8-10 баллов)	15,7	31,8	44,4	33,3
Уровень доверия населения деятельности	Среднее значение	4,4	5,6	5,5	5,5
	Низкие оценки (1-3 баллов)	38,6	17,4	18,9	20,0
	Средние оценки (4-7 баллов)	50,6	65,1	62,3	53,3

национально-культурных некоммерческих организаций	Высокие оценки (8-10 баллов)	10,8	17,4	18,9	26,7
Уровень доверия населения деятельности этнических диаспор	Среднее значение	4,2	5,8	5,3	5,6
	Низкие оценки (1-3 баллов)	45,1	14,1	19,2	20,0
	Средние оценки (4-7 баллов)	46,3	63,5	65,4	60,0
	Высокие оценки (8-10 баллов)	8,5	22,4	15,4	20,0
Уровень доверия населения деятельности религиозных организаций	Среднее значение	4,2	5,6	5,8	5,6
	Низкие оценки (1-3 баллов)	43,4	14,0	20,8	21,4
	Средние оценки (4-7 баллов)	48,2	67,4	56,6	57,1
	Высокие оценки (8-10 баллов)	8,4	18,6	22,6	21,4
Напряженность в межнациональных отношениях	Среднее значение	4,1	4,5	5,0	4,0
	Низкие оценки (1-3 баллов)	49,4	37,2	35,3	53,3
	Средние оценки (4-7 баллов)	41,0	51,2	47,1	33,3
	Высокие оценки (8-10 баллов)	9,6	11,6	17,6	13,3
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	Среднее значение	5,3	5,9	4,7	5,3
	Низкие оценки (1-3 баллов)	25,6	20,9	40,7	21,4
	Средние оценки (4-7 баллов)	52,4	47,7	44,4	50,0
	Высокие оценки (8-10 баллов)	22,0	31,4	14,8	28,6
Поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей и конфессий	Среднее значение	5,5	6,9	5,4	6,0
	Низкие оценки (1-3 баллов)	25,3	10,5	31,5	13,3
	Средние оценки (4-7 баллов)	50,6	47,7	46,3	60,0
	Высокие оценки (8-10 баллов)	24,1	41,9	22,2	26,7

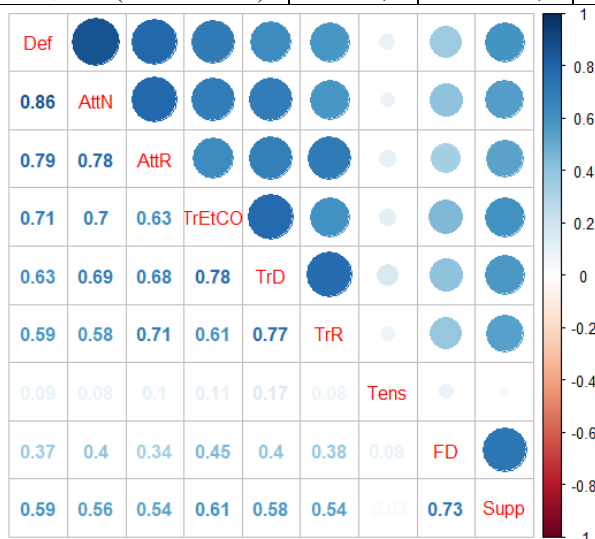

Рисунок 18 – Корреляционные взаимосвязи между характеристиками межэтнических и межконфессиональных отношений (Россия)¹²⁸.

¹²⁸ Здесь и далее на рисунках использованы следующие условные обозначения: "Def - Стремление защищать права этнических общностей, объединяться в целях сохранения народной культуры, традиций и языков», «AttN – Внимание населения к теме взаимоотношений между национальностями», «AttR – Внимание населения к темам религии и религиозности», «TrEtCO – Доверие населения к деятельности

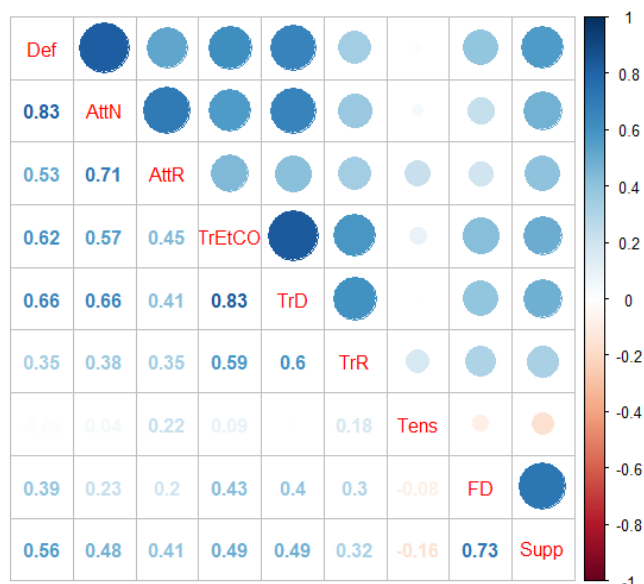

Рисунок 19 – Корреляционные взаимосвязи между характеристиками межэтнических и межконфессиональных отношений (Казахстан).

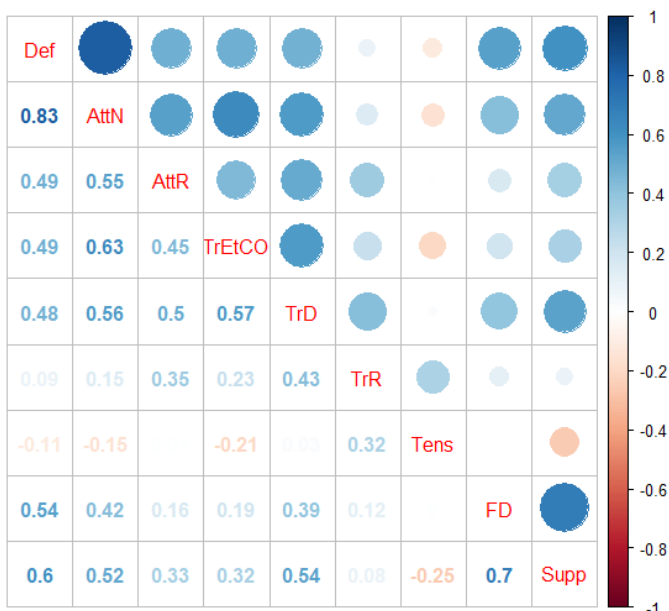

Рисунок 20 – Корреляционные взаимосвязи между характеристиками межэтнических и межконфессиональных отношений (Кыргызстан).

национально-культурных некоммерческих организаций», «TrD – Доверие населения к деятельности этнических диаспор», «TrR – Доверие населения к религиозным организациям», «Tens – Напряженность в межнациональных отношениях», «FD – Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей», «Supp – Поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей и конфессий».

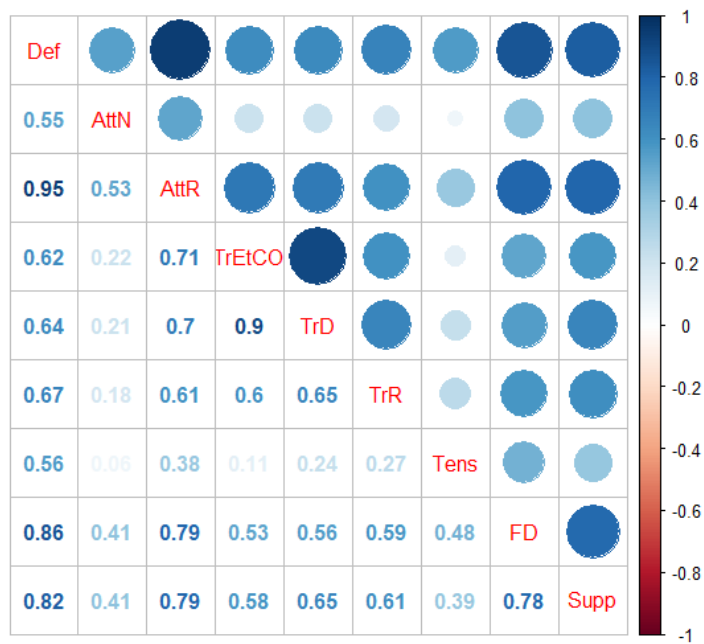

Рисунок 21 – Корреляционные взаимосвязи между характеристиками межэтнических и межконфессиональных отношений (Монголия).

Обобщая основные результаты исследования, изложенные в данном разделе, подчеркнем следующие наиболее значимые выводы:

Вопросы взаимоотношений между представителями различных национальностей и религий находятся на острие общественной повестки во всех четырех странах, при этом в России и Казахстане вопросы этнокультурного взаимодействия имеют ярко выраженный религиозный оттенок, тогда как в Кыргызстане и Монголии эти две сферы в большей степени дифференцированы.

Почти по всем характеристикам сферы межнациональных отношений наиболее благоприятная ситуация была отмечена монгольскими экспертами, которые отмечают не только значительный уровень внимания населения к межэтническим и межконфессиональным взаимодействиям, но и высокий уровень доверия к этнокультурным и религиозным организациям, этническим диаспорам, достаточно высокий уровень поддержки развития этнических культур и религий и низкий уровень напряженности между представителями различных этносов и религий, чему, безусловно, способствует достаточно высокий уровень этнической гомогенности монгольского общества, высокая дисперсность населения, особенно в сельской местности, отсутствие крупных этнических групп, чрезмерно отличающихся в этническом и религиозном плане. Немаловажную роль играет и политика государства, нацеленная на создание условий для сотрудничества всех институтов гражданского общества, в том числе в этнокультурной сфере, а также достаточно либеральное отношение ко всем религиям, которые в условиях

практически повсеместно распространенного буддизма, развиваются в Монголии достаточно гармонично и скорее дополняют, чем соперничают друг с другом.

Состояние межнациональных отношений в Казахстане также характеризуется позитивными тенденциями: эксперты отмечают значительное внимание, которое уделяется вопросам взаимодействия между национальностями и религиями, высокий уровень доверия к диаспоральным организациям, в ответах экспертов подчеркивается, что руководство страны принимают большие усилия по поддержке этнических и религиозных культур. Между тем, нельзя сказать, что все складывается совсем без проблем: согласно полученным данным, в казахском обществе присутствует обеспокоенность уровнем напряженности в отношениях между различными национальностями, в том числе вызванная высоким уровнем этнической поляризации, отмечаемой на основе данных о количестве и расселении этнических групп.

Обстановка в России, по свидетельству опрошенных экспертов, имеет достаточно много проблемных моментов: в оценках прослеживаются явные пессимистические оценки как уровня внимания к национальному и религиозному вопросу, так и вопросы о доверии к этнокультурным и религиозным общественным организациям. Несмотря на это, уровень межэтнической напряженности эксперты оценивают как в достаточной степени низкий, несмотря на в целом невысокий уровень поддержки, который оказывается этническим культурам и конфессиям.

Положение в межэтнической и межконфессиональной сфере Кыргызстана отличается амбивалентностью и противоречивостью. С одной стороны, эксперты указывают на высокий уровень внимания общества к вопросам этноконфессиональных взаимодействий, доверия населения к деятельности организаций национально-культурной направленности, с другой – исследование выявило выраженные риски напряженности в межнациональных отношениях, вызванные в том числе случаями этнической дискриминации, несправедливого распределения общественных благ для всех национальностей.

Таким образом, состояние этноконфессиональной сферы в каждой из четырех стран имеет свои уникальные черты, обусловленные историческими особенностями развития взаимоотношений между этносами и актуальными тенденциями не только этнокультурного, но и социально-экономического развития, определяющими социальное положение различных групп, специфику из социального самочувствия и настроений. Каждая страна следует своей, уникальной траектории развития, накапливая опыт реализации национальных проектов и межнационального сотрудничества. Полученные данные, безусловно, должны быть учтены при планировании дальнейших мероприятий и проектов, в том числе в сфере межрегиональной интеграции в регионе Большого Алтая.

Раздел 5. Развитие сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии

В ходе реализованного экспертного опроса гражданских активистов стран Центральной Азии и Большого Алтая одним из ключевых вопросов было выяснение направлений сотрудничества приграничных территорий, входящих в трансграничные регионы Большого Алтая и стран Центральной Азии, которые являются наиболее значимыми, важными в настоящее время. В качестве альтернативных направлений респондентам было предложено оценить такие как: «развитие экономических отношений, приграничной торговли, товарообмена»; «сотрудничество в сфере осуществления инвестиционных проектов, создания совместных предприятий»; «сотрудничество в области транспорта и связи (развитие инженерно-транспортной инфраструктуры, информационных сетей и т.д.)»; «сотрудничество в области охраны природы, экологической безопасности, туризма»; «сотрудничество в борьбе с трансграничной организованной преступностью и терроризмом, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков; и т.д.»; «сотрудничество в сфере регулирования миграции населения и регулирования рынка труда (ослабление пограничного режима, содействие адаптации мигрантов, борьба с незаконной миграцией и т. д.)»; «сотрудничество в сфере здравоохранения, предоставления медицинских услуг, предотвращения развития болезней и эпидемий, обмен опытом, подготовка медицинских кадров»; «сотрудничество в области образования и науки, разработка и реализация совместных исследовательских программ и проектов, содействие академической мобильности»; «сотрудничество в сфере культуры, духовного развития, сохранения историко-культурного наследия, развития этнических культур»; «сотрудничество в сфере молодежных культурных и образовательных обменов». Каждое из предложенных направлений было оценено на основе четырех-балльной шкалы, от «совсем не значимое направление» до «очень значимое направление».

Далее на основе полученных распределений было рассчитано значение индекса значимости направлений трансграничного сотрудничества для представителей каждой страны – участницы исследования. Индекс рассчитан на основе популярной методики Левада-центра на основе соотношения разницы положительных и отрицательных оценок с суммарными долями всех полученных вариантов ответа по шкале оценивания. Для избегания отрицательных значений индекса полученный результат нормирован и переведен в 200-балльную шкалу (путем умножения на 100 и прибавления числа 100), то есть максимальное значение индекса составило 200 баллов, минимальное – 100 баллов). Результаты среднего значения полученного индекса представлены в таблице 1.

Дополнительно для каждой страны представлены описательные данные в сравнении долей экстремальных (положительных и отрицательных) оценок участников экспертного опроса (рисунки 2 – 5).

Судя по полученным экспертным оценкам, взаимное сотрудничество актуально и остро необходимо всем участникам Центральноазиатского региона, это свидетельствует о необходимости разнонаправленного диалога и выстраивания конструктивных отношений во всех сферах жизнедеятельности трансграничных сообществ. Лишь три направления из предложенные оценены как чуть менее острые и не имеющие повышенную значимость (их отмечали менее половины экспертов как очень значимые) – это совместное регулирование миграционных процессов (38,7% выборов как очень значимого направления), сотрудничество в области здравоохранения и предоставления медицинских услуг (44,9%) и совместное осуществление инвестиционных проектов и создание совместных предприятий.

Несмотря на важность разностороннего развития сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии, можно выделить также три максимально значимых. Среди этих направлений безусловно лидирует экологическое – охрана природы, экологическая безопасность и туризм (69,9%), сотрудничество в сфере культуры и духовного развития (62,8%), а также взаимодействие в области образования и науки (62,8%).

Несколько менее выраженной оказалась значимость таких направлений работы как борьбы с трансграничной преступностью (59,7%), сотрудничество в области транспорта и связи (58,2%), развитие экономических отношений и приграничной торговли (55,8%) и молодежных и культурных обменов (50,7%).

Среди направлений, которые чаще отмечались среди совсем незначимых для трансграничного сотрудничества: совместные инвестиционные проекты (4,6% выборов «совсем не значимо») и сотрудничество в сфере образования и предоставления медицинских услуг (4,2%) (рисунок 1).

Таким образом, полученные экспертные оценки, во-первых, согласуются с ранее выявленными трендами, а во-вторых, отражают современную ситуацию глобализирующегося сообщества. С одной стороны, как уже ранее отмечено, страны Центральноазиатского региона, несмотря на значительные сдвиги социально-экономического развития последних десятилетий, находятся в разных экономических условиях, разных правовых и политических режимах, что снижает, по мнению экспертов, перспективы сотрудничества именно в сферах, сопряженных с научно-техническим развитием, общим развитием экономики и инвестиционными режимами государств. С другой, очевидно понимание экспертами значимости сохранения общей экологии и

охраны природы, поддержания экосистемы приграничных территорий, предотвращении негативных эффектов индустриальной и иной активности человека, способной оказать влияние на природную среду. Экологическая безопасность важна в оценках молодых гражданских активистов не менее общественной, борьба с транснациональной преступностью, к сожалению, до сих пор является острой проблемой трансграничного пространства Центральной Азии и Большого Алтая. Только объединенными усилиями граничащих государств возможно осуществлять профилактику и предотвращение негативных эффектов террористической и иной преступной деятельности. Как направление в области сохранения экологической, так и национальной безопасности являются особым предметом обсуждения на межправительственном уровне, однако в рамках нашего исследования можно выделить еще ряд направлений взаимного сотрудничества, важных, по мнению экспертов, в современных условиях.

Границы большинства современных демократических государств стали прозрачнее в силу усиливающихся трудовых, академических, образовательных, профессиональных и иных миграций населения, культурно-ознакомительных и туристических поездок. Многие сферы жизнедеятельности человека сегодня разворачиваются вне территориальных административных границ, а пронизывают социально-профессиональные, экономические, образовательные и иные группы и институты. Цифровизация, особенно – в период пандемии, внесла свой вклад в усиливающиеся интеграционные процессы, особенно – в онлайн пространстве, сблизила сообщества граждан разных стран. Именно в таких условиях актуализируются интеграционные процессы в области духовного, этнического и культурного самоопределения, образовательных и научных направлений деятельности. Без участия институтов государства в формировании трендов этих отношений дальнейшее их развитие невозможно (или хаотично и непредсказуемо), именно государственные структуры и межгосударственные интеграционные альянсы должны играть в этих процессах ведущие роли, реализуя политику национальных интересов, распространяя культурное и гуманитарное влияние, и, при этом, обеспечивая суверенность и сохранность культурно-специфичного развития.

Рисунок 1 – Экспертные оценки наиболее актуальных направлений трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии, данные по общей выборке четырех стран, %.

Рассмотрим, какие направления деятельности видятся более или менее актуальными участникам исследования из разных стран. Для этого используем значения рассчитанного индекса значимости направлений трансграничного сотрудничества (таблица 1). Итак, обратим внимание, что максимальные значения индекса (200 баллов) по отдельным направлениям взаимодействия были получены только для экспертного сообщества из России, и при этом при построении своеобразной иерархии актуальных направлений выявлены значимые страновые различия.

Для экспертов из России максимально значимыми (200 баллов) стали развитие экономических отношений и приграничной торговли с Центральноазиатскими странами, а также обеспечение экологической безопасности и борьба с трансграничной преступностью, наиболее низкие значения индекса получило такое направление как осуществление инвестиционных проектов (193,88 балла).

Для Казахстана актуальны прежде всего сотрудничество в области образования и науки (198,15 балла), и, в равной мере, регулирование миграционных процессов и рынка труда и развитие взаимных экономических отношений (по 196,3 балла). Самое низкое

значение индекса получило такое направление как сотрудничество в сфере охраны природы и туризм (188,89 балла).

Для Кыргызстана на первом месте – экологическая безопасность и туризм (193,2 балла), на втором – развитие экономических отношений (192,59 балла), на последнем месте по величине индекса – также сотрудничество в сфере здравоохранения (185,45).

Для Монголии максимально приоритетные развитие экономических отношений и образовательное и научное сотрудничество (по 190 баллов), минимально – сотрудничество в области транспорта и связи (171,43 балла).

Таким образом, при сохранении общих трендов, можно отметить, что для россиян большую актуальность представляют вопросы безопасности и экономического развития трансграничной зоны, а для представителей других стран очевидно проявляются иные акценты: для Казахстана таким стал рынок труда и кросс-граничные миграции, для Кыргызстана – экология и туризм, для Монголии важен потенциал образовательного и научного сотрудничества между странами. Отметим также и то, что для экспертов Казахстана и России значения индексов значимости направлений сотрудничества в среднем выше, чем для представителей Кыргызстана и Монголии, что, очевидно, связано с более тесными контактами этих двух стран, как культурно-гуманитарными, так и экономическими, их больше «близостью», интенсивностью в контексте межгосударственных отношений.

Таблица 1 – Средние значения индекса значимости направлений трансграничного сотрудничества, страновые сравнения.

Направление сотрудничества	Россия		Казахстан		Кыргызстан		Монголия	
	Среднее	Стандартная отклонения	Среднее	Стандартная отклонения	Среднее	Стандартная отклонения	Среднее	Стандартная отклонения
Развитие экономических отношений, приграничной торговли, товарообмена	200	0	196,33	26,97	192,59	38,13	190	44,72
Осуществление инвестиционных проектов, создание совместных предприятий	193,88	34,63	192,38	38,47	185,45	52,42	180	61,56
Сотрудничество в области транспорта и связи	198,81	10,91	192,71	36,26	186,96	49,93	171,43	72,63
Охрана природы, экологическая безопасность, туризм	200	0	188,89	46,03	193,22	36,5	180	61,56
Борьба с трансграничной организованной	200	0	192,52	38,12	189,29	45,44	180	61,56

преступностью и терроризмом, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков								
Регулирование миграции населения и регулирование рынка труда	197,98	20,1	196,3	27,09	189,47	45,06	180	61,56
Сотрудничество в сфере здравоохранения, предоставления медицинских услуг	197,96	20,2	190,83	42,03	185,45	52,42	180	61,56
Сотрудничество в области образования и науки	196	28,14	198,15	19,25	189,47	45,06	190	44,72

Далее на рисунках 2 – 5 представим сравнение долей высоких и низких оценок по каждому из направлений сотрудничества в каждой из стран-участниц исследования. Вместе с тем, мы находим подтверждение ранее сделанным выводам, а конфигурации распределений оценок в целом аналогичны.

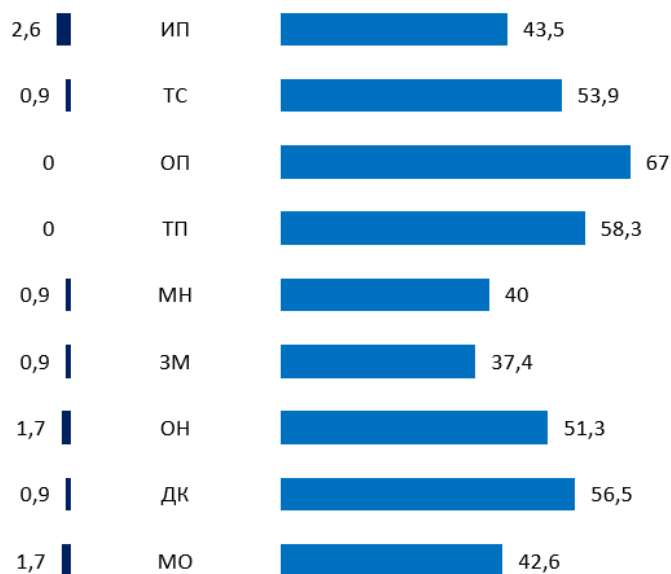

Рисунок 2 – Экспертные оценки (крайне низкие – левые значения, высокие – правые значения) наиболее актуальных направлений трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии, данные по выборке экспертов России, %¹²⁹.

¹²⁹ Здесь и далее в рисунках 2 – 5 использованы следующие аббревиатуры: ИП – «сотрудничество в сфере осуществления инвестиционных проектов, создания совместных предприятий»; ТС – «сотрудничество в области транспорта и связи (развитие инженерно-транспортной инфраструктуры, информационных сетей и т.д.)»; ОП – «сотрудничество в области охраны природы, экологической безопасности, туризма»; ТП – «сотрудничество в борьбе с трансграничной организованной преступностью и терроризмом, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков; и т.д.»; МН – «сотрудничество в сфере регулирования миграции населения и регулирования рынка труда (ослабление пограничного режима, содействие адаптации мигрантов, борьба с незаконной миграцией и т. д.)»; ЗМ – «сотрудничество в сфере здравоохранения,

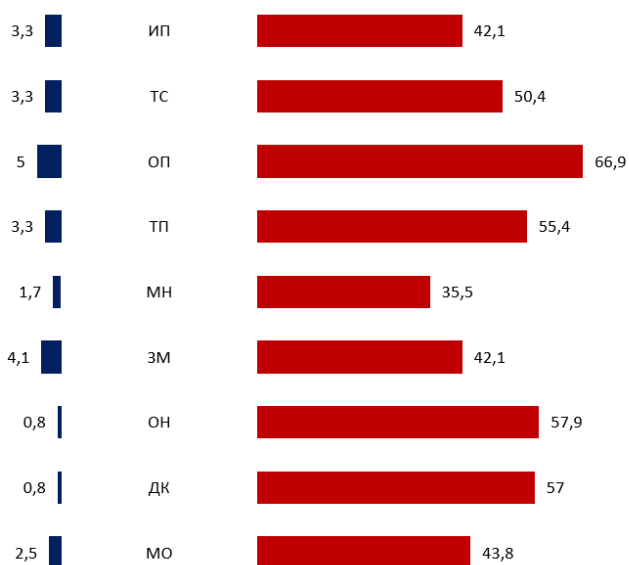

Рисунок 3 – Экспертные оценки (крайне низкие – левые значения, высокие – правые значения) наиболее актуальных направлений трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии, данные по выборке экспертов Казахстана, %.

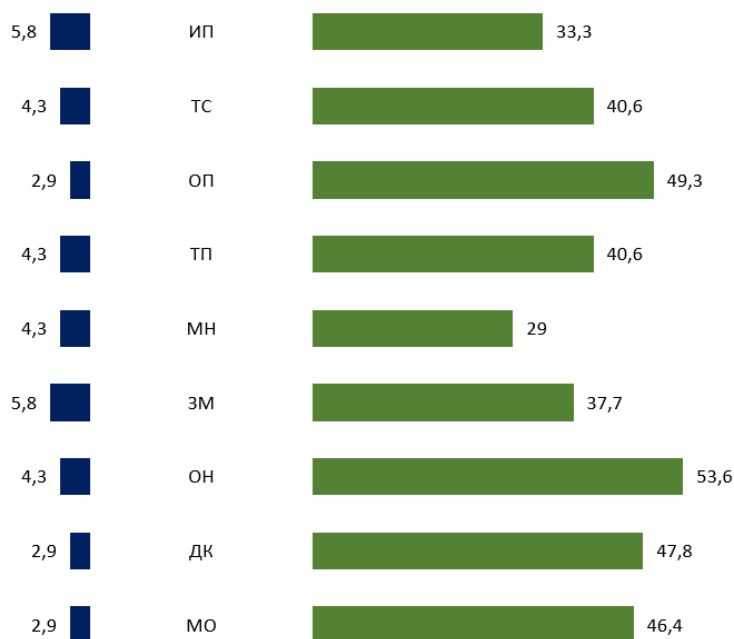

Рисунок 4 – Экспертные оценки (крайне низкие – левые значения, высокие – правые значения) наиболее актуальных направлений трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии, данные по выборке экспертов Кыргызстана, %.

предоставления медицинских услуг, предотвращения развития болезней и эпидемий, обмен опытом, подготовка медицинских кадров»; ОН – «сотрудничество в области образования и науки, разработка и реализация совместных исследовательских программ и проектов, содействие академической мобильности»; ДК – «сотрудничество в сфере культуры, духовного развития, сохранения историко-культурного наследия, развития этнических культур»; МО – «сотрудничество в сфере молодежных культурных и образовательных обменов».

Рисунок 5 – Экспертные оценки (крайне низкие – левые значения, высокие – правые значения) наиболее актуальных направлений трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии, данные по выборке экспертов Монголии, %.

Конечно же, ведущая роль в развитии трансграничного сотрудничества принадлежит, прежде всего, институтам государства, формирующим правовой, экономический и иные контексты взаимоотношений в пространстве регионов Центральной Азии и Большого Алтая, именно они являются ключевыми субъектами такого сотрудничества. Однако народная, публичная демократия и международные связи реализуются и иными инструментами, имеющими немаловажное значение, а управляют этими инструментами представители делового мира, институты гражданского общества, носители научного знания, которое, по своей сути, не имеет границ. Фактуру коммуникаций трансграничья формируют и сами его жители, осуществляя различного рода проекты, реализуя персональные жизненные стратегии в разных сферах, исследователи народов и культур, их общей истории и этнографии.

Кто или что, какие акторы играют ключевую роль в развитии международных связей между странами Большого Алтая и Центральной Азии? Ответ на этот вопрос мы попытались получить у наших экспертов (смотри рисунок б).

Согласно полученным данным, оценки экспертов всех четырех стран в целом схожи, однако выявлены некоторые страновые различия, которые, впрочем, согласуются с выявленными приоритетами трансграничного сотрудничества. Так, например, для России ключевыми акторами взаимодействия в пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая выступают региональные власти и правительственные учреждения (51,3% выборов), при этом существенный вклад вносят туристы и путешественники, продвигающие идеи культурного сотрудничества, знакомящие жителей стран региона с

географией, культурами и обычаями народов, населяющих трансграничные регионы (43,5%), отмечена и роль молодежных и студенческих организаций (35,7%), а также органов местного самоуправления, привлекающих жителей граничащих стран для участия в разнообразных проектах (37,4% выборов).

Около трети экспертов России отмечали то, что сами жители приграничных регионов вносят существенный вклад в миграционный, экономический и культурный обмен между государствами региона (26,6%), заметна и роль образовательных организаций, научных центров и коллабораций (20,9%). Наименее выражена для россиян в этом плане роль некоммерческого сектора, которую отмечали всего 14,8% экспертов, роль учреждений культуры (14,8%) и, в меньшей степени, отдельных исследователей Большого Алтая (6,1%) и представителей коммерческого сектора (3,5%).

Схожим образом отражены и взгляды казахстанских коллег на роль ключевых акторов трансграничного взаимодействия. При этом для жителей Казахстана значимой представляется роль отдельных туристов и путешественников в продвижении идей сотрудничества между граничащими регионами (49,6%), вторую позицию занимают органы власти регионального (38%) и местного уровня (38,8%), третью позицию по оценке роли в сотрудничестве в пространстве трансграничья заняли отдельные гражданские активисты (31,4%), молодежные и студенческие организации (29,8%), а также сами жители Центральноазиатских регионов (28,1%). Довольно скромной выглядит оценка роли учреждений культуры (18,2%), институтов гражданского общества (15,7%) и образовательных, научных центров (13,2%), наименьшее число выборов получила роль отдельных исследователей (9,1%) и представителей бизнес-сектора (8,3%).

В оценках экспертов из Кыргызстана роль туристов и отдельных путешественников в интеграции народов и культур трансграничья представляется еще более весомой, ее выделили более половины информантов – 52,2%, а вот роль муниципалитетов и органов власти регионов и правительственных учреждений куда более скромная (40,6% и 34,8% соответственно). Около трети жителей Кыргызстана отметили активность жителей стран Центральной Азии (27,5%), а самая незначительная роль принадлежит некоммерческим организациям (7,2%) и учреждениям культуры (2,9%).

Если оценки экспертов России, Казахстана и Кыргызстана демонстрируют схожие тенденции и, видимо, отражают реальное положение в кросс-культурных коммуникациях, то эксперты из Монголии подчеркивают особенности сложившихся взаимодействий этой страны с граничащими государствами и особенности внутренней политики страны. Наиболее активны в продвижении идей и практик интеграции в Монголии некоммерческие организации, что отметили 40,9% экспертов этой страны, на второй

позиции – активность молодежных и студенческих объединений (36,4%) и региональной власти и центрального правительства (36,4%). Существенен вклад в трансграничную кооперацию туристов и путешественников (31,8%), образовательных и научных центров (27,3%), а также населения страны (22,7%). Роль органов местного самоуправления отдельных муниципалитетов менее заметна (18,2%), так же, как и представителей коммерческой сферы (13,6%) Хотя, отметим, что для Монголии и Кыргызстана, в отличие от Казахстана и России, роль бизнес-сообщества в выстраивании межстрановых контактов все-таки более важна, такие практики чаще отмечались экспертами, принявшими участие в нашем исследовании. На последних позициях по вкладу в трансграничное сотрудничество в Монголии находятся отдельные гражданские активисты (9,1%) и исследователи (4,5%).

Трансграничное сотрудничество – естественный и ожидаемый процесс. Жители приграничных регионов находятся в процессе естественного, формировавшегося длительные десятилетия и даже столетия взаимодействия, интенсивных семейных, других социальных контактов, деловых и профессиональных коммуникаций. Этот процесс зачастую независим от политических процессов, а сама зона трансграничья всегда была и будет оставаться особым кросс-культурным пространством интенсивных взаимодействий и интеграционных процессов. Как мы видим, в некоторых государствах (например, России и Казахстане) органы государственной власти со всей системой своих институтов интенсивно включаются в такие взаимодействия, следуя внешней политике взаимной интеграции и гуманитарной, культурной, образовательной экспансии, в случае же пассивности государства, его роль начинают замещать неправительственные учреждения, отдельные гражданские активисты и лидеры общественного мнения, что мы видим на примере Кыргызстана и Монголии. Очевидно, как мы ранее уже отмечали, проявляется вклад в наращивание интеграционных процессов усиливающейся мобильности населения, межстранового туризма, которая максимально выражена именно в приграничных территориях, что делает такие поездки (например, в целях этнотуризма, гастрономического, рекреационного туризма и тому подобное) более доступными для широких масс населения. Заметим, что выявленные межстрановые различия не носят случайный характер, а являются статистически значимыми (χ^2 , $p \leq 0,005$).

Рисунок 6 – Ключевые субъекты трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии, страновые сравнения, множественные выборы, %.

Многие исследователи, занимающиеся проблематикой разных аспектов центрально-азиатской интеграции, подчеркивают необходимость консолидации стран этого региона вокруг одного, сильного теми или иными сторонами, партнера. Более того, такой вариант рассматривается как наиболее жизнеспособный в силу разных ресурсных и политических «весов» партнерских стран. И, все-таки, по мнению наших экспертов, какой стране сегодня принадлежит ведущая роль в развитии трансграничного сотрудничества между странами Большого Алтая и Центральной Азии? В данном случае мнения экспертов распределились по двум позициям, первая – с явным преобладанием мнения о лидирующей роли России в выстраивании и формировании интеграционной политики, о чем сообщили более половины опрошенных экспертов (51,9%). Треть экспертов (31,3%) считают, что всем государствам-участникам Центрально-азиатского сотрудничества в равной мере принадлежит ключевая роль в современных коммуникациях между странами.

Роль прочих государств рассматривается экспертами как ничтожно малая: 5,2% экспертов отметили лидирующее положение Казахстана, 2,6% – Китая, 2,2% – Монголии, 1,5% – Кыргызстана, а 5,6% – отметили, что ни одна из стран не может играть определяющей роли в зоне трансграничья (Рисунок 7).

Рисунок 7 – Государство, которому принадлежит лидерство в трансграничном сотрудничестве, %.

Далее на рисунке 8 представлены оценки лидеров трансграничного сотрудничества в Центральной Азии и Большом Алтае, отметим, предваряя описание, что выявленные различия являются значимыми (χ^2 , $p \leq 0,005$).

Выражена лидирующая роль Российской Федерации в международном сотрудничестве для экспертов из России (59,4%) и Кыргызстана (56,9%), эксперты из Казахстана и Монголии, хотя скорее склонны согласиться с такими выводами (43,9% и 38,9% соответственно), однако подчеркивают значение всех государств-партнеров в одинаковой степени (40,8% Казахстана и 38,9% экспертов Монголии). Такую позицию поддержали в России чуть более четверти экспертов (26%), а в Кыргызстане – пятой части экспертов (20,7%).

Итак, лидирующую роль России отметили 59,4% российских участников исследования, Казахстана – 43,9%, Кыргызстана – 56,9%, Монголии – 38,9%.

Отметим, что в Казахстан в качестве государства, играющего определяющую роль в процессах интеграции в регионе Центральной Азии и Большого Алтая, не отметил ни один из экспертов Монголии, однако его ключевое значение отметили 10,2% экспертов Казахстана, 1% – России и 5,2% – Кыргызстана. Китай в качестве лидера отметили только участники опроса из России – 6,3% и Монголии – 5,6% экспертов. Лидирующая роль Монголии отмечена 11,1% экспертами этой страны и 5,2% – представителей Кыргызстана, непосредственно же сам Кыргызстан в этом амплуа отмечен только представителями этого государства – в 6,9% случаев (Рисунок 8).

Очевиден вектор оценок лидерства в трансграничном сотрудничестве: несмотря на различия в экономическом развитии, политических внешних и внутренних процессов в государствах Центральной Азии и Большого Алтая, существенно важно развитие паритетных отношений, даже если одна из стран по некоторым направлениям развития диалога играет ключевую или определяющую роль. Только политика учета взаимных интересов, по мнению экспертов, будет способствовать конструктивному сотрудничеству в решении общих задач, как государственного, так и локального значения. С одной стороны, полученные оценки объективно отражают существующее доминирующее по отдельным направлениям положение России, а, с другой стороны, острую необходимость сотрудничества и готовность выстраивать взаимодействие в условиях равных партнерских взаимодействий суверенных государств.

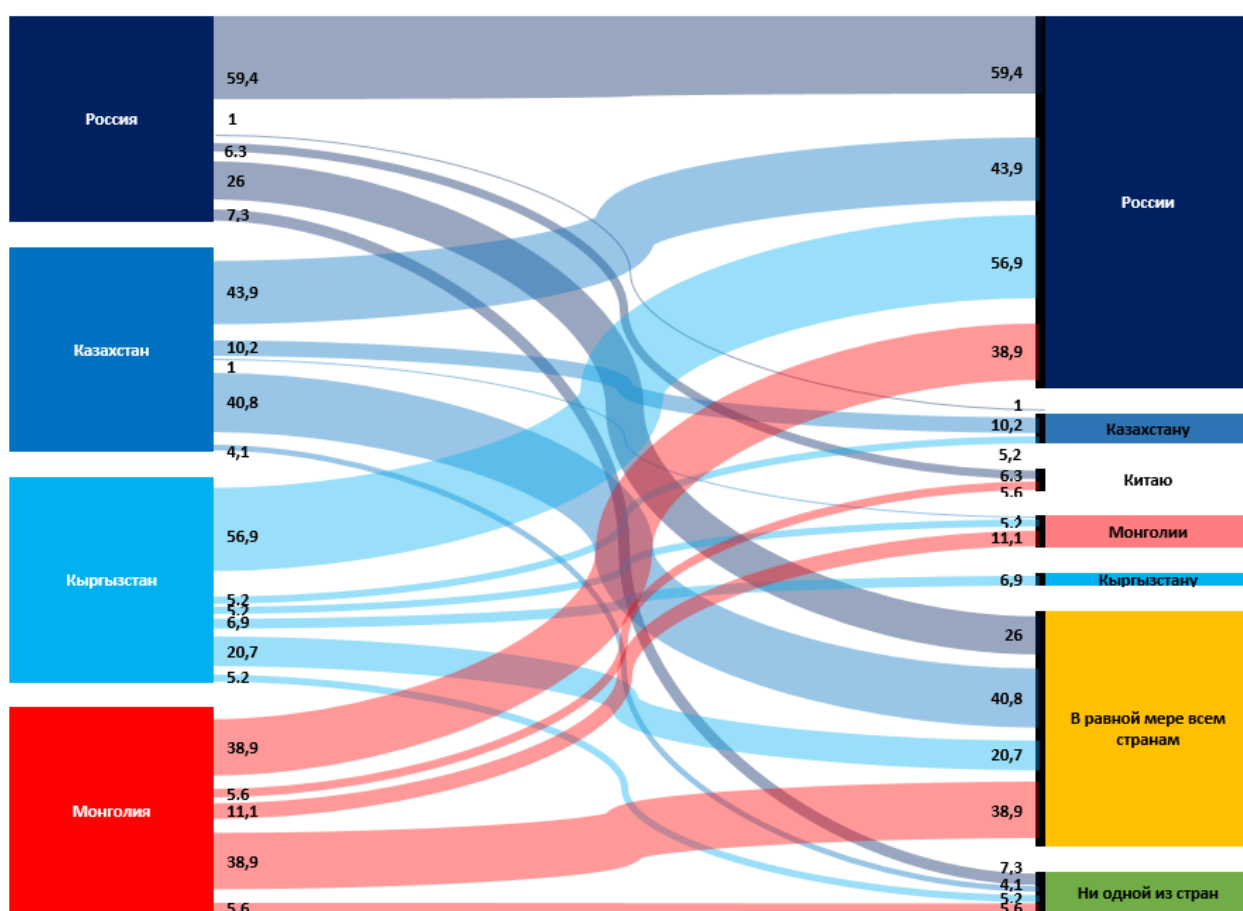

Рисунок 8 – Государство, которому принадлежит лидерство в трансграничном сотрудничестве, страновые сравнения, %.

Раздел 6. Институциональные условия развития трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии

Развитие транснациональных связей не утрачивало своей актуальности с момента распада Советского Союза и образования новых суверенных государств, что подтверждают исторические события, и политическое внимание к Большому Алтаю и развитию совместных коммуникаций в пространстве стран Центральной Азии в разные периоды новейшей истории получало новые импульсы. Насколько сегодня явно выражено стремление к интеграции в разных формах и направлениях? Появляются ли новые проекты и направления взаимодействия, или интерес к развитию данного региона падает? Довольно большие доли экспертов во всех четырех странах затруднились дать оценки актуальной динамике внешнеполитических отношений (рисунок 9).

Вместе с тем, все-таки интерес к транснациональному сотрудничеству скорее растет, появляются новые проекты и идеи коллаборации. Чаще прочих новые векторы в интернациональных коммуникациях отмечали эксперты из Киргизии – 51,7% экспертов и России – 46,5%, интенсификацию взаимных отношений в странах Центральной Азии и Большого Алтая отметили 39,4% экспертов Казахстана. Несколько иная ситуация складывается в Монголии.

Действительно, если страны Центральной Азии, бывшие советские республики в традиционно поддерживают коммуникации внутри трансграничной зоны, то ситуация, складывающаяся в современной Монголии и ее внешней политике, несколько иная. Монголия, находившаяся еще несколько десятилетий назад на периферии международной политики, в последние годы привлекает к себе все больше внимания мировой общественности, политиков, политологов, экономистов, бизнесменов и СМИ¹³⁰.

Эксперты Всемирного банка, Международного валютного фонда, «Frontier Securities» и других международных организаций относят Монголию к числу стран, которые в краткосрочной перспективе будут развиваться наиболее высокими темпами. Повышенный интерес к Монголии в мире обусловлен целым рядом геополитических, стратегических, экономических и других факторов. Страна, занимающая важное стратегическое положение в глубине Внутренней Азии, превращается в арену открытого и скрытого политического и экономического соперничества между Россией, Китаем, США, Японией, ЕС, Великобританией, Канадой, Южной Кореей и др.

¹³⁰ Монгол улсын статистикийн эмхтгэл. Mongolian Statistical Yearbook. 2012. Улаанбаатар, 2013; Монгол улсын статистикийн эмхтгэл. Mongolian Statistical Yearbook. 2012. Улаанбаатар, 2013. С. 269–271; 6. Baatar Ts. Foreign direct investment in Mongolian case // Олон улсын монголч эрдэмтдийн X их хурлын илтгэлүүд. Proceedings of the 10th International Congress of Mongolists. Vol. III. Mongolia's Economy and Politics. Улаанбаатар, 2012. P. 145–148.

До начала 1990-х годов Монголия в течение почти семидесяти лет находилась в орбите сильного, доминирующего влияния Советского Союза. После мирной демократической революции, произошедшей в Монголии в 1990 г., распада СССР, резкого сокращения экономической помощи со стороны России, ухудшения российско-монгольских политических, торгово-экономических, культурных и других связей монгольская экономика оказалась на грани краха. Страна была вынуждена самостоятельно искать пути выживания в сложнейший переходный период.

При поддержке развитых стран (США, Япония, Великобритания, Республика Корея и др.) и международных организаций (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития, Программа развития ООН и др.) Монголия сравнительно быстро преодолела наиболее острые кризисные явления трансформационного периода и стала проводить самостоятельную, открытую, «многоопорную» внешнюю политику. В 1990-е годы позиции России в этой стране существенно ослабли, а позиции США, Китая, Японии, Великобритании, Канады, Германии, Южной Кореи и некоторых других развитых стран, напротив, значительно укрепились.

Современная Монголия – один из наиболее удачных примеров относительно быстрой и успешной трансформации из бывшей социалистической в современную, динамично развивающуюся, демократическую страну с многопартийной политической системой, рыночной экономикой и открытой внешней политикой¹³¹. Эксперты справедливо отмечают снижение в последние годы интереса Монголии к развитию Центральноазиатского направления сотрудничества, о чем сообщили 31,6% участников исследования из этой страны.

Отметим, что, судя по полученным оценкам, наиболее перспективным сегодня выглядит развитие российско-кыргызстанских отношений, только 3,4% представителей Кыргызстана отметили купирование трансграничного сотрудничества между государствами Центральной Азии, тогда как в Казахстане получено 11,1% таких оценок и 15,2% – в России. В то же время от 12,1% экспертов Кыргызстана до 18,2% экспертов России отметили стагнацию интеграционных процессов.

131 Монголия: светлые перспективы динамичного развития. Электронный ресурс: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/>.

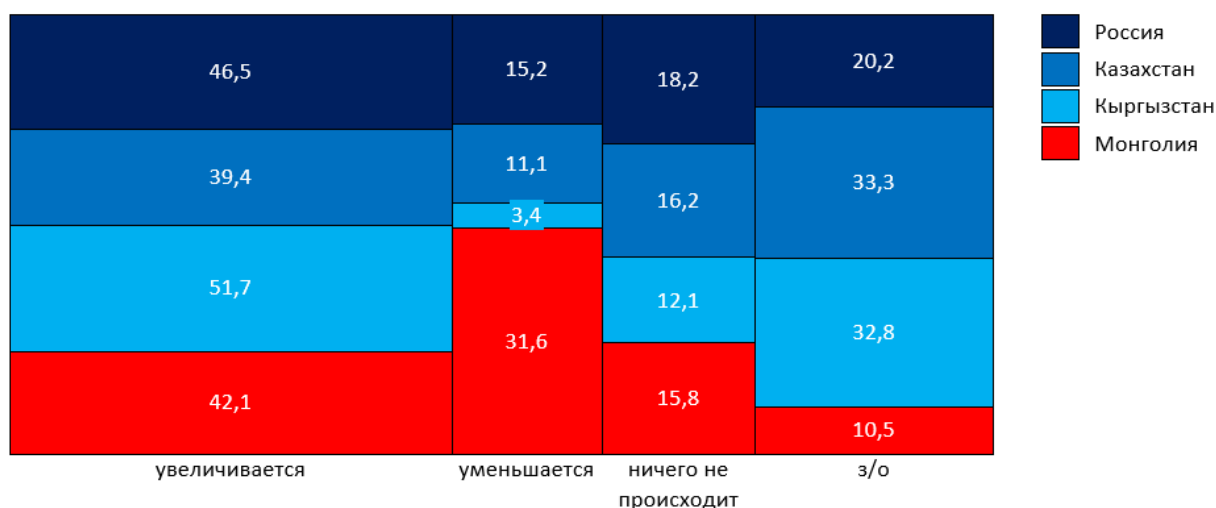

Рисунок 9 – Оценка динамики интереса к развитию трансграничного сотрудничества, страновые сравнения, %.

Отдельным направлением трансграничного сотрудничества является обмен культурными практиками, популяризация традиций, социального и культурного наследия наций и народностей. Как мы ранее увидели, это направление является довольно значимым для современных государств и межнациональных коммуникаций. Не случайно проект «Большой Алтай: форсайт 2050» привлек большое количество молодых людей, серьезно увлеченных идеей популяризации культурного, археологического, этнографического наследия стран Центральной Азии и Большого Алтая. Несмотря на растущую глобализацию и универсализацию культурных и бытовых практик, вопросы сохранения культурно-специфичного и регионально-уникального являются по-прежнему актуальными, оставаясь значимыми маркерами однонациональной идентичности.

Как отмечает А. Костина, «поликультурность России является ее родовым качеством». У каждой нации за долгие годы сформировалась собственная национальная культура и традиции, в которых отражаются различные стороны жизни народа. Именно национальная культура является тем важнейшим ядром нации, которое определяет ее жизнеспособность в современном изменяющемся мире, создает духовную общность народа и дает людям уверенность в своем будущем¹³². Гридина В.В. и Петина Т.М. в журнале журнал «Вестник АГУ» (Выпуск 1 (234) 2019) представили результаты исследования на тему «Национальная идентичность молодежи как фактор сохранения культурных традиций в условиях многонационального общества», согласно которому 90%

¹³² Культура как фактор модернизации России: кол. монография / отв. ред. А.В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015; Валитов О.К., Валитов, И.О. Национальная культура в условиях глобализации общества и проблемы обеспечения национальной безопасности // Вестник Башкирского университета. 2008. № 2 (13). С. 404-407; Козелько В.Н. Национальная культура: сущность, структура, компоненты // Новые технологии. 2008. Вып. 5. URL: <http://newtech.mkgtu.ru>.

опрошенных студентов считают, что сохранение культурного наследия и трансляция национальных традиций является актуальной проблемой и нуждается в решении. Лишь десятая часть от общего числа респондентов не считают, что необходимо предпринимать какие-либо меры для сохранения и передачи культурных традиций. Полученные данные позволили авторам статьи утверждать, что у молодого поколения есть шансы предотвратить национальную амнезию через изучение культуры, традиций, истории своего народа.

Согласно нашим данным, интерес к данной тематике молодежи чаще оценивается как средний и выше среднего, о чем сообщили 56% и 18% экспертов соответственно, лишь чуть более пятой части экспертов (22%) (Рисунок 10).

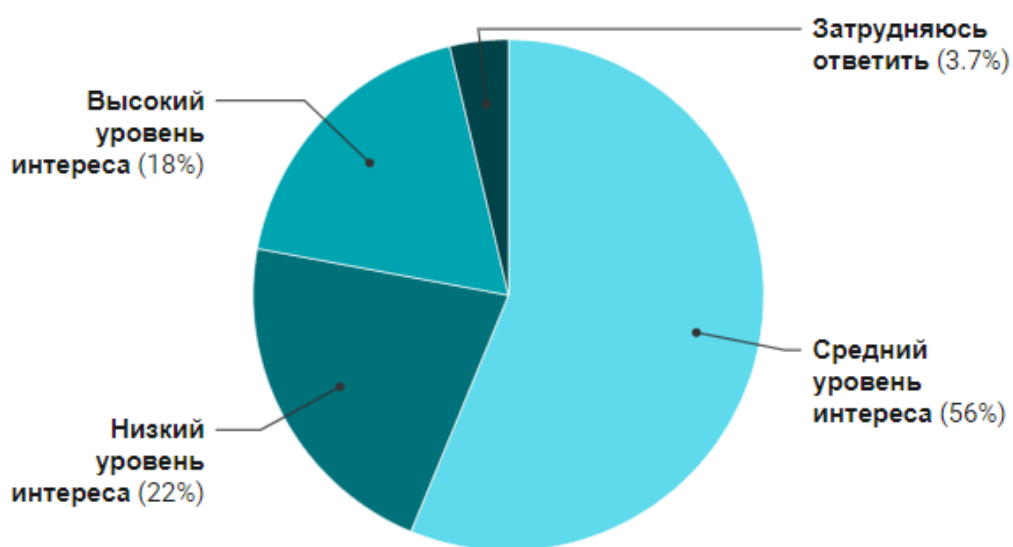

Рисунок 10 – Оценка динамики интереса молодежи стран Центральной Азии и Большого Алтая к социальному и культурному наследию наций и народностей, данные по общей выборке, %.

Рассмотрим оценки, полученные у экспертов разных стран. На рисунке 11 отражено их распределение по шкале оценивания, а на рисунке 12 – результаты сравнений долей выборов оценок «высокий уровень интереса» и «низкий уровень интереса».

Поскольку, на наш взгляд, данные рисунка 12 более наглядно отражают межстрановые различия, обратимся к его результатам, не фиксируя внимание на значениях «средний уровень интереса» и «затрудняюсь отметить» (смотри рисунок 11).

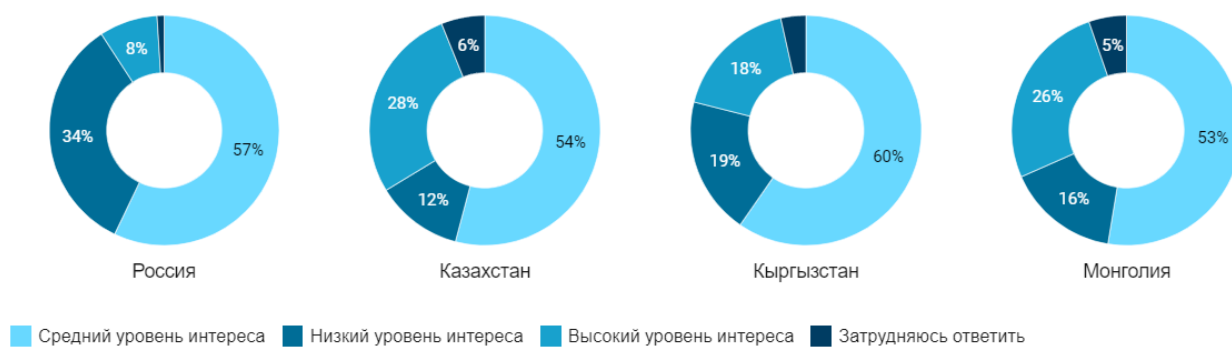

Рисунок 11 – Оценка динамики интереса молодежи стран Центральной Азии и Большого Алтая к социальному и культурному наследию наций и народностей, страновые сравнения, %.

Мы видим, что настроения в отношении интереса к культурному наследию народов среди молодежи России в экспертных оценках существенно отличаются от соответствующих интересов молодежи стран Центрально-азиатской зоны. С одной стороны, такое внимание к культуре и обычаям своего народа в странах, стремящихся к моноэтничности в угоду титульному этносу, несмотря на полинациональность государства, вполне оправданно, особенно – в период поиска страной общественно-государственных идеалов и идей национального развития, среди которых приоритеты этносоциального и этнополитического характера занимают далеко не последние позиции.

В современном мире, где текущие процессы приобретают характеристики все возрастающей динамичности, гибкости и стремительности, человек находится в поиске элементов устойчивости и стабильности. Находясь в состоянии неопределенности и даже страха не соответствовать стремительно меняющимся требованиям современности, индивид стремится обеспечить защищенность, сохранять позитивный вектор личного развития и обеспечить безопасность жизнедеятельности. Значимыми маркерами в таком случае становятся элементы устойчивости личности, некие константы, способные стать основной защитного механизма личности. Такими константами, наряду с гендерными, профессиональными, иными социальными идентификациями, становятся этнические и религиозные компоненты идентификации личности, обеспечивающие духовную безопасность индивидов, и, в конечном счете, безопасность общества и государства.

Российская Федерация – поликонфессиональное государство, на ее территории представлено все разнообразие религий и культов, как западных, так и восточных церквей, сохранились и приобрели как новые формы архаичные анималистические верования, так и получили широкое распространение религии и верования, возникшие в новейшей истории. Помимо общей поликонфессиональности, регионы Россия отличаются друг от друга композицией конфессиональных убеждений населения, в общем виде

разделяясь на две группы – регионов «русского ядра», традиционно тяготеющих к православию, и так называемых этнорегионов, где доминирующие формы религиозных воззрений определяются историческим тяготением к разным формам шаманизма, анималистических верований, буддизма, традиционного ислама, ортодоксального иудаизма, и другим. Особое проявление духовной сферы жизни общества формируется в приграничных территориях, а также на границах так называемых «русских» и «этнических» регионов страны, где веками конструируется особое, трансграничное, пространство, где особым и зачастую причудливым и противоречивым образом сочетаются социальные практики, основой которых стали конфессиональные предпочтения коренного мультинационального населения.

В условиях полинационального государства доминирующими идеалами являются общенациональные и общегражданские, отвлечённые от этнических и регионально-специфичных конструктов. С другой стороны, многонациональность, географическая протяженность и удаленность регионов «русского» этнического ядра от этнонациональных республик в высшей степени способствуют универсализации, обезличиванию (в этническом, фольклорном смысле) культурных эталонов молодого поколения, утраты не только интереса к культурным ценностям этноса, но и утраты соответственно самобытности народной культуры.

Треть экспертов России (33,7%) отметили низкий уровень интереса современной российской молодежи к культурному наследию наций и народностей центральноазиатского региона, тогда как кыргызской молодежи низкий уровень такого интереса присущ только в оценках 19,3% экспертов Кыргызстана, 12,2% экспертов Казахстана отметили низкий уровень интереса к культурному наследию молодежи страны, также 15,8% экспертов Монголии сообщили о низком уровне интереса молодых жителей Монголии.

При этом российская молодежь реже представителей других стран тяготеет к получению знаний о народах и культурах своего региона – высокий уровень интереса к проблематике отметили лишь 8,2% экспертов, тогда как более пятой части экспертов Казахстана и Монголии отметили высокий уровень интереса молодежи своих стран к социальному и культурному наследию наций и народностей (27,6% и 26,3% соответственно), несколько менее выражен такой интерес среди молодых граждан Кыргызстана – на уровне 17,5% выборов экспертов.

Рисунок 12 – Оценка динамики интереса молодежи стран Центральной Азии и Большого Алтая к социальному и культурному наследию наций и народностей, страновые сравнения выборов высоких и низких оценок, %.

Раздел 7. Роль гражданского общества в интеграции стран Большого Алтая и Центральной Азии

Проект «Большой Алтай: форсайт 2050» в большей степени направлен на вовлечение в тематику интеграции стран Большого Алтая и Центральной Азии гражданских активистов, способных на качественном уровне организовать просветительскую деятельность, связанную с продвижением идей транснационального сотрудничества, умением использовать имеющиеся в странах трансграничной зоны механизмы и инструменты гражданского участия в делах общества. Вместе с тем, как в отношении развития экономик стран трансграничной зоны, так и в отношении состояния гражданского общества, развиваемых правительствами стран механизмов и практик гражданского участия, поддержки развития гражданского общества и третьего сектора, наблюдаются определенные различия, обусловленные как состоянием такой деятельности государства, так и разными правовыми и организационными условиями, в которой она разворачивается.

Так, например, на протяжении последнего десятилетия в Российской Федерации проведена большая работа по созданию механизмов вовлечения некоммерческого сектора в решение общественных проблем, и уже не вызывает сомнений, что этот сектор играет важную роль в общественном развитии. Сегодня некоммерческие организации как исполнители общественно полезных услуг благодаря развитым системам федеральной, региональной и даже муниципальной поддержки реально содействуют повышению качества жизни населения, разрабатывают и реализуют действенные механизмы и развивают форму своего участия в процессе выработки и претворения в жизнь социальной политики.

Решающая роль гражданского общества в политическом, экономическом и научно-техническом развитии страны в целом ежегодно подчеркивается в посланиях Президента России Владимира Путина федеральному собранию, встречах Владимира Путина с представителями социально ориентированных некоммерческих организаций. В стратегиях долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и ее регионов решение задач модернизации экономики и общества неразрывно связано с вовлечением в этот процесс как можно большего числа творческих, свободных и активных граждан.

В Российской Федерации созданы условия для развития гражданского общества: соответствующая нормативная база, многопартийный законодательный орган, независимые СМИ, некоммерческие организации, активное бизнес-сообщество и

профсоюзы. Эффективно действует и Общественная палата Российской Федерации, накопившая немалый опыт по взаимодействию с органами государственной власти и местного самоуправления для решения наиболее актуальных вопросов социально-экономического развития региона, защиты прав граждан.

Субсектор социально ориентированных НКО неоднократно подвергался научному анализу, как и его роль в модернизации социальной сферы. Результаты исследований, в том числе проведенных авторским коллективом проекта в Алтайском крае, регионах Сибирского федерального округа свидетельствует о формировании устойчивой сети СО НКО, на системной основе реализующих проектную деятельность, постепенно увеличивается число общественных объединений в сельской местности.

В последние годы стали создаваться общественные советы при главах регионов, администрациях и правительствах регионов, органах исполнительной власти, существенно расширилась практика проведения общественной экспертизы. Представители общественности получили возможность более широкого влияния на формирование политики, принятие общественно значимых решений. Однако об эффективности работы этих советов говорить пока преждевременно. В то же время и здесь накапливается положительный опыт, который еще предстоит изучить.

Однако если на уровне государства вопросы взаимодействия власти с институтами гражданского общества претерпели изменения, то на региональном и местном уровне остается немало вопросов. С расширением и диверсификацией сегмента СО НКО появляются проблемы во внутреннем развитии институтов гражданского общества. Бурный рост общественных инициатив в предшествующий период был напрямую связан с личностным самоопределением лидеров и активистов этих объединений. Это привело к тому, что деятельность многих общественных объединений имеет краткий жизненный цикл – до момента интеграции лидеров в иные масштабные социальные, бизнес- или государственные процессы. Данная проблема является объективной, и достигнутые на настоящий период количественные результаты требуют принятия новых качественных системных подходов и решений как со стороны государства, так и со стороны самих некоммерческих объединений.

Сегодня развитие институтов гражданского общества в Российской Федерации сталкивается с комплексом других проблем нежели это было еще десять и даже пять лет назад. К числу таких проблем относится слабая последовательность и преемственность проектной деятельности социально ориентированных НКО, ориентирующихся на приоритеты государственного финансирования, а не на реальные потребности благополучателей; недостаточное внимание лидеров и руководителей проектов СО НКО

со смежной деятельности коллег и динамично меняющимся внешним социально-политическим и экономическим условиям общественного развития; нарастание потребности в квалифицированном кадровом составе некоммерческого сектора, способного оказывать социальные услуги населению на должном, соответствующем стандартам, уровне. К числу таких проблем относится и «рутинизация» проектной деятельности, которая в последние годы, благодаря активному социальному просвещению, широкой сети ресурсной поддержки СО НКО, нацеленной на формирование технологий привлечения средств бюджетной системы, отвлекает лидеров от глубокой оценки социальных проблем целевых групп, формирования инновационных моделей общественного участия в решении проблем общества.

В отношении Казахстана, некоторые аналитики отмечают, что в нем нет гражданского общества в общепринятом понимании¹³³. Другие – оно только формируется, фрагментарное, и тому можно найти ряд примеров. Одним из первых и наиболее массовых движений в Казахстане было экологическое движение «Невада – Семипалатинск», созданное по инициативе поэта О. Сулейменова весной 1989 года. Цель движения - закрытие Семипалатинского и других полигонов, функционировавших на территории Казахстана. Движение «Невада – Семипалатинск» потребовало от военных ведомств снятия покрова «секретности» ядерных испытаний, возмещения убытков населения. С этой целью активисты движения организовали пикеты, демонстрации научные конференции – международные и республиканские.

В августе 1990 года было создано межнациональное движение «Единство». Организаторы – представители научно-технической интеллигенции предприятий союзного значения. Общественное движение «За честные выборы» в качестве основных целей называет инициирование предложений по изменению действующего законодательства о выборах, проведение обучения избирателей и представителей общественных объединении законным методом агитационной работы, оказание необходимых консультации кандидатами, проведение опросов общественного контроля за ходом голосования и т.д. Что интересно, нейтральное, на первый взгляд, движение приобрело весомый авторитет в политической среде и стало камнем преткновения в споре между властью и оппозицией.

Вместе с тем, развитие гражданского общества и его институтов является одним из важных показателей политической модернизации Казахстана. В настоящий момент можно сказать, что среди стран постсоветского пространства Казахстан в целом входит в группу

¹³³ Бейсебаев К. Гражданское общество Казахстана и что оно собой представляет. Электронный ресурс: <https://kazbei.org/o-sebe/?lang=ru>.

лидирующих государств по количеству и качеству проведенных модернизационных преобразований, направленных на развитие институтов гражданского общества. Развитие гражданского общества в первую очередь связано с укреплением таких важных субъектов как политические партии, неправительственный сектор в лице НПО, профсоюзы, СМИ. Либерализация правового поля деятельности СМИ, стимулирование их независимого развития и усиление роли информационного пространства в целом – важнейшее условие эффективной деятельности всех субъектов гражданского общества, условие взаимодействия их с государством.

Основными достижениями казахстанских НПО являются: целевая направленность оказываемой помощи, развитие гражданской активности населения, а также моральная поддержка социально уязвимым группам населения. В то же время следует отметить ряд недостатков в развитии неправительственного сектора в Казахстане. Так, несмотря на многочисленность НПО в Казахстане, в целом развитие неправительственного сектора в стране не столь масштабно. Существенного возрастания роли НПО в решении социально значимых проблем общества не наблюдается. Не наблюдается также и взаимодействия НПО с органами государственной власти. Остается неотлаженным механизм социального партнерства. Несмотря на некоторый рост гражданской самоорганизации, выражающийся в увеличении числа общественных организаций, их качественный уровень весьма низок и охват ими широких социальных слоев незначителен. Процесс осознания обществом и государством высокой роли гражданских институтов замедлен. Не последнюю роль здесь сыграл недостаток в качественной организационно-практической поддержке НПО государством. Кроме того, по сравнению с развитыми зарубежными странами государственное финансирование НПО в Казахстане пока недостаточно развито. Хотя следует отметить, сумма государственного финансирования НПО постепенно растет. Направленность деятельности НПО в Казахстане во многом определяется интересами международных организаций, которые являются основными источниками их финансирования. Пока реально отсутствуют легитимные и взаимовыгодные механизмы взаимодействия сектора НПО с коммерческим сектором.

Для устранения обозначенных недостатков сектора НПО в стране необходимо совершенствовать мониторинг и оценку их деятельности, развивать устойчивую систему сотрудничества с государством, прозрачность и открытость их деятельности для общественности, навыки местных сотрудников НПО. Оптимальная правовая модель взаимодействия государства с неправительственным сектором позволила бы координировать направление внебюджетных средств на решение наиболее остро стоящих социально-экономических проблем с помощью НПО, которые уже накопили достаточный

организационный и человеческий капитал. В свою очередь, устойчивый и активный неправительственный сектор, опирающийся на гражданские инициативы, являлся бы гарантом равноправия и стабильности в казахстанском обществе.

Полноценное развитие гражданского общества в Казахстане может быть осуществлено посредством внедрения и реализации института местного самоуправления, призванного стать ключевым инструментом защиты интересов местного населения. Однако местное самоуправление является одним из наименее развитых институтов гражданского общества в Казахстане. К сожалению, за весь реформенный период в Казахстане не были проработаны и приняты однозначные подходы к организационной форме и уровню государственного управления, на котором должно осуществляться местное самоуправление. Дело в том, что за все годы реформы системы административного управления страны принимались лишь косвенные меры по формированию местного самоуправления, которые были тесно взаимосвязаны с реформированием системы местного государственного управления. В целом на сегодняшний день основные причины, препятствующие становлению местного самоуправления в стране, можно свести к следующим: излишняя централизация государственной власти; закрытость местной власти для местного населения; низкая правовая культура населения; слабое восприятие населением гражданских ценностей. Все это в конечном счете затормаживает становление института местного самоуправления в Казахстане. Таким образом, основными факторами, тормозящими развитие институтов гражданского общества в Казахстане на современном этапе, являются:

- недооценка сложной взаимозависимости элементов современного развитого государства и институтов гражданского общества;
- акцентирование вопроса о деятельности институтов гражданского общества исключительно на дальнейшем совершенствовании гражданского законодательства вместо строгого соблюдения уже имеющегося;
- незавершенность намеченной в стране политической модернизации, направленной на дальнейшее развитие институтов гражданского общества.

Учитывая данные обстоятельства, в целом можно констатировать, что, несмотря на предпринятые государством за годы реформ меры по укреплению субъектов гражданского сектора, гражданское общество в Казахстане все еще находится на начальном этапе своего становления. Поэтому логика дальнейшей модернизации Казахстана требует ускоренного построения устойчивого гражданского общества в стране. Без полноценного формирования этого обязательного компонента современного развитого государства становится невозможным и дальнейшее экономическое развитие

Казахстана. Ведь экономическая, политическая и гражданская сферы образуют систему, элементы которой находятся в сложном и тесном взаимодействии.

В практическом плане институты гражданского общества с каждым годом находят свое применение в политических, социальных, этнокультурных, хозяйственно-экономических, культурно-гуманитарных сферах жизни государства и общества. Известно, общество становится гражданским лишь на определенной стадии демократического развития и начинает функционировать как относительно самостоятельный сектор в различных сферах общественной жизни, включая межгосударственные отношения. Предпосылками для становления и функционирования гражданского общества является наличие у граждан экономической самостоятельности при многообразии форм собственности и реальной возможности людей к самостоятельной хозяйственной деятельности. Статьи в казахстанской Конституции о правовом и демократическом государстве являются политической и законодательной основой формирования институтов гражданского общества. В общей политической системе страны государство как ведущее звено объективно взаимодействует с гражданским сектором общества, чтобы на основе компромиссных решений достичь согласия и стабильности¹³⁴.

Сектор гражданского общества в Кыргызской Республике – один из самых сильных в Центральной Азии. Еще в бытность СССР в Кыргызстане существовали различные общественные организации, такие как профсоюзы, научные общества, союзы писателей, союзы журналистов, композиторов, спортивные общества, общества защиты природы и общества глухих и др. Главным отличием советских общественных организаций от современных является то, что все они были политически неактивными, т.е. не участвовали в политическом процессе, и служили сугубо профессиональным интересам. Важнейшую роль в процессе создания НПО сыграло развертывание в Кыргызстане деятельности донорских организаций в начале 1990-х годов.

Приход донорских организаций был поддержан со стороны правительства, возглавляемого Аскармом Акаевым, первым президентом Кыргызстана. В первые годы своего правления Акаев официально поддерживал инициативы по созданию организаций гражданского общества (ОГО), в результате чего НПО стали активно создаваться. Финансирование НПО в большинстве случаев осуществлялось за счет международных и донорских организаций. В 1990-х гг. развитие сектора НПО в целом носило спонтанный и

¹³⁴ Исмаилов А., Становление и развитие гражданского общества в Казахстане // «Вестник аналитики», М., 2014 г., № 4, с. 73–82.; Сборник материалов научно-практической конференции НПО области. 7 ноября 2007 года. – Шымкент, 2007; Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 годы. Утверждена Указом Президента РК № 54 от 25 июля 2006 г.

хаотический характер, в некоторых случаях создавались организации-однодневки, целью которых было исполнение одного проекта. Большое количество НПО в республике признавалось международным сообществом как признак демократизации и развития одного из важнейших институтов гражданского общества.

С начала 90-х годов в республике было проведено множество исследований, направленных на изучение развития и динамики НПО, их классификацию, проблемы, устойчивость, влияние на общественное и политическое развитие. Большинство исследователей выделяют несколько этапов периодизации НПО: первый этап (1991–1994 гг.), который характеризуется бурным ростом численности НПО, многие из которых функционировали «от гранта до гранта», не имели своей долгосрочной стратегической программной деятельности и были нацелены в основном на решение грантовых проектов. Большинство НПО в этот период были финансово неустойчивы и испытывали высокую зависимость от политики международных доноров. Второй период (1995–2004 гг.) характеризуется как количественными, так и качественными изменениями НПО. Отличительной чертой является развитие гражданских инициатив с использованием принципов совместного участия НПО, установление партнерских отношений внутри сектора, объединение НПО, имеющих общие уставные цели (женские, правозащитные, экологические и др.). Происходит формирование равноправных партнерских отношений НПО с международными организациями, снижается зависимость НПО от их политики. Повышается численность сельских НПО. Сильные НПО формулируют свои стратегические цели и программы, которые в ряде случаев могут решать самостоятельно. В число основных сетевых организаций входят: Коалиция «За демократию и гражданское общество», Ассоциация центров поддержки гражданского общества, Сеть правозащитных организаций, Ассоциация кризисных центров, и Ассоциация юристов Кыргызстана. Третий период развития НПО (2005–2011 гг.) характеризуется наличием сильных НПО, которые не только успешно выполняют свою проектную деятельность, оказывают влияние на различные области жизни общества, но и умеют лоббировать общественные и политические интересы на государственном уровне.

В основном НПО Кыргызстана делятся на две обширные категории. Первый вид – это организации политико-институционального типа, которые ратуют за реформы, за демократизацию, за открытость, прозрачность работы государственных органов и т.д. В основном, такие организации представлены центральным уровнем в Бишкеке и очень политизированы. Эти организации включены в процессы экспертизы на различных уровнях, являются авторами различных отчетов по международным конвенциям и документам. Второй вид – это организации практического действия на местном уровне, в

основном сельские и региональные НПО. Данные НПО не ставят для себя прямых задач институциональных изменений, цели данных организаций направлены на решение социально-экономических проблем данного сообщества или определенной социальной группы.

По данным исследований Фонда Сорос – Кыргызстан, почти девять из десяти общественных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории страны, являются либо общественным объединением, либо общественным фондом (87% всех НПО). К объединениям юридических лиц (ассоциации, союзы) относится около 5% всех НПО, 3% являются негосударственными учреждениями. Еще 3% подчеркнули, что не относятся ни к одной из вышеупомянутых организационно-правовых форм, т.к. являются официально незарегистрированными. ПРООН классифицирует НПО в Кыргызстане по следующим пяти категориям: объединения в защиту прав определенных групп; объединения по интересам; благотворительные организации; ассоциации защиты прав национальных меньшинств; и организации развития¹³⁵. Однако правительство допускает регистрацию самых различных организаций в одной и той же категории.

Сегодня самой большой проблемой НПО Кыргызстана остается финансовая зависимость от грантов зарубежных фондов и международных организаций. А несовершенство законодательства и низкий уровень жизни населения не позволяют местным НПО использовать пожертвования граждан, как это происходит в других странах.

Сегодня НПО Кыргызстана играют в стране важную роль, они формируют ответственное гражданское общество, активно участвуют в политической жизни общества, оказывают широкий спектр социальных услуг. НПО, оказывающие социальные услуги, помощь незащищенным группам, решающие проблемы экологии, защищающие права и интересы граждан и др., пользуются авторитетом, как среди населения, так и органов власти. Лидеры НПО вовлекаются в создаваемые при каждом министерстве наблюдательные советы. НПО часто проводят различного рода исследования и опросы, необходимые им для проведения проектной деятельности¹³⁶.

У Монголии отсутствует предварительный опыт демократической жизни. В предшествующий переходу к демократии период Монголия фактически являлась

¹³⁵ Доклад Сектор НПО: НПО в Кыргызстане: вчера, сегодня, завтра, Фонд Сороса-Кыргызстан, ACSSC, Аллавида, Бишкек, 2006, стр. 38.

¹³⁶ Третьяков А.. Гражданское общество и власть. Культура отношений // «Третий сектор», № 1, сентябрь 2005 стр. 38; Тогусаков, О. А. Социокультурные условия становления гражданского общества в Кыргызстане / О. А. Тогусаков, у. Азамат. Жанышбек. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – 12. – С. 82-85; Бектанова А.К. Генезис гражданского сектора // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №3 (45); Бектанова А.К. Социокультурная трансформация в Кыргызстане // Тамбов Грамота. – 2016. – №65.

экспериментальной площадкой, где СССР проводил эксперименты по построению социализма в отдельно взятой стране с феодальным строем, минуя стадию капитализма. Монгольское население позитивно отреагировало на смену власти, приведшей к старту демократических процессов в стране, и выказало большое желание осваивать демократические идеи. Эта поддержка со стороны простых монголов способствовала быстрому перенесению и приживаемости демократических институтов на монгольской почве.

В Монголии право граждан на объединение стало в полной мере реализовываться лишь после принятия в 1992 году новой Конституции. Спустя пять лет, появился закон «О неправительственных организациях (НПО)», регулирующий самостоятельную деятельность гражданских общественных объединений. Главными задачами институтов ГО являются оценка политических решений властных структур; содействие принятию решений, основанных на анализе и исследованиях; вклад в общественный прогресс; защита прав человека. Всемирный альянс CIVICUS критически оценивает и признает как среднее состояние монгольского гражданского общества. Монгольским НПО не оказывают поддержку ни из государственного, ни из местного бюджетов, а доля бюджетного финансирования в их общих расходах составляет лишь 2%. Организации и работники, оказывающие общественно-полезные услуги, не имеют никаких послаблений при расчете и уплате страховых взносов в ФСС.

В общественном сознании монголов отсутствует четкая трактовка многих понятий, в том числе и «гражданского общества». Монголия не предпринимает реальных шагов для финансовой поддержки организаций ГО, и в монгольском законодательстве до сих пор нет четкого определения термина «гражданское общество».

Весьма познавательными выглядят данные крупномасштабного кросс-культурного исследования «Восточноазиатский Барометр», в рамках которого были проведены обширные социологические исследования по вопросам отношения к демократии, демократическим ценностям, перспективам демократии в восьми странах Восточной Азии. Материалы, собранные в Монголии в 2002 г., свидетельствуют, что большинство монголов поддерживает демократическое правление и возлагает надежды на то, что недостатки сложившейся непростой ситуации могут быть преодолены. Таким образом, монголы показали один из самых высоких уровней поддержки демократии среди стран, принимавших участие в опросе (Корея, Тайвань, Филиппины, Монголия, Тайланд, Япония, Китай и Гонг Конг).

Не стоит забывать, что Монголия – это страна, подверженная зависимости от внешних источников финансирования, и характеризующаяся отсутствием традиций

гражданского общества, в которой больше половины малочисленного населения проживает в сельской местности. Некоторые исследователи, например американская исследовательница вопросов политической антропологии, проф. П. Саблофф, объясняют парадоксальную восприимчивость монголов к демократии особенностями номадических традиций и кочевого образа жизни. Автономный образ жизни монгольских кочевников в суровых условиях степей определил возникновение в монгольском характере таких черт, как самодостаточность, опора только на свои силы, вера в себя. Помимо этого, П. Саблофф связывает позитивное отношение монголов к демократии с их политическими традициями, восходящими к знаменитому деятелю прошлых веков Чингисхану. Именно при нем потомственный принцип назначения на руководящие должности был заменен меритократическим равенством: Чингисхан выбирал военачальников по их личным заслугам и качествам, а не по рождению. И именно Чингисхан развил и укрепил институт совместного, или парципаторного, правления. Таким образом, можно заключить, что демократические идеи не были для монголов конца XX века совершенным откровением. В основах их уникальной кочевой культуры присутствуют черты, которые можно назвать созвучными идеям демократии.

В демократическом переходе Монголии проявилось определенное своеобразие. В малонаселенной слаборазвитой стране на первый план вышли действия по внедрению политических институтов и процедур демократии, а также блок политических и гражданских прав, которые, надо отдать должное, очень быстро стали политической реальностью. Это само по себе является своего рода достижением, особенно при сравнении со странами соседнего региона Центральной Азии с примерно схожими уровнями экономического развития, которые испытывают значительные затруднения в установлении базовых демократических элементов. Однако социально-экономическое положение Монголии, экономическая защищенность граждан не только не улучшились, но и значительно ухудшились по сравнению с предыдущим периодом в истории страны.

Действительно, в Монголии в результате комплекса реформ «шоковой терапии» произошло чудовищное расслоение населения, в результате которого появился малочисленный слой невероятно обеспеченных людей и огромная масса людей различных градаций бедности и нищеты. В результате непродуманных экономических реформ, а также слабых механизмов контроля демократия, по словам монгольского политика С. Оюун, «превратилась в механизм обогащения для небольшой группы людей». Это очень опасная и тревожная ситуация, которая в потенциале грозит нарастанием напряжения в обществе и в конечном счете полной дестабилизацией.

Вступив на путь демократизации в конце XX в., экономически ослабленная Монголия попала в затяжной и чрезвычайно тяжелый экономический кризис. Так называемый двойной переход Монголии – смена общественно-политической и экономической модели развития в условиях отсутствия необходимых знаний и опыта – дал противоречивый результат: удачное заимствование политических институтов и неэффективность социально-экономических реформ, приведшая к радикальному расслоению по имущественному признаку и значительному обнищанию общества. Это характерные сложности переходного периода, ведь с момента возникновения демократического государства прошло всего два десятилетия, а это довольно малый исторический срок для подведения окончательных итогов. Западный мир прошел путь в несколько веков для того, чтобы выстроить эффективные демократические механизмы. Очевидно, что процесс становления демократии предполагает появление новых социальных групп, для которых ценности и нормы демократии будут врожденными, а не приобретенными, а для этого требуется смена не одного поколения¹³⁷.

Таким образом, страны Центрально-азиатского региона в той или иной мере вовлечены в процессы строительства гражданского общества, однако, следует помнить о том, что это строительство – двусторонний процесс. Интеграционные и солидаризационные процессы в обществе, равно как и развитие гражданских инициатив и практик гражданского участия, могут стимулироваться и развиваться как благодаря инициативам государственных, правительственных структур, так и под влиянием инициативных граждан, аккумулирующих потенциал общественного развития. Активизация приграничного, трансграничного сотрудничества – одна из форм консолидации общества, в том числе в рамках различных интеграционных объединений, таких как Большой Алтай. Например, межрегиональное и приграничное сотрудничество становится одним из главных катализаторов интегрирующей роли России с сопредельными государствами. Имеются все предпосылки для того, чтобы межрегиональное приграничное сотрудничество стало одним из главных катализаторов

¹³⁷ Гармаева И.Б. Особенности демократического развития Монголии // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-demokraticheskogo-razvitiya-mongolii> (дата обращения: 30.03.2021); Намжил Т. Что мы смогли достичь и в чем ошибались // Новости Монголии. № 29 от 22.07.2000; Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991; A Comparative Survey of Democracy, Governance and Development. URL: www.asianbarometer.org; Gamba Ganbat. The Mass Public and Democratic Politics in Mongolia // Working Paper Series: No. 29; Fish S. Mongolia: Democracy without Prerequisites // Journal of Democracy, 9 (3), 1998; Fish S. The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective // Communist and Post-Communist Studies, 34. 2001; Freedom House. Table of Independent Countries 2009. URL: <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=478&year=2009>; V. Fritz. Mongolia: Dependent Democratization // Journal of Communist Studies and Transition Politics. No 18 (4). 2002; Rossabi M. Modern Mongolia: from Khans to Commissars to Capitalists. LA., 2005; Sabloff P. Why Mongolia? The Political Culture of an Emerging Democracy // Central Asian Survey. 2002. Vol. 21. No. 1.

интеграции в сообществе как России, так и Казахстана, Кыргызстана и Монголии. Подтверждением этому, в частности, является уверенность экспертов нашего исследования в том, что сами активные жители приграничных территорий являются, наряду с правительствами стран, ключевыми акторами развития транснациональных связей и коммуникаций.

Именно поэтому очередной тематический блок нашего исследования охватывал вопросы развития гражданского общества и гражданской активности в трансграничной зоне. В частности, экспертов просили оценить состояние гражданского общества в стране их проживания, в том числе указать, способно ли оно оказывать влияние на то, что происходит в стране, является ли современное гражданское общество реальной силой, влияющей на социально-экономическую и политическую ситуацию в стране.

Ни один из экспертов Кыргызстана и Монголии не выбрал вариант ответа «гражданского общества у нас нет», тогда как такие оценки дали 11,5% российских и 8,4% – казахстанских экспертов. Большинство же оценок экспертов во всех странах распределилось между полярными оценками реального влияния гражданского общества на происходящие в странах процессы. Если судить по общей выборке четырех регионов, то в целом около половины экспертов (49,8%) склоняются к мнению о том, что существующее гражданское общество не способно выступать в качестве активного актёра общественно-политической жизни общества, способного оказывать сколько-нибудь существенное влияние на происходящие в обществе процессы. Около трети экспертных мнений (29,3%) склонялись к противоположной позиции, согласно которой существующее гражданское общество способно оказывать реальное воздействие на дела общества и управлять общественным развитием.

Эксперты России и Казахстана демонстрируют схожие тенденции в оценках: по их мнению, гражданское общество носит скорее декоративный характер, оно сформировано, но не имеет потенциала реального воздействия на общество (55,2% и 55,8% выборов соответствующей позиции экспертами России и Казахстана), оппозиционного мнения о реальных возможностях неправительственных институтов придерживаются 16,7% и 15,8% экспертов соответственно.

В Кыргызстане и Монголии мы получили зеркальную картину: треть экспертов, придерживающихся мнения об отсутствии у сектора НКО реального потенциала влияния (34,5% и 35,3% соответственно) и более половины (65,5% и 58,5% соответственно) тех, кто высказался за наличие у сектора НКО этих стран всех необходимых ресурсов и механизмов для активного участия в делах общества и управлении процессами

общественно-государственного развития. Заметим, что выявленные закономерности являются достоверными ($\chi^2, p \leq 0,005$) (Рисунок 13).

Рассматриваемый вопрос предполагал возможность открытого ответа, которая была использована в каждой из стран-участниц исследования. Нами получены следующие, порой весьма ироничные, комментарии. Российский эксперт: «Гражданское общество есть, но нет надёжных механизмов взаимодействия органов власти и законодателей и гражданских инициатив»; эксперты из Казахстана: «Гражданское общество есть, но оно только сейчас начинает постепенно набирать силу и влияние», «Гражданское общество формируется, но уже влияет на принятие важных решений, в частности в вопросе о запрете продажи земель иностранцам», «Только начинает формироваться»; эксперт из Кыргызстана «Гражданское общество имеет огромный вес, но финансируется оно США и ЕС и, соответственно, отстаивает интересы этих стран в регионе»; эксперт из Монголии «Гражданское общество в нашей стране мигрировало в Алжир».

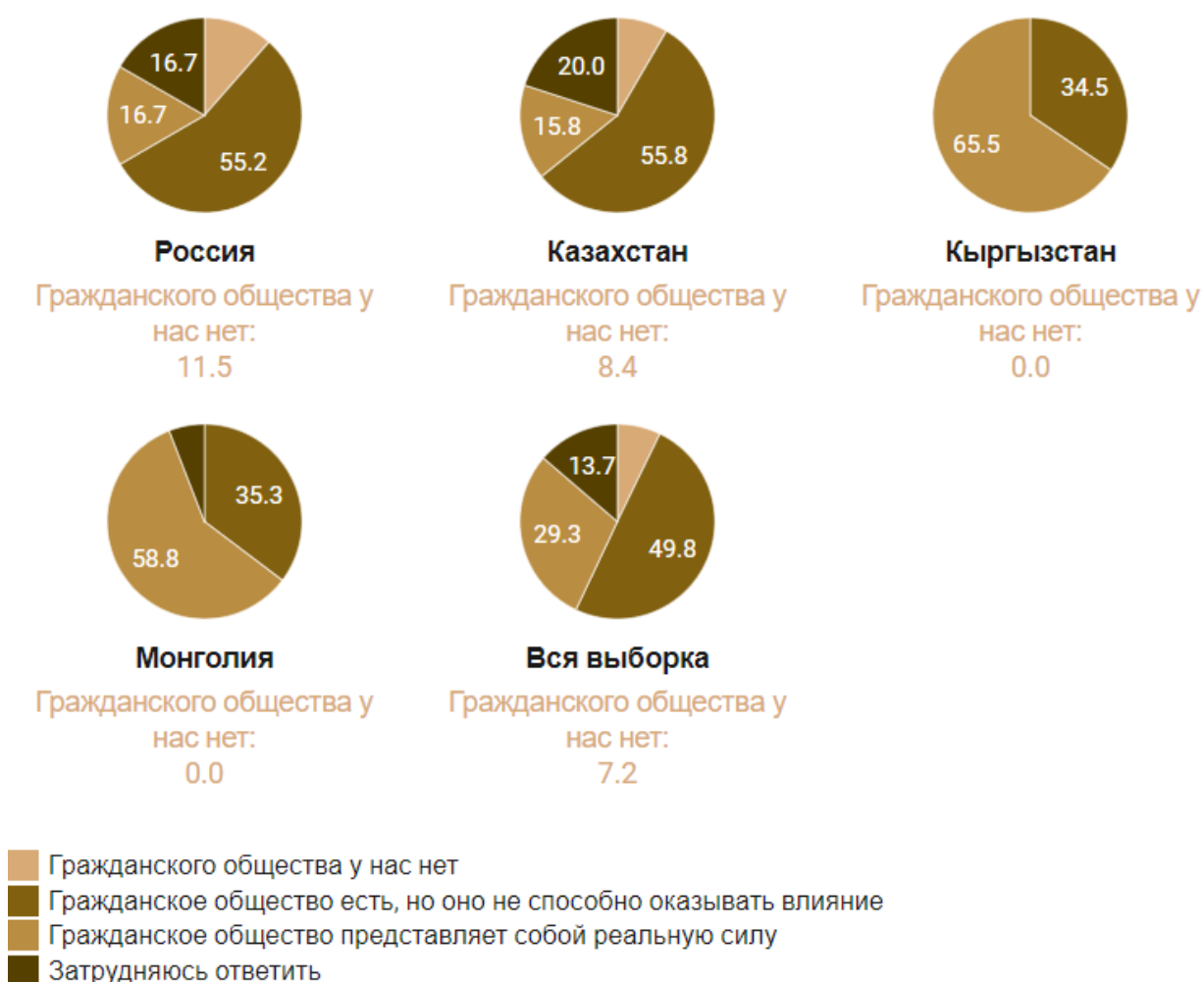

Рисунок 13 – Оценка наличия гражданского общества, страновые сравнения, %.

Каким же путем идет развитие гражданского общества в обследуемых странах Центральной Азии и Большого Алтая? В качестве альтернатив для ответа на данный вопрос мы предлагали следующие: «Путь «сверху», когда инициативу в развитии гражданского общества проявляет государственная власть – Президент и Правительство»; «Путь «снизу», когда гражданское общество развивается за счет инициативы россиян, испытывающих потребность в объединении для защиты своих прав и интересов»; «Развитие гражданского общества идет как «снизу», так и «сверху»»; «Гражданского общества в стране нет».

В России и Казахстане мнения экспертов распределились преимущественно между двумя позициями – о двустороннем процессе формирования гражданского общества как «сверху» (с позиций государственных структур), так и «снизу» (от инициативного населения) и о ведущей роли в этом процессе инициативы государства и его структур. Первой позиции придерживаются 38,5% экспертов России и 37,1% – Казахстана, второй – 31,3% экспертов России и 23,7% Казахстана.

В Кыргызстане и Монголии эксперты балансируют между двусторонним однонаправленным движением государства и общества (по 50% оценок экспертов) и выраженной гражданской инициативой, стимулирующей развитие гражданского общества и его институтов (39,3% экспертов Кыргызстана и 27,8% экспертов Монголии поддержали данное мнение).

Инициативу государства в формировании «третьего сектора» отметили всего 7,1% экспертов Кыргызстана и 16,7% – Монголии. В России и Казахстане лишь небольшие доли экспертов (10,4% и 12,4% соответственно) отмечали такой путь развития гражданского общества как «снизу», на основе гражданских инициатив отдельных граждан (рисунок 14).

Видимо представленные выше краткие характеристики состояния гражданского общества в данных государствах, имеют основания и вполне справедливы, что и отразилось на таких оценках экспертов. Политика по развитию гражданского общества в России и Казахстане носит схожие черты, о чем косвенно свидетельствует и то, что только в этих двух странах эксперты отмечали отсутствие гражданского общества как такового (9,4% и 7,2% оценок соответственно). Полагаем, что такое мнение может сформироваться в том числе и в силу широких усилий государства по формированию и поддержке гражданских институтов и различных форм общественного участия в делах государства. Такие усилия могут показаться экспертам чрезмерными, направленными не на создание независимых неправительственных объединений, а лояльного власти пула так называемых «конструктивно» настроенных общественных организаций, нацеленных на

«поглощение» финансовых ресурсов, направляемых из государственного бюджета на развитие гражданского общества.

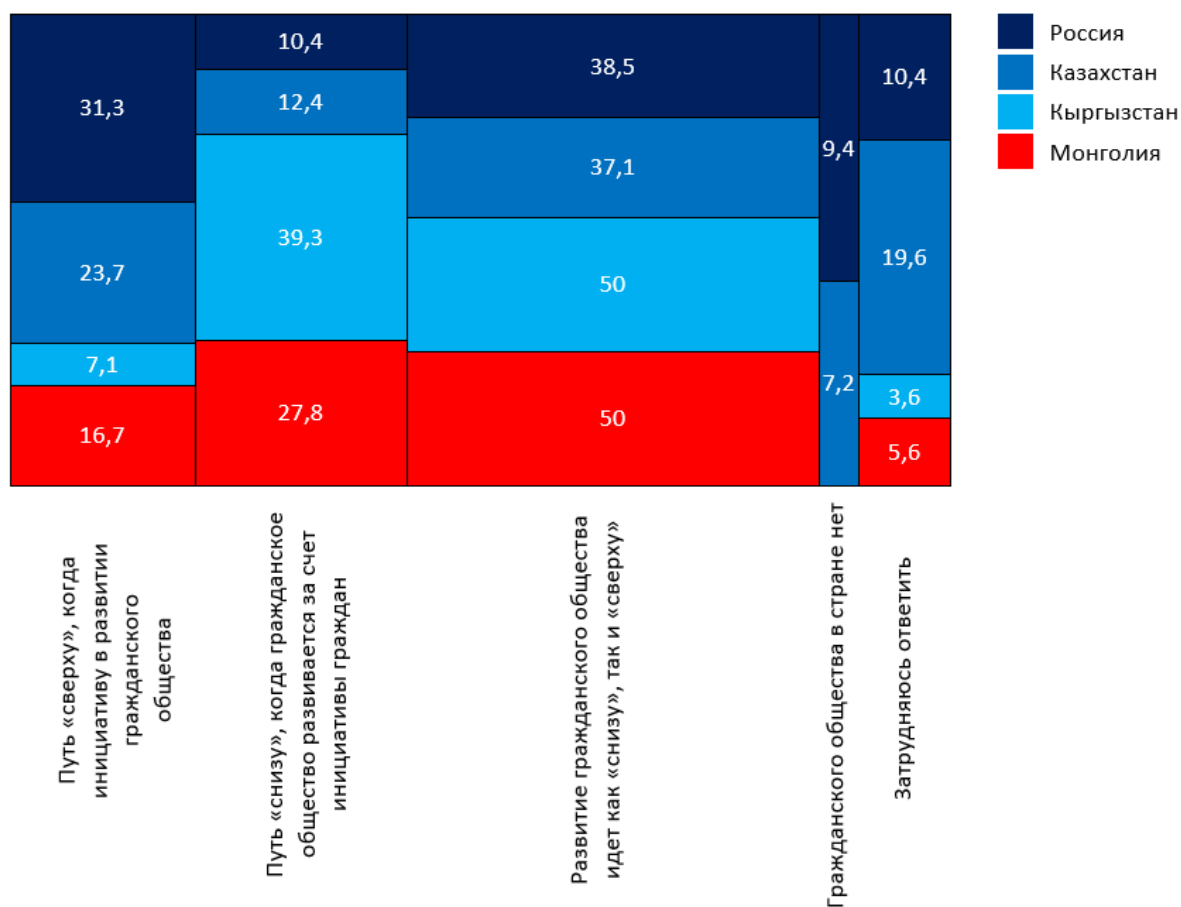

Рисунок 14 – Оценка путей развития гражданского общества, страновые сравнения, (χ^2 , $p \leq 0,005$), %.

Согласно экспертным мнениям, в современном трансграничном пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая институты гражданского общества скорее можно назвать развитыми, хотя их уровень недостаточен на сегодняшний день. Именно такое мнение преобладает в оценках меры развитости гражданских институтов (53,4% экспертных мнений).

Только десятая часть экспертов (10,2%) отметили, что в их странах институты гражданского общества очень хорошо развиты, а более пятой части (26,5%) – отметили, что сегмента неправительственных некоммерческих организаций в их стране практически не развит, а 1,9% вообще не слышали об институциональном развитии акторов гражданского общества в их странах, 8% экспертов затруднились дать такие оценки (Рисунок 15).

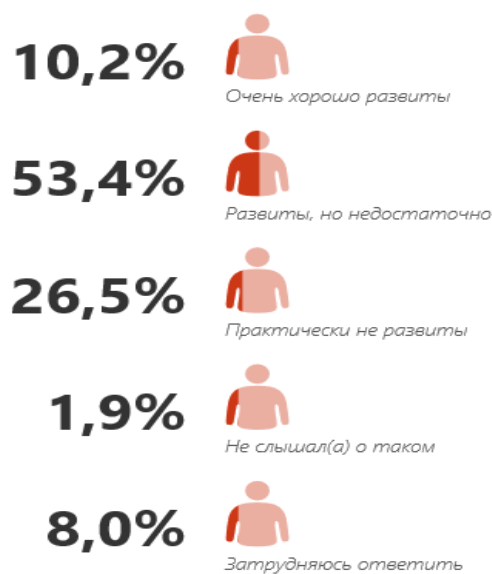

Рисунок 15 – Оценка уровня развитости институтов гражданского общества, общая выборка четырех стран, %.

Такие оценки достоверно варьируют в зависимости от страны, которую представляет эксперт. Так, в России только 2,1% экспертов сообщили о том, что, по их мнению, институты гражданского общества хорошо развиты в России, тогда как, например, в Кыргызстане более четверти экспертов (26,3%) отметили высокий уровень развитости сектора некоммерческих неправительственных организаций, в Монголии мы получили 11,1% таких оценок, а в Казахстане – 8,4%.

На недостаточный уровень развития гражданских институтов чаще указывали эксперты из Монголии – 72,2% и Кыргызстана – 61,4%, а Казахстане мы зафиксировали 47,4% таких оценок, а в России – 51,1%.

С тем, что институты гражданского общества практически не развиты, чаще прочих соглашались представители России (36,2%) и Казахстана (29,5%), а реже – Кыргызстана (10,5%) и Монголии (11,1%).

Доля экспертов, никогда не получавших информацию о состоянии и наличии некоммерческих объединений, примерно одинаковы во всех странах, принявших участие в исследовании: от 1,1% в Монголии до 2,1% в Кыргызстане.

Таким образом, мы получили еще одно подтверждение о схожих векторах и тенденциях развития сферы некоммерческой активности и третьего сектора в целом между двумя группами стран, первую из которых составили Россия и Казахстан, а вторую – Кыргызстан и Монголия. В первых двух странах развитие гражданского общества, согласно экспертных мнений, в большей степени определяется деятельностью государства

и соответствующими стратегическими приоритетами в области общественного развития правительственных структур, а также механизмами вовлечения некоммерческих объединений (преимущественно социально ориентированных) в процессы общественно-государственного партнерства. Вторая группа стран схожа пониженным интересом и вниманием государства к развитию гражданского общества, широким присутствием иностранного донорства в сфере деятельности негосударственных некоммерческих объединений, формирующих для этого сегмента приоритеты развития, проектной деятельности и в целом формирующих профессиональные компетенции лидеров негосударственной сферы вне процессов участия государства в развитии гражданского общества.

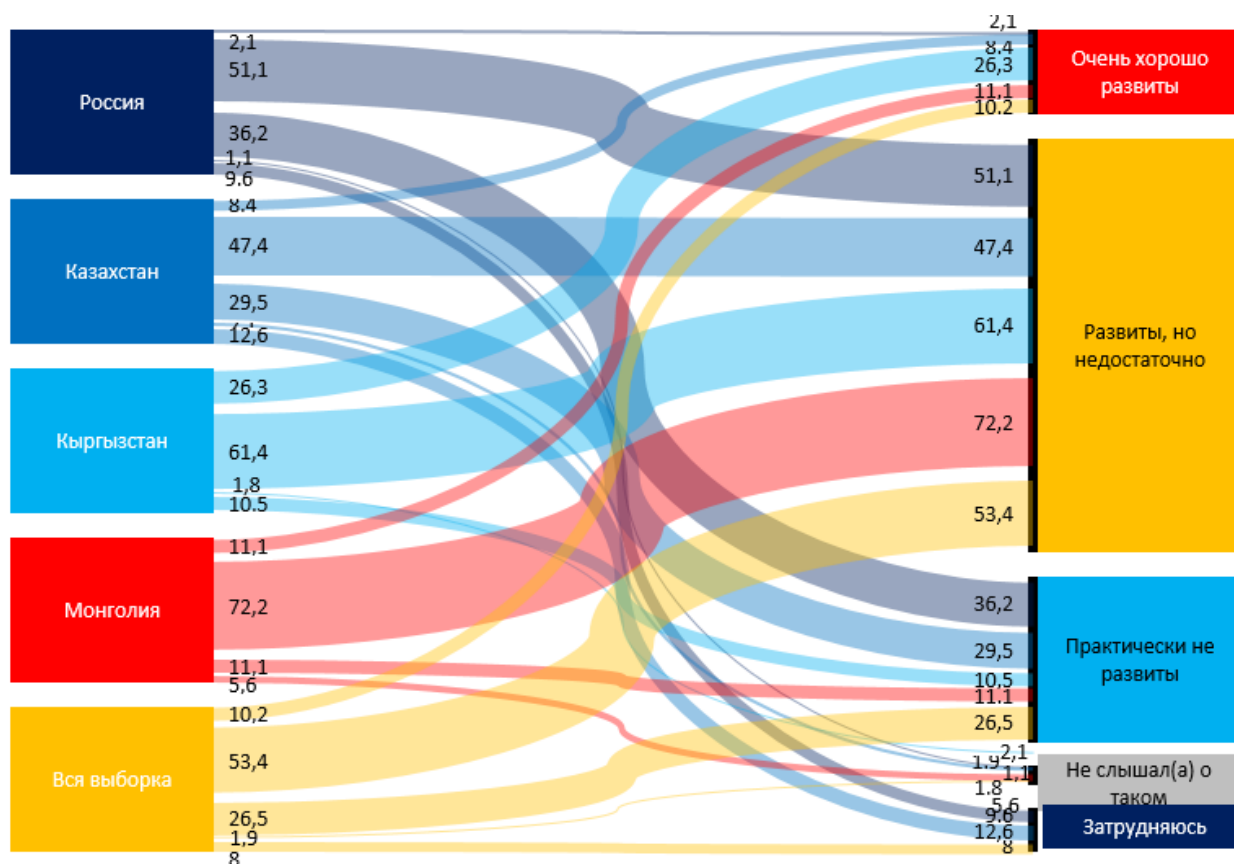

Рисунок 15 – Оценка уровня развитости институтов гражданского общества, страновые сравнения, (χ^2 , $p \leq 0,005$), %.

Ответы экспертов на вопрос «Какая из стратегий взаимодействия с институтами гражданского общества со стороны органов власти характерна для Вашей страны?» позволят нам уточнить, подтвердить или же опровергнуть сделанные выше выводы. Итак, экспертам был и предложены для выбора три следующие типичные стратегии: «Власти выполняют доминирующую роль во взаимоотношениях с некоммерческим сектором и ориентированы на сохранение патерналистской модели в социальной сфере», «Власти

выполняют вспомогательную роль в регуляции отношений в социальном некоммерческом секторе, осуществляют административную и методическую поддержку НКО» и «Власти не взаимодействуют с некоммерческим сектором, не оказывают им какой-либо финансовой, организационной или иной другой помощи».

Согласно схематичным данным, отраженным на рисунке 16, мы убедились в правильности наших предположений. Итак, опять-таки Россия и Казахстан, Кыргызстан и Монголия демонстрируют полярные ситуации в сфере взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти и управления.

В России и Казахстане большинство экспертов отметили доминирующую роль государства во взаимоотношениях с некоммерческим сектором (73,3% и 60% выборов экспертов соответственно), менее четверти экспертов этих стран говорили о вспомогательной роли государства, причем в России эту позицию отмечали реже: 25,6% экспертов Казахстана и 17,4% – России. Однако это не говорит об отсутствии диалога между государством и третьим сектором – он интенсивен, однако, скорее, носит характер довольно жесткого диктата – об отсутствии взаимодействия власти с некоммерческими объединениями сообщили только 9,3% экспертов в России и 14,4% – в Казахстане.

Иная модель развития третьего сектора формируется в Кыргызстане и Монголии. В данном случае эксперты балансируют между мнениями о вспомогательной роли государства в деятельности неправительственных организаций (62,5% экспертов Монголии и 34,6% – Кыргызстана) и отсутствие взаимодействий между государственной властью и некоммерческим сектором (37,5% экспертов Монголии и 36,5% в Кыргызстане), при этом обратим внимание, на то, что большая часть представителей Монголии сообщали об отсутствии государственно-общественного диалога и партнерства.

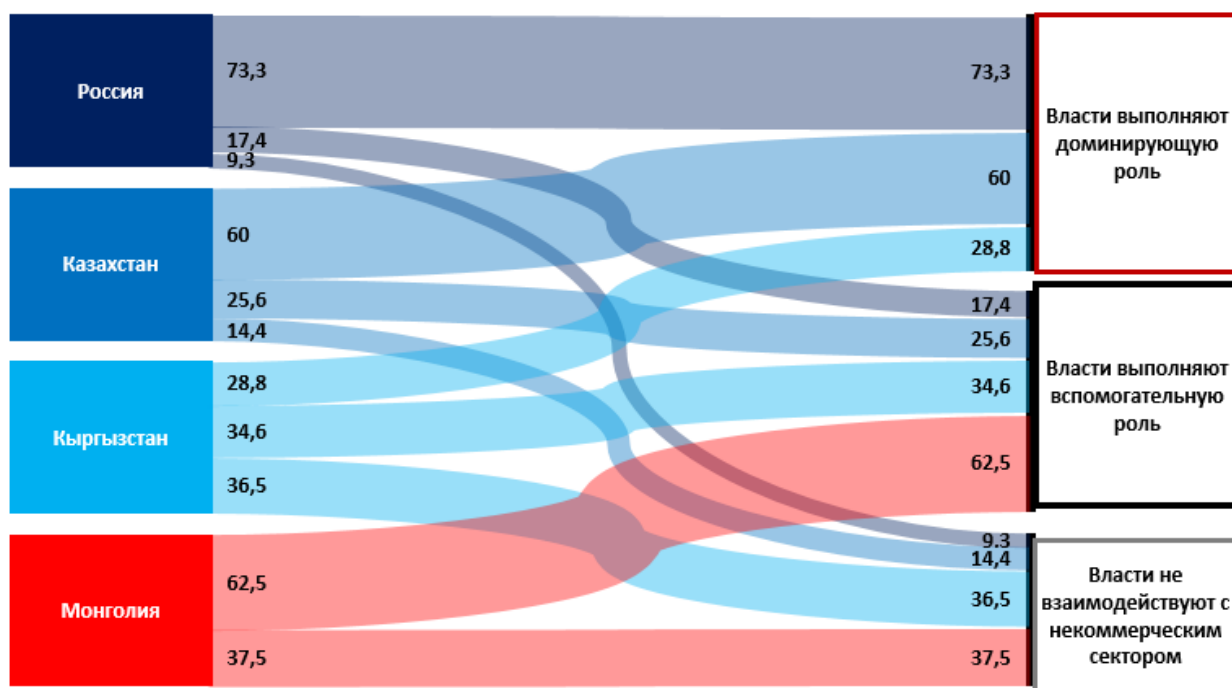

Рисунок 16 – Оценка стратегий взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества, страновые сравнения, (χ^2 , $p \leq 0,005$), %.

Заключение

По результатам проведенного социологического исследования нами проведен анализ экспертных мнений представителей четырех стран – России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии, цель которого заключалась в оценке необходимости и перспектив сотрудничества в трансграничном центрально-азиатском регионе, а также выяснение роли и потенциала влияния гражданских активистов и институтов гражданского общества в этом процессе.

Приведем в обобщенном виде сделанные выше при описании данных принципиальные выводы, отметив, что полученные экспертные оценки, во-первых, согласуются с ранее выявленными трендами, а во-вторых, отражают современную ситуацию глобализирующегося сообщества. Страны Центрально-Азиатского региона, несмотря на значительные сдвиги социально-экономического развития последних десятилетий, находятся в разных экономических условиях, разных правовых и политических режимах, что снижает, по мнению экспертов, перспективы сотрудничества именно в сферах, сопряженных с научно-техническим развитием, общим развитием экономики и инвестиционными режимами государств. Очевидно понимание экспертами значимости сохранения общей экологии и охраны природы, поддержания экосистемы приграничных территорий, предотвращении негативных эффектов индустриальной и иной активности человека, способной оказать влияние на природную среду. Экологическая безопасность важна в оценках молодых гражданских активистов не менее общественной, борьба с транснациональной преступностью, к сожалению, до сих пор является острой проблемой трансграничного пространства Центральной Азии и Большого Алтая. Только объединенными усилиями граничащих государств возможно осуществлять профилактику и предотвращение негативных эффектов террористической и иной преступной деятельности. Как направление в области сохранения экологической, так и национальной безопасности являются особым предметом обсуждения на межправительственном уровне, однако в рамках нашего исследования выделен ряд направлений взаимного сотрудничества, важных, по мнению экспертов, в современных условиях.

При сохранении общих трендов, можно отметить, что для россиян большую актуальность представляют вопросы безопасности и экономического развития трансграничной зоны, а для представителей других стран очевидно проявляются иные акценты: для Казахстана таким стал рынок труда и кросс-граничные миграции, для Кыргызстана – экология и туризм, для Монголии важен потенциал образовательного и научного сотрудничества между странами. Отметим также и то, что для экспертов Казахстана и России значения индексов значимости направлений сотрудничества в

среднем выше, чем для представителей Кыргызстана и Монголии, что, очевидно, связано с более тесными контактами этих двух стран, как культурно-гуманитарными, так и экономическими, их больше «близостью», интенсивностью в контексте межгосударственных отношений.

Следующим принципиальным выводом стало заключение о ведущей роли в развитии трансграничного сотрудничества институтов государства, формирующих правовой, экономической и иные контексты взаимоотношений в пространстве регионов Центральной Азии и Большого Алтая, именно они являются ключевыми субъектами такого сотрудничества. Однако народная, публичная демократия и международные связи реализуются и иными инструментами, имеющими немаловажное значение, а управляют этими инструментами представители делового мира, институты гражданского общества, носители научного знания, которое, по своей сути, не имеет границ. Фактуру коммуникаций трансграничья формируют и сами его жители, осуществляя различного рода проекты, реализуя персональные жизненные стратегии в разных сферах, исследователи народов и культур, их общей истории и этнографии.

В определении акторов, которые играют ключевую роль в развитии международных связей между странами Большого Алтая и Центральной Азии, оценки экспертов всех четырех стран в целом схожи, однако выявлены некоторые страновые различия, которые, впрочем, согласуются с выявленными приоритетами трансграничного сотрудничества. Так, например, для России ключевыми акторами взаимодействия в пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая выступают региональные власти и правительственные учреждения, при этом существенный вклад вносят туристы и путешественники, продвигающие идеи культурного сотрудничества, знакомящие жителей стран региона с географией, культурами и обычаями народов, населяющих трансграничные регионы, отмечена и роль молодежных и студенческих организаций, а также органов местного самоуправления, привлекающих жителей граничащих стран для участия в разнообразных проектах.

Схожим образом отражены и взгляды казахстанских коллег на роль ключевых акторов трансграничного взаимодействия. При этом для жителей Казахстана значимой представляется роль отдельных туристов и путешественников в продвижении идей сотрудничества между граничащими регионами, вторую позицию занимают органы власти регионального и местного уровня, третью позицию по оценке роли в сотрудничестве в пространстве трансграничья заняли отдельные гражданские активисты.

В оценках экспертов из Кыргызстана роль туристов и отдельных путешественников в интеграции народов и культур трансграничья представляется еще более весомой, ее

выделили более половины информантов, а вот роль муниципалитетов и органов власти регионов и правительственных учреждений куда более скромная.

Если оценки экспертов России, Казахстана и Кыргызстана демонстрируют схожие тенденции и, видимо, отражают реальное положение в кросс-культурных коммуникациях, то эксперты из Монголии подчеркивают особенности сложившихся взаимодействий этой страны с граничащими государствами и особенности внутренней политики страны. Наиболее активны в продвижении идей и практик интеграции в Монголии некоммерческие организации, на второй позиции – активность молодежных и студенческих объединений, региональной власти и центрального правительства. Для Монголии и Кыргызстана, в отличие от Казахстана и России, роль бизнес-сообщества в выстраивании межстрановых контактов все-таки более важна, такие практики чаще отмечались экспертами, принявшими участие в нашем исследовании.

Трансграничное сотрудничество – естественный и ожидаемый процесс. Жители приграничных регионов находятся в процессе естественного, формировавшегося длительные десятилетия и даже столетия взаимодействия, интенсивных семейных, других социальных контактов, деловых и профессиональных коммуникаций. Этот процесс зачастую независим от политических процессов, а сама зона трансграничья всегда была и будет оставаться особым кросс-культурным пространством интенсивных взаимодействий и интеграционных процессов. Как мы видим, в некоторых государствах (например, России и Казахстане) органы государственной власти со всей системой своих институтов интенсивно включаются в такие взаимодействия, следуя внешней политике взаимной интеграции и гуманитарной, культурной, образовательной экспансии, в случае же пассивности государства, его роль начинают замещать неправительственные учреждения, отдельные гражданские активисты и лидеры общественного мнения, что мы видим на примере Кыргызстана и Монголии. Очевидно проявляется вклад в наращивание интеграционных процессов усиливающейся мобильности населения, межстранового туризма, которая максимально выражена именно в приграничных территориях, что делает такие поездки (например, в целях этнотуризма, гастрономического, рекреационного туризма и тому подобное) более доступными для широких масс населения.

Определен вектор оценок лидерства в трансграничном сотрудничестве: несмотря на различия в экономическом развитии, политических внешних и внутренних процессов в государствах Центральной Азии и Большого Алтая, существенно важно развитие паритетных отношений, даже если одна из стран по некоторым направлениям развития диалога играет ключевую или определяющую роль. Только политика учета взаимных интересов, по мнению экспертов, будет способствовать конструктивному сотрудничеству

в решении общих задач, как государственного, так и локального значения. С одной стороны, полученные оценки объективно отражают существующее доминирующее по отдельным направлениям положение России, а, с другой стороны, острую необходимость сотрудничества и готовность выстраивать взаимодействие в условиях равных партнерских взаимодействий суверенных государств.

Развитие транснациональных связей не утрачивало своей актуальности с момента распада Советского Союза и образования новых суверенных государств, что подтверждают исторические события, и политическое внимание к Большому Алтаю и развитию совместных коммуникаций в пространстве стран Центральной Азии в разные периоды новейшей истории получало новые импульсы. Интерес к транснациональному сотрудничеству скорее растет, появляются новые проекты и идеи коллаборации. Чаще прочих новые векторы в интернациональных коммуникациях отмечали эксперты из Киргизии и России, интенсификацию взаимных отношений в странах Центральной Азии и Большого Алтая отметили более трети экспертов Казахстана. Несколько иная ситуация складывается в Монголии. Действительно, если страны Центральной Азии, бывшие советские республики традиционно поддерживают коммуникации внутри трансграничной зоны, то ситуация, складывающаяся в современной Монголии и ее внешней политике, несколько иная. Монголия, находившаяся еще несколько десятилетий назад на периферии международной политики, в последние годы привлекает к себе все больше внимания мировой общественности, политиков, политологов, экономистов, бизнесменов и СМИ. Эксперты справедливо отмечают снижение в последние годы интереса Монголии к развитию Центрально-азиатского направления сотрудничества, о чем сообщили 31,6% участников исследования из этой страны. Наиболее перспективным сегодня выглядит развитие российско-кыргызских отношений.

Отдельным направлением трансграничного сотрудничества является обмен культурными практиками, популяризация традиций, социального и культурного наследия наций и народностей. Настроения в отношении интереса к культурному наследию народов среди молодежи России в экспертных оценках существенно отличаются от соответствующих интересов молодежи стран Центральноазиатской зоны. С одной стороны, такое внимание к культуре и обычаям своего народа в странах, стремящихся к моноэтничности в угоду титульному этносу, несмотря на полинациональность государства, вполне оправданно, особенно – в период поиска страной общественно-государственных идеалов и идей национального развития, среди которых приоритеты этносоциального и этнополитического характера занимают далеко не последние позиции.

В современном мире, где текущие процессы приобретают характеристики все возрастающей динамичности, гибкости и стремительности, человек находится в поиске элементов устойчивости и стабильности. Находясь в состоянии неопределенности и даже страха не соответствовать стремительно меняющимся требованиям современности, индивид стремится обеспечить защищенность, сохранять позитивный вектор личного развития и обеспечить безопасность жизнедеятельности. Значимыми маркерами в таком случае становятся элементы устойчивости личности, некие константы, способные стать основной защитного механизма личности. Такими константами, наряду с гендерными, профессиональными, иными социальными идентификациями, становятся этнические и религиозные компоненты идентификации личности, обеспечивающие духовную безопасность индивидов, и, в конечном счете, безопасность общества и государства.

Треть экспертов России отметили низкий уровень интереса современной российской молодежи к культурному наследию наций и народностей центральноазиатского региона, тогда как кыргызской молодежи низкий уровень такого интереса присущ только в оценках пятой части экспертов Кыргызстана, десятой части экспертов Казахстана, также 15,8% экспертов Монголии сообщили о низком уровне интереса молодых жителей Монголии.

При этом российская молодежь реже представителей других стран тяготеет к получению знаний о народах и культурах своего региона – высокий уровень интереса к проблематике отметили лишь 8,2% экспертов, тогда как более пятой части экспертов Казахстана и Монголии отметили высокий уровень интереса молодежи своих стран к социальному и культурному наследию наций и народностей, несколько менее выражен такой интерес среди молодых граждан Кыргызстана – на уровне 17,5% выборов экспертов.

Проект «Большой Алтай: форсайт 2050» в большей степени направлен на вовлечение в тематику интеграции стран Большого Алтая и Центральной Азии гражданских активистов, способных на качественном уровне организовать просветительскую деятельность, связанную с продвижением идей транснационального сотрудничества, умением использовать имеющиеся в странах трансграничной зоны механизмы и инструменты гражданского участия в делах общества. Вместе с тем, как в отношении развития экономик стран трансграничной зоны, так и в отношении состояния гражданского общества, развиваемых правительствами стран механизмов и практик гражданского участия, поддержки развития гражданского общества и третьего сектора, наблюдаются определенные различия, обусловленные как состоянием такой деятельности

государства, так и разными правовыми и организационными условиями, в которой она разворачивается.

Сегодня страны Центрально-азиатского региона в той или иной мере вовлечены в процессы строительства гражданского общества, однако, следует помнить о том, что это строительство – двусторонний процесс. Интеграционные и солидаризационные процессы в обществе, равно как и развитие гражданских инициатив и практик гражданского участия, могут стимулироваться и развиваться как благодаря инициативам государственных, правительственных структур, так и под влиянием инициативных граждан, аккумулирующих потенциал общественного развития. Активизация приграничного, трансграничного сотрудничества – одна из форм консолидации общества, в том числе в рамках различных интеграционных объединений, таких как Большой Алтай. Например, межрегиональное и приграничное сотрудничество становится одним из главных катализаторов интегрирующей роли России с сопредельными государствами. Имеются все предпосылки для того, чтобы межрегиональное приграничное сотрудничество стало одним из главных катализаторов интеграции в сообществе, как России, так и Казахстана, Кыргызстана и Монголии. Подтверждением этому, в частности, является уверенность экспертов нашего исследования в том, что сами активные жители приграничных территорий являются, наряду с правительствами стран, ключевыми акторами развития транснациональных связей и коммуникаций.

Вместе с тем, большинство оценок экспертов во всех странах распределилось между полярными оценками реального влияния гражданского общества на происходящие в странах процессы. Если судить по общей выборке четырех регионов, то в целом около половины экспертов склоняются к мнению о том, что существующее гражданское общество не способно выступать в качестве активного актёра общественно-политической жизни общества, способного оказывать сколько-нибудь существенное влияние на происходящие в обществе процессы. Около трети экспертных мнений тяготели к противоположной позиции, согласно которой существующее гражданское общество способно оказывать реальное воздействие на дела общества и управлять общественным развитием.

Эксперты России и Казахстана демонстрируют схожие тенденции в оценках: по их мнению, гражданское общество носит скорее декоративный характер, оно сформировано, но не имеет потенциала реального воздействия на общество. В Кыргызстане и Монголии мы получили зеркальную картину: треть экспертов, придерживающихся мнения об отсутствии у сектора НКО реального потенциала влияния и более половины тех, кто высказались за наличие у сектора НКО этих стран всех необходимых ресурсов и

механизмов для активного участия в делах общества и управлении процессами общественно-государственного развития.

Политика по развития гражданского общества в России и Казахстане носит схожие черты, о чем косвенно свидетельствует и то, что только в этих двух странах эксперты отмечали отсутствие гражданского общества как такового. Мы высказали мнение о том, что такое мнение может сформироваться, в том числе и в силу широких усилий государства по формированию и поддержке гражданских институтов и различных форм общественного участия в делах государства. Такие усилия могут показаться экспертам чрезмерными, направленными не на создание независимых неправительственных объединений, а лояльного власти пула так называемых «конструктивно» настроенных общественных организаций, нацеленных на «поглощение» финансовых ресурсов, направляемых из государственного бюджета на развитие гражданского общества.

Мы получили подтверждение сформулированного тезиса о схожих векторах и тенденциях развития сферы некоммерческой активности и третьего сектора в целом между двумя группами стран, первую из которых составили Россия и Казахстан, а вторую – Кыргызстан и Монголия. В первых двух странах развитие гражданского общества, согласно экспертных мнений, в большей степени определяется деятельностью государства и соответствующими стратегическими приоритетами в области общественного развития правительственных структур, а также механизмами вовлечения некоммерческих объединений (преимущественно социально ориентированных) в процессы общественно-государственного партнерства. Вторая группа стран схожа пониженным интересом и вниманием государства к развитию гражданского общества, широким присутствием иностранного донорства в сфере деятельности негосударственных некоммерческих объединений, формирующих для этого сегмента приоритеты развития, проектной деятельности и в целом формирующих профессиональные компетенции лидеров негосударственной сферы вне процессов участия государства в развитии гражданского общества.

Сказанное еще раз подтверждает распространённость разных моделей гражданского общества в двух группах стран. Каждая из этих моделей имеет существенные достоинства и существенные недостатки, как показывает практика развитых стран, прошедших этапы становления гражданского общества и начальные стадии его развития, поэтому говорить об успешности той или иной стратегии в трансграничном пространстве в преломлении национальных особенностей и стратегий государственно-общественного строительства на данный момент преждевременно.

Библиографический список

1. Baasanjav U. Mediated political and social participation: examining the use of the Internet by Mongolian government and civil society institutions //Journal of Information Technology & Politics. – 2008. – Т. 4. – №. 3. – С. 41-60.
2. Baasanjav U. Mediated political and social participation: examining the use of the Internet by Mongolian government and civil society institutions //Journal of Information Technology & Politics. – 2008. – Т. 4. – №. 3. – С. 41-60.
3. Byambajav D. NGPs in Mongolia: A crucial factor in Mongolian society and politics // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – № 13. – С.132-146.
4. Civil Society Brief: Mongolia. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/503101/civil-society-brief-mongolia.pdf>
5. Dembereldorj Z. The role of civil society organizations in Mongolia. 2019. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-role-of-civil-society-organizations-in-Mongolia-Dembereldorj/98057267ce90fa577d58efb42a31e3b124346a39>
6. Fish M. S. Mongolia: democracy without prerequisites //Journal of democracy. – 1998. – Т. 9. – №. 3. – С. 127-141.
7. Fritz V. Mongolia: The rise and travails of a deviant democracy //Democratization. – 2008. – Т. 15. – №. 4. – С. 766-788.
8. Ginsburg T. Mongolia in 1997: deepening democracy //Asian Survey. – 1998. – Т. 38. – №. 1. – С. 64-68.
9. Pomfret R. Transition and democracy in Mongolia //Europe-Asia Studies. – 2000. – Т. 52. – №. 1. – С. 149-160.
10. Undarya T. State of civil society development in Mongolia //Mongolian journal of international affairs. – 2013. – №. 18. – С. 52-68.
11. Way, C. (Ed.). Assessment of development results. Evaluation of UNDP. Contribution on Mongolia. UNDP, 2011.
12. Алейников М. В., Боровиков И. Е. Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е годы XX века) //Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №. 3 (40).
13. Анайбан З. В., Хургул-Оолович М. М. Происхождение тувинцев. История вопроса //Новые исследования Тувы. – 2013. – №. 3 (19).
14. Андреев А. А. Национальная политика республики Казахстан в период становления российско-казахстанских отношений 1990-1995 гг //Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2009. – №. 2.
15. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание и направления для дальнейших исследований //Полис. – 1995. – Т. 3. – С. 48-57.
16. Байматов Б. Специфические местные аспекты " гражданского общества" в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии //Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №. 4 (46).
17. Бакаева Э. П. «Цараг» и «тооку» как этноспецифические элементы материальной культуры торгутов Монголии (к проблеме определения статуса ойратов в типологии этнических общностей) //Oriental Studies. – 2008. – №. 3.
18. Барабанов О. Большой Алтай: проект трансграничного регионального сотрудничества на стыке Центральной Азии и Сибири //Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №. 5. – С. 23.

19. Баранов Г. В. Концепция социальной ответственности в гражданском обществе России //Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – №. 2 (44) Часть 1. – С. 64-65.
20. Батырева С. Г. Меандр" зег" в декоре войлока как отображение мировидения калмыков и ойратов Монголии //Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – №. 36.
21. Бейсембаев С. Феномен казахского национализма в контексте
22. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001
23. Бектанова А. К. Генезис гражданского сектора в Кыргызстане //Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №. 3 (45).
24. Бектанова А. К., Стамова Р. Д. Гражданское общество как реальная форма социального бытия в Кыргызстане //Альманах современной науки и образования. – 2017. – №. 2. – С. 15-19.
25. Бектурганова Б. Русские и казахи: почему возрастает межэтническая
26. Белокурова Е. В. Концепция гражданского общества и современная российская политика //Политическая наука. – 2003. – №. 1. Суви С. Теория гражданского общества и постсоциализм //Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т. 7. – №. 4.
27. Богоявленский Д. Д. Этнический состав населения России //Социологические исследования. – 2001. – №. 10. – С. 88-93.
28. Бойко В. С., Кожирова С. Б. Большой Алтай: межрегиональное сотрудничество в контексте интеграционных процессов в Центральной и Южной Азии //Большой Алтай–перекресток цивилизаций: материалы VII Международной конференции по научно-техническому, экономическому и культурному сотрудничеству в регионе. – 2014.
29. Бурова Е. Е., Бижанов А. Х., Амребаев А. М. Возможности религии как основы консолидации казахстанского общества //Россия: тенденции и перспективы развития. – 2020. – №. 15-2.
30. Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Михалёва М. М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России //Мир экономики и управления. – 2017. – Т. 17. – №. 3.
31. Буян-Эрдэнэ М. Русские в Монголии: история и современность. URL: <https://regnum.ru/news/society/2469529.html>
32. Веревкин О. Л. Социальная ответственность бизнеса //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – №. 1 (95). – С. 37-48.
33. Воронин С. А., Бакина Е. А. Клановая иерархия как основа" тюльпановой революции" в Кыргызстане //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2019. – Т. 11. – №. 2.
34. Голенкова З. Т. Гражданское общество в России //Социологические исследования. – 1997. – №. 3. – С. 25-36.
35. Гольман М. И. Современная Монголия в оценках западных авторов. – Институт востоковедения РАН, 2010.
36. Гончиков Ц. Д. и др. Пространственно-временные аспекты миграции населения в приграничных районах Монгольского плато (на примере Бурятии и Монголии) //Успехи современного естествознания. – 2019. – №. 4. – С. 43-50.
37. Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики (вместо предисловия) //Россия реформирующаяся. – 2012. – №. 11.

38. Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г //Народы и религии Евразии. – 2017. – №. 1-2 (10-11).
39. Джумабаева Д. Б. Проблемы бухгалтерского учета, анализа и бюджетирования в некоммерческих организациях Кыргызской Республики //Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2013. – Т. 13. – №. 10. – С. 68-72.
40. Думбаева А., Франц И. Пособие по НПО. М.: Дело и Сервис, 2006. 253 с.
41. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.
42. Зозуля Т.Н. Формирование гражданского общества в Казахстане как важнейшее требование демократии // Вестник ПГУ №3, 2010. С. 37-41.
43. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации / Барнаул: Фонд «Алтай XXI век», 2006.
44. Иванова А. А. Корпоративная социальная ответственность: отношения бизнеса и общества в современной России //Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – №. 2.
45. Иванова К. Н. Участие населения в местном самоуправлении как способ повышения социальной ответственности граждан //Вестник Поволжского института управления. – 2010. – №. 1.
46. Ильин В. А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – №. 4 (52).
47. Исмаилов А. Становление и развитие гражданского общества в Казахстане //Россия и мусульманский мир. – 2015. – №. 9 (279)
48. Каженова Г. Т., Бадиев А. М. Основные направления миграционной политики Казахстана по оказанию помощи иммигрантам // «Уалихановские чтения – 21» сборник материалов международной научно-практической конференции. Казахстан, Кокшетау, 2017. Т.1. – С. 121-125.
49. Киварина М. В. Корпоративная социальная ответственность //Экономический журнал. – 2014. – №. 4 (36).
50. Ковалев В. В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества //Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2014. – №. 1.
51. Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории / под ред. М.Ю. Шишина, Е.В. Макаровой. Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2010. 313 с.
52. Ананин Д. П. Становление традиций научно-исследовательской деятельности в странах Большого Алтая //Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2017. – №. 1 (1).
52. Крылов А. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана //Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №. 6 (48).
53. Кузнецова С. И. Киргизия: становление гражданского общества и идентичности //Центральная
54. Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Динамика политических предпочтений граждан республики Казахстан (по материалам социологических исследований) //Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2015. – №. 4.
55. Ланг С., Хэртель А., Бюрш М. Гражданское общество и гражданская активность в России. Фонд Эберта, 2010.

56. Максимова С. Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Социальная активность как основа формирования гражданских позиций населения современного региона России //Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2015. – №. 4 (126).
57. Максимова С. Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном сибирском регионе //Society and Security Insights. – 2019. – Т. 2. – №. 3.
58. Молодов О. Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана //Социум и власть. – 2014. – №. 6 (50).
59. Мушников Е. А. Трансграничный регион Большой Алтай как мультикультурное и полилингвальное пространство //Лингвокультурологический подход в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая. – 2018. – С. 9-13.
60. Население Кыргызстана/ Под ред. З. Кудабаяева, М. Гийо, М. Денисенко - Б.: 2004. С.109-157).
61. Нурдинова Ж. Этническая и гражданская идентификация в Кыргызстане //Адам лемі-Мир человека. – 2011. – №. 2. – С. 48.
62. Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Динамика развития гражданского общества и некоммерческого сектора в трех в сибирских регионах (по результатам экспертного опроса) //Society and Security Insights. – 2020. – Т. 3. – №. 3.
63. Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян //Общественные науки и современность. – 2002. – №. 6. – С. 59-65.
64. Попова Ю. С. Неправительственный сектор Казахстана и его место в обществе //Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №. 3 (294).
65. Практики и места памяти в Казахстане (структурно-типологический обзор) / Медеуова К.А., Ермаганбетова К., Кикимбаев М., Мельников Д., Наурызбаева З., Рамазанова А., Сандыбаева У., Толгамбаева Д., Тлепберген А. Астана: ТОО Мастер По, 2016. - 73 с.
66. Рассадин В. И., Трофимова С. М., Болд Л. Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии. – Palmarium Academic Publishing, 2015.
67. Римский В. Л. Политическая и общественная активность российских граждан //Общественные науки и современность. – 2007. – №. 5. – С. 60-68.
68. Рязанцев С. В., Тикунова И. Н., Тимонин С. А. Математико-картографическая оценка этнического разнообразия в регионах России // Материалы международной конференции «Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт», ИнтерКарто/ ИнтерГИС 17. — Белокуриха, Денпасар, 2011. — С. 15–21.
69. Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России //Балтийский регион. – 2015. – №. 3. – 138-151.
70. Семенова Ю. А. Глобализация сегодня: становление нового социального хронотопа //Сумма философии. Вып. 7. – 2007.
71. Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в российском обществе — СПб.: Аналитическое агентство «Сфера», 2018. 132 с.
72. Ситнянский Г. Киргизия: национальные проблемы, внутренние и внешние //Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №. 15.
73. Старостенко К. В. Формирование национальной идентичности современного Казахстана: основные направления и проблемы //Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своём и родном. – 2019. – С. 30-36.

74. Старостенко К. В. Формирование национальной идентичности современного Казахстана: основные направления и проблемы //Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своём и родном. – 2019. – С. 30-36.
75. Старцев А. В. Проект «Большой Алтай»: Историческая ретроспектива и современное состояние //Развитие территорий. – 2016. – №. 1 (4).
76. Степанов В., Тишков В. Этническое измерение переписи 2010 //Этнодиалоги. – 2013. – №. 1. – С. 31-37.
77. Сыздыкова Д. Формирование гражданского общества в Казахстане. проблемы и пути их решения //Межвузовский вестник. – 2010. – Т. 1. – №. 11. – С. 171-173.
78. Тишков В. А. Этническое и религиозное многообразие--основа стабильности и развития российского общества: статьи и интервью. – Academia, 2008.
79. Тория Ж. Н. Укрепление казахстанской гражданской идентичности: проблема целостности //Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. – №. 2. – С. 297-305.
80. Федорова А. Дефиниции гражданского общества в посткоммунистических и либерально-демократических государствах--общее и особенное: сравнительный анализ (на примере Казахстана) //Аль-Фараби. Журнал социогуманитарных исследований. – 2020. №2 (70). – С 114–125.
81. Форсова Н. К. Влияние исторических традиций на формирование гражданского общества в России //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – №. 2.
82. Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии //
83. Цэдэв Н. Х., Адууч Д. Об этноконфессиональной ситуации в Монголии //Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы. – 2019. – №. 1.
84. Шепеленко А. Гражданское общество: переосмысление развития. URL: <https://slovo.kg/?p=106904>
85. Шульга Е. П. Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности" мягкой силы" в Средней Азии //Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8. – №. 6. – С. 54-60.
86. Ягья В., Пономарева Е. Научное сотрудничество--форма и метод публичной дипломатии //Обозреватель-Observer. – 2015. – №. 8. – С. 69.